ISSN 0132-862X

9
1993

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ВОЗДВИЖЕНИЕ ЧЕСТНО́ГО И ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ

1993 • 9

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор–председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

«Журналу Московской Патриархии» — 50 лет 2

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Возрождение Православия и обновление России 7

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Иерей Геннадий Архипов. Общий дом земного и небесного воинства 13
Н. П. Илышева-Введенская. История Очакова на Юго-Западе Москвы 17

СВЯТАЯ РУСЬ

Е. Поселянин. Упование мое — Отец, прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святый 22
Г. Зеленская. Земной путь епископа Амфилохия (Казанского) (1818—1893) . . . 26

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

К 75-летию Собора Российской Православной Церкви и восстановлению Патриаршества
Шесть дней в Петрограде и Кронштадте. *Предисловие и публикация М. Вострышева* . . 32
С. Г. Рункевич. Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917—1918 годов. *Публикация К. К. Тарасова* 35
Б. С. Лики времени 42
Л. Тихомиров. Безотлагательность церковного Собора. *Предисловие («Голоса истории») С. Сергеева* 44
В. Ф. Козлов. Свидетельствуют документы (об изъятии церковных ценностей) 47

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Александр Усов. Первая в России 53

ПРОПОВЕДЬ

Митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим. Великая святыня 65
Архимандрит Георгий. Цель жизни христианской 68
Протоиерей Николай Ведерников. В Неделю 13-ю по Пятидесятнице 69
Протоиерей Николай Голубцов. Заповеди Божии 70
Святитель Иоанн Златоуст. Из бесед на Евангелие от Матфея (Мф. 24, 1—15) 71

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Культурное наследие и современность 77

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох 87

«Журналу Московской Патриархии» — 50 лет

12 сентября 1993 года, в день памяти святых благоверных князей Александра Невского и Даниила Московского, исполняется 50 лет бытия «Журнала Московской Патриархии» — официального печатного органа Русской Православной Церкви.

Церковь, четверть века жестоко гонимая, обреченная на полулегальное существование, Церковь, все монастыри и почти все храмы которой были закрыты, пастыри закланы или заключены, а паства рассеяна, Церковь, как и много веков тому назад, свидетельствовавшая об Истине кровью своих чад, а Бескровную Жертву приносившая прикровенно, часто и не в храмах, а на квартирах, в домах, сараях, лагерных бараках на чудом сохраняемых антиминсах и проповедовавшая шепотом, Церковь, соблюдшая в чистоте Православие и сохранившая апостольское преемство,— вот эта Церковь неожиданно для многих, по Божественному Промыслу, в тяжкую годину испытаний вновь обрела голос, возвестивший всему миру: жива Русская Церковь, жива вера православная, жив народ христианский, сию веру исповедующий и ею спасаемый!

Это был 1943 год — год коренного перелома в ходе второй мировой войны, названной нашим народом Великой Отечественной. Это был год, когда лучшие сыны и дочери Отчизны осознали невозможность дальнейшего пребывания и страны, и народа вне церковной ограды. Началось возрождение. Стали открываться храмы, возобновляться монастыри, открыто проводиться крещения, венчания, молебны, отпевания. Начало восстанавливаться и грубо нарушенное извне каноническое устройство Церкви. И вот 12 сентября, в день восшествия на почти два десятилетия пустовавший Первосвятительский Престол Святейшего Патриарха Сергия, вышел первый номер «Журнала Московской Патриархии».

Строго говоря, это был не самый первый номер журнала. Еще в 1931—1935 годах очень недолгое время выходил под руководством Митрополита Сергия (Страгородского), бывшего тогда Местоблюстителем Патриаршего Престола, журнал под тем же названием, содержавший распоряжения, указы, определения церковной власти. Всего несколько номеров — и опять десятилетнее вынужденное молчание.

С сентября 1943 года и по сей день журнал выходит ежемесячно. Первые номера, объемом всего в 24 или 32 страницы, сразу же вобрали в себя важнейшие события нашей истории, переживаемой страной и народом. Церковное, богословски выверенное отношение к текущему моменту было выработано на проходившем в сентябре того года Архиерейском Соборе, все основные документы которого были немедленно опубликованы: доклад Митрополита Сергия — будущего Патриарха — «О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны», доклад митрополита Алексия — будущего Патриарха — «Долг христианина перед Церковью и Родиной...», обращения Собора к Советскому правительству и ко всем христианам мира, Деяния Собора, и так далее. Затем настал черед обычных, но давно не виденных на страницах печати церковных материалов: речей, проповедей, статей, писем, корреспонденций с мест, исследований, документов... С № 2 в журнале появилась рубрикация: Официальная часть; Речи, проповеди; Церковная жизнь; Статьи; Библиография. Объем каждого номера варьировался в зависимости от наличного материала от 32 до 48 полос. Стали публиковаться заметки, присылаемые из-за границы, свидетельствовавшие о том, что журнал и там нашел своего читателя.

Исключительно важное значение придавало Священноначалие церковному печатному органу. Не случайно первую редакционную комиссию составили такие видные иерархи, как сам Патриарх Московский и всея Руси Сергий, возглавивший работу журнала, будущий Патриарх Алексий I, бывший тогда митрополитом Ленинградским и Новгородским, митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич; † 1960), патриарший Экзарх Украины, архиепископ Горьковский и Арзамасский Сергий (Гришин; † 1943). Ответственным секретарем был назначен протоиерей Александр Смирнов († 1950). Члены редакционной комиссии стали и первыми авторами журнала. А темы диктовало само время. «Есть ли у

Блаженнейший Митрополит Московский и Коломенский Сергий (впоследствии Святейший Патриарх)

Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич)

Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (впоследствии Святейший Патриарх)

Архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов)

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, главный редактор «Журнала Московской Патриархии» с 1962 года

Христа наместник в Церкви?» — Патриарх Сергий. «Святой благоверный великий князь Александр Невский — покровитель Северного края», «Христианство и борьба с гитлеризмом», «Немецкие злодеяния в Петергофе и Пушкине» — митрополит Алексий. «Танковая колонна Русской Православной Церкви имени Димитрия Донского», «Обращение к клиру и верующим Украины», «О русских женщинах-патриотках» — митрополит Николай. Здесь же: сообщения о воссоединении обновленцев с Матерью-Церковью, о возобновлении канонического общения между Грузинской и Русской Православными Церквами, находившимися в каноническом разрыве со времен февральской революции, о благодарственных молебнах по случаю освобождения городов и земель от фашистских захватчиков, жизнеописания святых, очерки о святынях, богословские работы, объявления о приеме студентов в духовные учебные заведения и, конечно, проповеди. Авторами журнала становятся митрополит Григорий (Чуков), митрополит Вениамин (Федченков), архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), будущий архиепископ Димитрий (Зернов), будущий знаменитый литургист музыковед Н. Д. Успенский, другие известные священнослужители и церковные писатели.

Одной из главных задач «Журнала Московской Патриархии» в тот период стало освещение успехов и нужд восстановительного строительства церковной жизни.

С мая 1944 года редакционную комиссию «Журнала Московской Патриархии» возглавил Патриарший Местоблюститель Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, а с 1946 года — митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. В то же время на сотрудников редакции было возложено еще одно церковное послушание: на базе журнала в 1945 году был создан Издательский отдел Московского Патриархата, в обязанность которому вменялась подготовка и осуществление изданий, необходимых для полнокровной церковной жизни: церковных календарей, Священного Писания, богослужебной литературы, пособий для церковно- и священнослужителей, а также книг, отражающих основные этапы бытия и деятельности Русской Православной Церкви.

Журнал увеличивался в объеме, расширялся круг авторов, в редакцию приходили новые сотрудники, содержание его становилось все более разнообразным и разножанровым. Трудная задача формирования из обильного и разнопланового материала цельного, внутренне четко организованного номера, выпадала на долю ответственного секретаря редакции, обязанности которого с 1950 по 1953 год исполнял А. И. Георгиевский, а с 1954 по 1962 год — А. В. Ведерников. Вечная память этим беззаветным труженикам!

В 1954 году была проведена реорганизация редакционной комиссии журнала, обновлен состав ее членов. В эти годы значительно расширился круг церковно-исторических, богословских и канонических вопросов, освещаемых в журнале. Появились проблемные статьи, посвященные пастырскому богословию, соблюдению канонического порядка в Церкви, вопросам межправославного и общехристианского единства. Журнал стал систематически публиковать материалы о миротворческой деятельности Русской Церкви, о зарубежных поездках иерархов и клириков, а также об общехристианских и межрелигиозных форумах в нашей стране и за ее пределами.

С октября 1960 по май 1963 года председателем редакционной коллегии журнала был епископ Подольский Никодим (Ротов, впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский; †1978).

Указом Святейшего Патриарха Алексия I и постановлением Священного Синода 2 января 1962 года ответственным редактором журнала назначен архимандрит Питирим (Нечаев), который вот уже свыше тридцати лет, теперь уже в сане митрополита Волоколамского и Юрьевского, осуществляет руководство «Журналом Московской Патриархии», являясь одновременно председателем Издательского отдела Московского Патриархата. Под его просвещенным руководством журнал превратился в подлинную летопись современной жизни и деятельности Русской Православной Церкви. На его страницах регулярно публикуются Патриаршие послания, приветствия, заявления и указы, определения Священного Синода, Деяния Соборов и Архиерейских совещаний, официальные сообщения о важных событиях в церковной жизни. Наречения и хиротонии новопоставленных епископов — один из обязательных разделов журнала. По этим публикациям можно проследить путь служения Святой Церкви каждого иерарха. Основой духовной жизни Церкви является богослужение. Поэтому традиционно в каждом номере журнала помещаются сообщения о служениях Предстоятеля нашей Церкви, епархиальных архиереев. Большое внимание уделяет журнал и приходской жизни, монастырям и духовным школам.

За пять десятилетий в «Журнале Московской Патриархии» опубликованы многие сотни проповедей, посвященных двунадесятым праздникам, памятям святым, вероучительным и нравственным темам; сотни статей, посвященных изъяснению Священного Писания, православной догматике, нравственному и пастырскому богословию, литургике, канонике, церковной истории, патристике, агиологии, церковному искусству. Большое значение для литургической жизни приобрели публикации служб, акафистов и молитв святым. Некоторые богослужебные тексты напечатаны впервые с рукописных памятников. Журнал систематически знакомит читателей с историей, современной жизнью, духовным опытом и служением Поместных Православных Церквей, сообщает о канонизации новых святых, большое внимание уделяет развитию братских межправославных отношений.

С 1972 года журнал выходит и на английском языке, к нему проявляют

устойчивый интерес читатели более чем в 50 странах мира.

До конца 80-х годов «Журнал Московской Патриархии» был практически единственным печатным органом Русской Православной Церкви. Дочерние периодические издания — «Православный вісник» (Украинский Экзархат) и «Голос Православия» (Среднеевропейский Экзархат) в принципах отбора и подачи материала во многом ориентировались на центральный журнал, а «Голос» почти целиком состоял из его републикаций.

В связи с особым положением, не имеющим аналогов в мире периодики, сложилась и специфика «Журнала Московской Патриархии». 80 его полос долгое время характеризовались чертами и газеты, и проповеднического и катихизаторского листка, и серьезного церковно-исторического и богословского издания, а также учительного пособия для священнослужителей и мирян. Отсюда происходила и вынужденная дробность рубрик, многие из которых представляли собой как бы журнал в журнале. Только в последние годы положение стало постепенно выправляться.

С 1986 года на базе журнала стали образовываться и другие периодические издания: ежемесячное иллюстрированное приложение «Московский церковный вестник», переименованный затем в «Православное чтение», еженедельная газета «Московский церковный вестник» (с 1989 года). Наконец, с 1993 года в отдельную книжку с подзаголовком «Официальная хроника» выделился официоз — журнал, публикующий указы и заявления, исходящие от Священноначалия, важнейшие церковные и межцерковные документы, отчеты о правительственных и межконфессиональных встречах, церковно-общественных мероприятиях и т. п. Это позволило «Журналу Московской Патриархии» одновременно со значительным увеличением объема более полно и глубоко сосредоточиться на поиске, подготовке и публикации материалов богословского, церковно-исторического, гомилетического и литургического плана, привлекать к работе более широкий круг авторов, знакомить читателей с рукописным наследием мучеников и исповедников XX века, трудами зарубежных исследователей, ранее недоступных.

В нынешнем юбилейном году журнал переживает трудный период реорганизации. Все те экономические, финансовые, технические и моральные трудности, которые обрушились на нашу страну, не могли миновать и Церкви. Но, уповая на помощь Божию, на молитвы и прямое содействие верующих людей — клириков и мирян,— редакция «Журнала Московской Патриархии» надеется выстоять в испытаниях и выйти из их горнила умудренной и окрепшей. Неизменно наше твердое и преданное служение Святой Русской Православной Церкви.

КИРИЛЛ,
митрополит Смоленский и Калининградский

Возрождение Православия и обновление России

Любые размышления о былом величии Российского государства с неизбежностью упираются в вопрос: как могло случиться, что многовековая могучая государственность оказалась сокрушенной. Это сокрушение началось в 1917 году и, как кажется, продолжается до сих пор.

Россия в течение всех этих десятилетий переживает великую смуту, трудное время испытания для населяющих ее народов, в том числе и для многомиллионного русского народа.

Некоторые политологи утверждают, что распад таких государств, как Россия (бывший СССР), закономерен, что этот распад является результатом общемировых процессов, характеризующихся якобы постепенным отмиранием национальных государств, резким усилением местного самоуправления и одновременно формированием континентальных и мировых управленческих структур. Современная историческая наука объясняет революции и иные общественные катаклизмы в первую очередь через анализ исторического контекста. Несомненно, что всякое историческое потрясение имеет свои объективные причины, укорененные в экономических, социальных, культурных и прочих обстоятельствах жизни. Однако революции и иные потрясения совершаются конкретными людьми, и этот человеческий, если угодно — духовный, фактор является в конце концов решающей движущей силой исторического катаклизма.

В. Розанов, на один год переживший революцию, делал акцент именно на этом факторе, отмечая, что «российская почва» оказалась целиком захваченной абстрактными понятиями, пропитанной ассимилированным сознанием, носители которого убедительно разъясняли «русскому стаду» крайности революционной переделки.

Для обозначения наиболее крайних выражений ассимилированности в русском языке издавна существует специальное обозначение. Так, А. С. Пушкин, исследуя историю пугачевского бунта, писал: «Войско его состояло из трехсот яицких казаков, ста калмыков, башкирцев, ясачных татар, господских крестьян и всякой сволочи»,— то есть всякого сброда (без ругательного оттенка). Это и есть малый ассимилированный интернационал, члены которого оторваны от своих корней, не знают ни рода, ни племени, не имеют четких ориентиров и точек опоры, без святого в душе. Сознание таких людей ассимилировано по многим признакам идентичности, они лишены внутренней целостности, их человеческое существо расщеплено.

Действительно, для революционного «преобразования России» одинаково годились и грузин Сталин, и еврей Троцкий, и русский Ворошилов, и неизвестно какой Ленин, то есть те, кто составлял не столько пролетарский, сколько именно этот ассимилированный интернационал. Движущей силой всех революционных катаклизмов является это ассимилированное сознание, которое богословски можно охарактеризовать как существующее вне Предания, как разрушающее основные признаки идентификации человеческой личности.

Идеологическая составляющая этого сознания всегда вторична, как вторичны политические взгляды его носителей. Ассимилированное сознание может включать

Доклад на открытии I Всемирного Русского Собора. Москва, 26 мая 1993 года.

в себя религиозный компонент или быть атеистическим, но всегда и при любых обстоятельствах оно, это сознание, секулярно, то есть религиозный фактор если и присутствует, то непременно на периферии и никогда в центре, в качестве определяющего. Религии в этом сознании уделяется строго определенное, узкое пространство, зависимое и подчиненное, ибо нацелено оно не на духовное совершенствование личности и общества, а на захват власти и последующее ее удержание.

Вторична здесь также и партийная принадлежность. Она — не более как костюм и декорация на театральной сцене, причем эти декорации могут причудливо смешиваться, повергая в полное недоумение зрителя, утрачивающего всякую способность отличать правое от левого. «Несясь к обрыву,— записал в своем «Дневнике» тот же В. Розанов,— мы вообразили, что несемся «к свету», к «братству и любви», тогда как на самом деле... мы падали, захлебываясь в мракобесии «передовых идей», отравленные ложью сатанизма и предательством сволочи».

Исторически человек искони идентифицировал себя по индивидуальным, половым, родовым, этническим, культурным, моральным, религиозным, государственным и прочим признакам. По любому из этих признаков, вплоть до полового, он может претерпеть ассимиляцию. Конец XX века являет нам устрашающую картину такой ассимиляции: подавляющее значение моды (не только в одежде, но и в стиле жизни) бросает вызов индивидуальности; легализация и пропаганда гомосексуализма, практика хирургического изменения пола, опять-таки мода размывают половую идентичность; господство унифицированной «технокультуры», единообразной, полностью лишенной каких-либо национальных корней «поп-культуры», шаблонной видеопродукции подрывает культурно-этническую идентичность. Внедрение диаспорического сознания, возрастающая роль надгосударственных структур, идея нового мирового порядка содействует ассимиляции на уровне национальном и государственном; расшатывание канонических устоев и догматического сознания, искаженное толкование экуменизма как поиска вероучительного компромисса в деле объединения всех христиан, настойчивое стремление к единой универсальной всемирной религии создают предпосылки религиозной ассимиляции. Жертвой этой тенденции становится также и семья, разрушающаяся под натиском морали, характеризующейся оправданием прагматизма, потребительства и отказа от целомудрия как основополагающего принципа, регулирующего отношения между полами.

Существует целый ряд и объективных факторов, которые прямо или косвенно способствуют возрастанию ассимилированного сознания и ассимилированной психологии. Это интернациональная природа капитала, всепланетный характер транспорта, связи, средств информации, особенности современного развития производства, торговли, науки.

Означает ли сказанное выше, что всякий глобализм и стремление к единству несет в себе опасность ассимиляции, потерю собственных корней, утрату внутренней целостности. Отнюдь нет, ибо церковное сознание и видение мира тоже глобально, а призыв к единству последователей Христа содержится в Евангелии (Ин. 10, 16). Более того, Священное Писание ясно указывает, что в Царствии Небесном все рассмотренные выше признаки идентичности исчезают. Действительно, там не будут жениться и выходить замуж (Мф. 12, 25), там *нет мужеского пола, ни женского,* там *нет уже ни иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного* (Гал. 3, 28); *...и будет одно стадо и один пастырь* (Ин. 10, 16). Церковный «глобализм» именуется кафоличностью. Святая Церковь есть Церковь Кафолическая, то есть Вселенская и Единая, собранная из множества Поместных Церквей, каждая из которых обладает всей полнотой благодати. Кафолическая Церковь способна вместить все, присущее миру культурное и национальное многообразие. Церковь есть *полнота, Наполняющего все во всем* (Еф. 1, 23). И в этой полноте наши различия и особенности, не переплавляясь в безликий конгломерат, но сохраняясь в неприкосновенности, в единстве, приносятся Богу как драгоценный дар, в котором отражаются вся красота и многообразие мира. Если же некто предлагает то же, но не во Христе, и не как *доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни* (1 Тим. 6, 19), то происходит подмена. Человечество со времени грехопадения проходит искушение хлебом и властью — то самое, которому сатана подверг Христа в пустыне (Лк. 4, 2—13). Ассимилированное сознание, лишенное духовной опоры и нравственного ориентира, развернутое в сторону материальных ценностей и полностью секуляризированное, неспособно противостоять искушению и сознательно или

бессознательно принимает сторону диавола. Порабощенная темной силой, эта реальность становится одновременно и жертвой, и орудием зла.

С религиозной точки зрения стратегия зла, *тайна беззакония уже в действии* (2 Фес. 2, 7). Она в действии с момента грехопадения. В эту стратегию опять-таки сознательно или несознательно могут включаться разные человеческие силы, организованные и неорганизованные, индивидуумы и группы, к этой стратегии может оказаться причастным любой, кто поддается диавольскому искушению и не имеет внутренних сил противостоять злу. Гениальный Ф. М. Достоевский сказал о человеческом сердце, как о поле невидимой брани добра со злом, он же прозорливо связал революцию, насильственное разрушение вековых устоев национальной жизни с бесовщиной.

Может ли стратегии ада быть противопоставлена человеческая стратегия, например политическая борьба, военная сила, экономическое давление. Всякая человеческая стратегия борьбы опирается на человеческие земные ограниченные средства, неспособные сокрушить диавола и исторгнуть его из истории. Более того, человеческая стратегия борьбы нуждается в видимой, конкретной цели, по которой можно было бы наносить удары. Отыскание этой цели — дело духовно опасное, и навряд ли может быть успешным, ибо диавол есть *лжец и отец лжи* (Ин. 8, 44). Персонифицированное зло может быть опознано лишь силой духовного опыта, о чем свидетельствуют нам жития святых, и менее всего ухищрениями человеческого ума. Попытки противостоять стратегии ада в категориях политической или иной земной борьбы погружают людей в атмосферу подозрительности, страха, заставляют занять круговую оборону. С адом нельзя бороться человеческими средствами. Ад «царствует, но не вечнует»,— по слову Златоуста. Всякая диавольская стратегия уже побеждена силой Воскресения Христова. «Ад, где твоя победа? Воскрес Христос и пали демоны». Для соучастия в этой победе необходимо быть со Христом через сопричастность к Его Церкви, Воцерковление нашего народа, возвращение блудного сына в дом отчий — одно только способно воскресить Русь и дать ей силы вновь стать Святой Русью, способной противостоять силам ада. Жизнь в Боге дарует любовь, *в любви нет страха*, ибо *любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). Верующий человек, имеющий дар благодати, внутренне силен, ему нет нужды прятаться за искусственно возведенными стенами культурного, национального или политического гетто. Он открыт миру, лишен страха и подозрительности, ибо силой Божией способен противостоять ассимиляции и сохранить нерушимым свой внутренний духовный мир. Такой человек способен к реальному диалогу без того, чтобы стать предателем или побежденным, он готов слушать и имеет шанс быть услышанным.

После Октябрьской революции России был навязан принцип национально-территориальной автономии как основы федерального устройства государства. Народы ассоциировались с территориями, несмотря на то, что в одних случаях никаких исторических границ у этих территорий вообще не существовало, а в других эти границы в прошлом изменялись неоднократно, причем нередко насильственно. Каждому народу свойственно помнить и гордиться тем именно периодом своей истории, когда он находился в расцвете своего могущества. Поэтому пересечение интересов народов (этих ныне вновь самоутверждающихся субъектов исторического процесса), питаемое национальным толкованием истории, было неизбежно.

Многие лидеры общественно-политических движений в республиках бывшего СССР именно в нации видят силу, способную решать все проблемы, не сознавая, что самой нации еще требуется длительный процесс возрождения. Чтобы стать силой творческой, созидающей, а не стихией и силой природной, нация должна быть оплодотворена Свыше. Лишь через причастность к универсальному, Божественному национальное лишается эгоизма и перестает быть источником вражды и конфликтов.

К сожалению, с крушением тоталитаризма и обретением основных прав и свобод возрождение религиозное и национальное пошло у нас раздельно, на что, безусловно, повлияли семьдесят лет государственного атеизма. Там же, где имеет место соединение этих начал, налицо зависимое, эксплуатируемое положение начала религиозного по отношению к национальному. Религиозный фактор рассматривается националистическими силами как инструмент борьбы и грубо эксплуатируется. Вот, например, отрывок из статьи украинского журнала «Националист»

(№ 1, 1992 год): «Строительство нации, в частности украинской нации — акт наивысшей морали. Моральную оценку всем явлениям сегодняшнего дня можно давать только с точки зрения этого акта морали наивысшего напряжения... Нация — та необходимая единица, через которую чистый дух может наиболее полно воплотиться в жизнь. Через нацию дух имеет свою целостную реализацию воплощения. В связи с этим необходимо понимать национализм как высшего уровня религиозное усилие».

Здесь мы сталкиваемся с необоснованным усвоением национальным ценностям приоритетной роли в религиозной жизни, а значит и в метафизической ориентации личности, в то время как природа личности сверхнациональна, ибо создана по образу и подобию Божию, и состоится человек именно тогда, когда в своей земной жизни осуществляет это Божественное подобие. Развитие же событий на Украине показало, какого рода «дух» здесь воплощается — дух самоограничения, вражды и злобы, приведший к физическим избиениям и попранию элементарной свободы тех, кто, оставаясь украинцем, отказался подчинить религиозное начало началу националистическому. К Православной Церкви там предъявляется претензия, что она угасила «боевой дух» нации. Поэтому Церковь должна быть изменена или подменена другой, национально более «сознательной». В этом причина появления «украинской автокефалии».

Церковь призвана воспитывать религиозно-национальное самосознание, суть которого в том, чтобы сознавать себя ответственным за осуществление в реальной исторической жизни нравственного идеала христианства. Возводить национализм в высший принцип означает увековечить и узаконить ту борьбу, которая раздирает человечество, значит погубить братство народов, составлявших и составляющих Россию. Пересечение интересов двух самоутверждающихся наций неизбежно приведет к столкновению, если их воля ослеплена одной только национальной идеей. Напряженность национальных конфликтов, характеризующих постсоветскую эпоху — это свидетельство разрушения поля культуры, в котором национальное начало составляет весьма важную, но не единственную часть мозаики, это отсутствие адекватного места для начала религиозного, способного преодолеть национальный эгоизм, возвысить национальное до универсального, преодолевая безразличие космополитизма.

На территории бывшего СССР нет ни одной нации, у которой выход из кризиса однозначно требовал бы насилия по отношению к другим. Поэтому национальное возрождение без религиозного окормления напоминает обессиленного душевнобольного, который вместо того, чтобы прийти в себя и спокойно сосредоточиться, изо всех сил машет руками.

На рубеже XV века Россия сделала решающий исторический выбор, всем сердцем почувствовав красоту и духовное величие вселенского идеала, усвоила и ввела в свою жизнь принцип универсализма, отказавшись пойти по пути национальных государств Европы. Благоговейно переняв эту идею из рук обессиленной Византии, Россия предпочла эту великую, обрекающую ее на жертвы духовную миссию решению узких национальных задач.

Выбор, сделанный на рубеже XV века Промыслом Божиим, оказался решающим. С ним связана вся последующая история России. Ее поразительный взлет и не менее поразительное падение.

Можно только гадать о том, какое государство возникло бы в Московской Руси, если бы она не отдала предпочтение универсализму. Скорее всего, сильное и устойчивое мононациональное княжество в границах Русской равнины. Ясно, однако, что оно никогда бы не смогло стать великой державой, утвердившейся на бескрайних просторах Евразии.

После завершения объединения русских земель, после того как был положен конец давней борьбе с Ордой и с началом освоения Сибири идея русской ойкумены обретает реальные очертания. Идеология универсализма органически воплощается в жизни многонационального государства. Вдохновительницей собирания земель, носительницей универсальной идеи была Церковь. С момента ордынского вторжения на русской митрополичьей кафедре сменялись очень разные люди: галичанин Кирилл, грек Максим, галичанин Петр, москвич Алексий, болгарин Киприан, грек Фотий. Они разноэтничны и разнокультурны, и политические симпатии у них разные, а действовали как одно лицо, созидая Российскую державу и с XIII века готовя

союзницу слабеющей Византии, а к концу XIV века — ее преемницу.

Созвучная универсальности Церкви идея универсального государства и созидала державу. Ни один народ, ни одна конфессия не подвергались дискриминации. Пропорциональное представительство при дворе обеспечивало доступ к государю каждому народу, каждой земле. В тех случаях, когда новые земли не роднила с Россией общая вера, вступал в действие принцип личной верности государю, так называемые инородцы легко поднимались к вершинам иерархической лестницы (начиная с татарина Бекбулатовича, которого Иван Грозный, удалившись надолго в Александровскую слободу, оставил вместо себя на троне).

Складывающееся с XV века единство на удивление легко выдерживало жестокие испытания. «Смута» XVII столетия реально угрожала уничтожить государство. И что же? Вместе с Мининым и Пожарским Москву освобождали татарские отряды. Поразительный факт: в 1612 году еще живы были те, кто помнил покорение Казани в 1552 году. Казалось бы, падение Москвы и смута предоставили великолепную возможность свести счеты. Но татарские старейшины, посылая своих детей и внуков к Москве, говорили не о мести, а о защите и спасении России.

Можно сколько угодно рассуждать об универсализме, но только сами исторические события (а примеров такого рода множество в отечественной истории) позволяют ощутить и уразуметь, чем был универсализм в действительности и какую громадную роль сыграл в истории государства Российского.

Стержнем и опорой принципа универсализма явилась воспитанная Православием русская ментальность, которая пропитывала и скрепляла государство в единый организм. Стойкий, терпеливый, смиренный и жертвенный, одушевленный высшим религиозным идеалом русский народ был способен вынести любой груз, в том числе и тяжесть ойкумены. Вошедшая в поговорку загадка русской души — это и загадка Российского государства.

Еще раз вспомним А. С. Пушкина, который в своем стихотворении «Памятник» гениально выразил соприродность русского начала всем народам страны — то, что сделало Россию не механическим конгломератом, а одушевленным организмом.

Россия явила, может быть, единственный случай в мировой истории, когда существование колоссального государства поставлено было в прямую связь с высотой народного духа. Государственное устройство, в основе которого лежала не столько сила оружия, сколько сила духа, требовало от русских непрестанного подвижничества и преданности. «За веру, царя и Отечество» — так понимали русские свой патриотизм.

Собранная из многих народов и земель русская вселенная, конечно, носила в себе потенциальную угрозу распада. Ослабление идей Православия и монархизма, искушение безверием и государственным нигилизмом в начале XX века подорвали духовные основы русской ойкумены.

В условиях распада русские оказались единственным народом, совершенно лишенным национализма, зачатки которого они и теперь по инерции подавляют во имя несуществующего более единства.

Наши соседи по СНГ зацепились за национализм как уровень самосознания и самореализации. И перед лицом этих местных национализмов русские оказались беззащитными. Утрачен принцип, скрепляющий нацию. «Русские» стало пустым звуком, ничего не обозначающим именем.

В годы коммунистического режима принцип универсализма был заменен интернационализмом. Но если универсализм выдвинул русскую нацию в качестве духовного лидера ойкумены, то интернационализм, наоборот, поставил ее в неравное, более низкое по сравнению с другими положение.

Чтобы это прекратилось, нужна некая объединяющая идея, способная сплотить наш народ и помочь ему выйти из того униженного положения, в котором он оказался. С потерей принципа универсализма во многом утрачивается и самоидентификация русского народа. И проблема состоит в том, что в условиях распада и разделения, в условиях возрастающего национализма малых и средних народов, составлявших Россию (бывший СССР), попытка утвердить русский универсализм будет воспринята как некая имперская амбиция «старшего брата» или «великого соседа». Поэтому для русских не остается иного пути как путь возрождения своего национального начала. Но национальное возрождение великого народа, объединившего вокруг себя более ста других народов, по природе своей не может быть

возрождением узконационалистическим. Это возрождение обязано быть чувствительным к национальным чувствам других, оно не может быть агрессивным. Результатом призывов наших радикал-патриотов может стать полное исчезновение России как великого государства и расчленение ее на десятки малых государств, к чему открыто призывают нас во имя демократии и свободы радикал-демократы. Толчком к развалу СССР явились не события на окраинах, а то, что произошло в столице, где российские законы были поставлены выше законов всей страны.

Развитие русского национального начала должно содержать в себе некую разумную сдержанность, определенный такт, чего невозможно добиться никакой национально-политической программой, никакими призывами. Единственной силой, способной оплодотворить и реализовать русскую национальную идею без того, чтобы навсегда погубить универсалистскую миссию нашего народа, является Православная Церковь. Церковь освящает не только личности, но и нации, она спасает не только души индивидуумов, но и души народов, возвышая национальное самосознание до осознания себя орудием в совершении Божиего Промысла. Церковь призывает всех к спасению, которое есть высшее и безусловное благо, во имя которого только и возможно подлинное самопожертвование. К этому самопожертвованию всегда призывала Православная Церковь свой народ, ибо в этом самопожертвовании полнота жизни: *Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10, 39). Без религии возрождение нации возможно только в категориях политической самостоятельности и культурной обособленности, что применительно к российской реальности и русскому народу будет означать конец русской ойкумены. Нам необходимо опереться именно на православно-национальное начало, чтобы вновь дотянуться до вселенского идеала. Высшей национальной идеей всегда остается у нас идея российской ойкумены. У всякой нации есть свое призвание. Нельзя для нации спроектировать, выдумать и построить будущее по чуждому ее природе плану. Она плодотворно будет развиваться лишь в согласии с заложенными в ней свойствами. Внутренние законы национальной жизни переламывают абстрактные схемы: это случилось с коммунизмом, это произойдет с любой другой доктриной, если она не будет учитывать особенности нашего исторического опыта и русского национального духа.

Но для того, чтобы Церковь Русская могла реально воздействовать сегодня на умы и сердца соотечественников, даруя им благодатную силу для противостояния всякой темной силе, укрепляя их национальный дух и предохраняя его от ненависти и агрессивности, необходимо чтобы сама Церковь воспряла после долгих десятилетий гонений.

Возрождение Русского Православия — это не столько возрождение храмов и монастырей (хотя и их, конечно, тоже), сколько религиозное возрождение народа, его воцерковление. Религиозное возрождение есть сознательное принятие евангельского нравственного идеала, положение его в основу личной, семейной и общественной жизни; это есть также соучастие в спасительной Тайне Христа, в Пасхальной Тайне через Святую Евхаристию; религиозное возрождение есть приобщение к реальному, а не мнимому религиозному опыту. Такое возрождение мало имеет общего с модой на религию, с отношением к религии как к альтернативе неудавшейся идеологии или как к части национального фольклора. Народу нашему, и в первую очередь интеллигенции, нужно осознать, что Церковь — это не только иерархия и духовенство, но весь народ Божий, собранный вокруг своего епископа и несущий ответственность за сохранение веры и реализацию этой веры в повседневной жизни. Возрождение Православия не может совершаться без личного духовного подвига каждого. А подвиг требует сил, жертвы. Не потому ли многие из нас с такой легкостью возлагают ответственность за действительную или кажущуюся пассивность Церкви на иерархию, богословов, но никогда на самих себя. Сегодня необходимо понять, что все мы, крещеные в Православной Церкви, и есть эта самая Церковь, и без нашего духовного обновления, без подвига веры не будет возрождения Церкви, а значит и Отечества. Да поможет же нам Господь совершить этот подвиг так, как совершали его наши благочестивые предки.

Общий дом земного и небесного воинства

Святыню вывезли... Но нет,
Не всю!.. Нет, чувствую, живут
Мольбы и слезы, столько лет
От сердца лившиеся тут!

(А. Н. Майков)

В глуши вековых владимирских лесов, на берегу речушки Молокчи, в благодатном уединенном месте, что зовется в народе Ульяновой пустошью, третье столетие стоит монастырь Зосимова пустынь. Где-то там, во внешнем, богоотступном мире шумит и волнуется жизнь, идут войны и совершаются революции, сменяются правительства и общественные режимы; здесь же, как и прежде, все дышит стариной и покоем, ревниво хранит сложенное поколениями, свидетельствуя о вечности духовных основ человеческой жизни. И хотя не все уцелело в пустыни под губительным действием так называемого советского времени (порушены башни и каменная ограда, поруганы храмы и могилы) — внешний облик монастыря милостью Божией сохранен и дарует нам возможность лицезреть в целом его когда-то живой образ.

Путник, подходящий к пустыни со стороны станции Арсаки Московской железной дороги (а это единственная теперь дорога к ней), будет приятно поражен красотой и архитектурным изяществом длинного двухэтажного строения из красного кирпича с башенками и аркой, величаво возвышающегося над окружающей местностью. Не сразу он сообразит, что перед ним всего лишь монастырская гостиница, лучше всего прочего сохранившаяся за годы богоборческой власти, вероятно, благодаря тому, что напрямую не связывалась с культом.

Пройдя под аркой этого здания, путник окажется непосредственно на территории святой обители, прямо перед возвышающимся строением тоже из красного кирпича, в котором уже нетрудно узнать церковь, это — соборный храм в честь Смоленской иконы Божией Матери (Одигитрии).

Обходя его кругом, можно увидеть все монастырское хозяйство: келейный корпус, трапезный храм в честь Преподобного Сергия Радонежского, чудом сохранившиеся башни восточной стены, колокольню... Немудреный ансамбль пустыни, открытый взору с долины реки, в солнечный день напоен воздухом и светом, создает ощущение легкости и приподнятости. Вероятно, место сие вполне отвечало характеру старца Зосимы, выбравшего его для иноческих трудов и молитв. «Место это,— пишет в очерках о Русской Церкви XVIII века Е. Поселянин,— представляющее светлые, покрытые густой травой поляны, окруженные вековым бором, прорезываемые извилистой рекой, полные тишины, нарушаемой лишь пением птиц, полюбилось старцу, и он избрал это место для своих уединенных подвигов»[1].

Как явствует из работы этого замечательного писателя, основатель пустыни, схимонах Зосима, пришел в Ульянову пустошь из Троице-Сергиевой Лавры, находящейся в 25 верстах от этого места. И пришел не один, а со своим келейником — монахом Ионой. Жили первые поселенцы здесь весьма просто: в избе стояли иконы в красном углу да пни вместо стульев. Как и многие отшельники, они подвергались разного рода искушениям от демонов, но преодолевали их силою своих молитв и строгим постом. Примечательно, что уже вскоре после их обоснования на новом месте в пустошь стали притекать люди — богатые и бедные, дворяне и простолюдины. Весть о благодатном старце дошла и до царского двора, и сама императрица Елизавета Петровна стала посещать этот полюбившийся ей уголок своих обширных вла-

[1] Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905, с. 282.

Храм во имя Смоленской иконы Божией Матери, северная часть (Зосимо-Савватиевский придел)

Фото Л. Казакова

дений. Ее путь из столицы лежал в основном в Александрову Слободу, в Успенском монастыре которой пребывала под арестом ее тетка, царевна Марфа Алексеевна, родная сестра Петра Великого. Но она редко отказывала себе в утешении сердечной беседой с монахом Зосимой и сворачивала в сторону от большой дороги...

Как мудрый духовный учитель и проповедник остался в памяти народа преподобный Зосима. Его угодность Богу была засвидетельствована еще до погребения — три недели тело усопшего пролежало в ожидании императрицы в самый разгар июльской жары и нисколько не подверглось тлению. Вторично в святости усопшего старца убедились спустя десятилетия после кончины, когда пильщики леса, искушаемые огнями на его могиле, решились ее раскопать. Обнажившийся гроб предстал перед ними «в полной свежести. Из этого гроба исходило на них благоухание»[2].

Если попытаться взглянуть на современное положение Зосимовой пустыни глазами человека XVIII или XIX столетий, то оно может показаться пугающим: она почти целиком занята воинской частью. Дорога к монастырю — узкий путь между поймой Молокчи с одной стороны и колючей проволокой с указателями «Стой! Опасная зона» — с другой; в одном месте даже упирается в армейскую проходную, на двери которой вывешено требование: «Предъявите пропуск!» Рука невольно тянется к карману, а в голове рождается вопрос: «Где же его взять, армейское удостоверение?» К счастью, широкие полы подрясника и скуфья — тоже своего рода пропуск, и благодаря им удается преодолеть это неожиданное препятствие на пути.

Фактически пустынь находится во владении мира сего: заняты келейный корпус, гостиница; уютно обосновался в храме Преподобного Сергия Радонежского детский садик, да и сам собор лишь наполовину отдан в церковные руки — в центральной его части находится армейский клуб, где устраивают офицерские собрания, показывают кино — во время богослужений в правом приделе слышна лихая светская музыка... Трудное, надо признать, соседство.

Кое-где на территории монастыря можно видеть плакаты воинского содержания с характерными «патриотическими» профилями солдат в касках, на которых строгим армейским языком начертаны призывы к соблюдению воин-

[2] Там же, с. 287.

ской дисциплины и устава. Порой среди дня по пустыни пройдет женщина или ребенок. В целом же здесь господствует дух умиротворения. Порой кажется, что и нет ее вовсе, воинской части, людей в шинелях с погонами, привычно владеющих тем, что принадлежит Церкви. Настолько сильно незримое присутствие здесь Духа Божия...

Мужская половина военного городка несет службу за пределами монастырского комплекса, женщины же и дети, занятые учебой и домашним хозяйством, также почти не показываются на территории монастыря. Гораздо чаще на территории пустыни мелькают фигуры монахов и немногочисленной пока послушнической братии, которую нетрудно узнать по отросшим бородам и по особо задумчивому взгляду. И только порой отдаленные выстрелы, раздающиеся с полигона, напоминают о том, что Господь судил Зосимовой пустыни на срок быть общим домом воинства земного и воинства небесного. Это необычное сожительство может быть весьма любопытным для социологов, психологов, обществоведов; нас же оно волнует с одной точки зрения: как проблема полного возвращения святой обители в лоно Матери-Церкви. Чтобы осмыслить эту проблему, необходимо познакомиться с историей восстановления монастыря.

По рассказам братии, все началось с поездок послушника Андрея Суркова (ныне иеродиакон Савватий) и церковного активиста из Сергиева Посада Ильи Столбикова (ныне лаврский послушник) к прозорливой Наталии рязанской, духовной дочери небезызвестного архимандрита Иоанна (Груздева), которая неожиданно заявила, что есть воля Божия на открытие во Владимирской земле Зосимовой пустыни. Настойчивые указания на это провидицы заставили присоединиться к двум рабам Божиим игумена Троице-Сергиевой Лавры Порфирия (Клименко), и они уже втроем беседовали с болящей Наталией о судьбе этого насильственно погашенного миром светильника.

После первой седмицы Великого поста прошлого года отец Порфирий, Илья Столбиков и священник Федор Мушинский (духовник братства Преподобного Сергия) впервые посетили Свято-Зосимову пустынь, где имели разговор с командиром воинской части о возможности открытия монастыря. Договориться не удалось, хотя командир и задумался о необходимости духовного воздействия на нравственность личного состава своей части.

Тогда поехали в Министерство обороны России с просьбой провести крестный ход и службу на Пасху. Верховное ведомство не стало чинить препятствий, и вдохновленные успехом «первоначальники» ревностно взялись за дело. В течение недели подготовили все необходимое, и на Светлое Христово Воскресение после чтения Пасхального канона благополучно совершили крестный ход, освятили куличи и яйца первых богомольцев пустыни. Это радостное событие как будто не произвело на земное воинство особого впечатления и, возможно, так и осталось бы без особых последствий, если бы не три трагических события, случившихся одно за другим в почти ничем не нарушаемой упорядоченно-размеренной жизни гарнизона.

Умер мальчик, сын работников военного городка. Убитые горем родители попросили отпеть его по-христиански. Похоронная процессия со священником во главе прошла от храма по пустыни перед взором давно отвыкших от православных обрядов людей и невольно пробудила в сердцах забытые чувства.

Вскоре погибла женщина. И вновь похороны по христианскому обычаю... Православная обрядность начала входить в норму местного образа жизни.

Родители погребенного отрока вскоре приняли Таинство крещения, а затем и повенчались во вновь открывшемся монастырском храме. Очнувшийся народ сам потянулся к Церкви: в пасхальные дни поступили просьбы об отпевании, освящении домов, поминовении родных и близких...

Но основной перелом в сознании народа произошел после гибели людей в результате взрыва воинской лаборатории... После панихиды по погибшим на кладбище священнослужители раздавали собравшимся иконки, крестики... Благодарные люди (многие, быть может, впервые) наконец почувствовали искренность заботы Церкви о душах человеческих. С тех пор и положили в своем сердце первые насельники монастыря не продавать прихожанам ни книг, ни икон, ни свечей, а дарить — во славу Божию. Этот обычай держится уже год.

Народная мудрость гласит: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». И, как знать, что было бы с пустынью, а

Протоиерей Вадим Смирнов, епископ Владимирский и Суздальский Евлогий, игумен Парфирий (Клименко), архимандрит Нил (Сычев) возле Смоленского собора пустыни

Фото Л. Казакова

паче всего с душами людей, ее населяющих, если бы не трагические события весны прошлого года... Господь спасает нас, проводя узкими путями через болезни, страдания, разного рода огорчения, даже потерю любимых людей, разрыхляя нашу иссохшуюся душу внезапными ударами судьбы, увлажняя ее слезами раскаяния и сердечного умиления. Апостол Павел, раскрывая нам великий смысл страдания христианина, пишет: *... вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него* (Флп. 1, 29).

Первые ключи христовым воинам воины земные вручили в конце мая — угловой башни стены, в которой командование планировало открыть гриль-бар. Провели первый субботник по благоустройству окружающей башню территории, обустроили в ней первые келлии. А вскоре одна семья военнослужащих уступила им собственную квартиру из двух комнат в бывшем келейном корпусе — ту самую, в которой жил и молился последний наместник Зосимовой пустыни схиигумен Герман, провидчески, с точностью до одного дня, предсказавший время закрытия святой обители (1923 г.).

Перед праздником Всех святых, в земле Российской просиявших, поехали во Владимир, к епископу Евлогию за святительским благословением на жительство. Преосвященнейший Владыка, который не только внимательно следил за положением дел в монастыре, но и уже предпринимал попытку встречи с командованием части, не только благословил ревнующих по Бозе, но и преподнес им в дар святую икону преподобных Зосимы и Савватия, освященную на их могилах во время недавней поездки в Соловецкий монастырь. Икона пришлась как нельзя более кстати, поскольку правый придел собора был освящен в честь преподобного Зосимы Соловецкого. А незадолго до этого знаменательного события храм обрел Смоленскую икону Божией Матери — дар из Сергиева Посада.

Завидев, что еще один светильник духа возгорается на Владимирской земле, два соседних монастыря — Успенский в Александрове и Свято-Лукианова пустынь — того же благочиния — пожертвовали своим братьям во Христе иконы для иконостаса, ризы, хоругви, престол... Благодаря этой поддержке, Зосимо-Савватиевский придел довольно быстро приобрел надлежащий вид, и после освещения храма 28 июня прошлого

года начались регулярные богослужения.

Накануне праздника Всех святых, в земле Российской просиявших, ездили в Струнино, где приняли в дар еще одну бесценную икону — Воскресения Христова — наследие святой великой княгини-мученицы Елизаветы Федоровны. Игумен Порфирий, на плечи которого легла основная тяжесть становления пустыни (ныне он благочинный и духовник по послушанию в обители святого Зосимы), утверждает, что великая княгиня особо покровительствует монастырю. И его доводы небезосновательны. Вскоре после освящения собора в Зосимову пустынь приезжает некая монахиня Елизавета из Ново-Иерусалимского монастыря и обещает храму в дар частичку святых мощей великой княгини. Архимандрит Нил (Сычев), бывший в то время экономом Лукиановой пустыни (ныне наместник Зосимовой), едет за этой святыней и привозит ее сюда. Тогда-то братия и смекает, под чьим покровительством находится обитель преподобного Зосимы. Несколько позже этих событий, знакомясь с историей монастыря, монахи получили окончательное тому подтверждение. Оказывается, монахиня Елизавета Федоровна именно здесь, в Зосимовой пустыни, была пострижена в схиму настоятелем отцом Германом... Воистину у Бога нет мертвых! Все умершие — живы, и наш человеческий долг — молиться за них, беречь память об их трудах на Божией ниве, об их житейском и духовном подвижничестве — в надежде на их покровительство и заступничество за нас, грешных и недостойных.

Благоволит Господь — и разом зажгутся все погашенные очаги веры Христовой, воссияют былой славой монастыри и храмы, всплывут в памяти народной все забытые имена радетелей и подвижников Отечества Российского. Да это и происходит на наших глазах. Вот и здесь, на границе былых княжеств Московского и Владимиро-Суздальского силой Божией по частичкам, по камушкам собирается древний, забытый людьми монастырь. И отнюдь не в переносном, а в самом прямом смысле. И чем объяснить, как не Промыслом Божиим, восстановление святой обители, возвращение старинных икон, уже начавшееся обновление построек?..

В центральной части Зосимо-Савватиевского придела собора стоит большой кусок от надгробной плиты старца Зосимы, перенесенный сюда со двора детского сада. Золотые буквы надписи свидетельствуют о том, что на данном месте захоронен настоятель обители пустынник Зосима. Бедные монастырские дети, конечно, и не догадываются, что самая могила человека, которому они и их родители обязаны и помещением детсада, и многим другим, находится вовсе не во дворе бывшего храма Преподобного Сергия, а под сводами собора. Но придет время, и некоторые из них, я надеюсь, придут поклониться честным мощам старца, этого верного Христова воина, молившегося присно и продолжающего молиться ныне перед Престолом Всевышнего о стяжании любви и мира на нашей грешной и заблудшей земле.

Иерей Геннадий АРХИПОВ,
настоятель Всехсвятского храма
в селе Эдемское

История Очакова на Юго-Западе Москвы

Юго-западные окраины Москвы издавна тянули к себе на прогулку любителей московской старины, столичных краеведов, просто москвичей.

Для заядлого московского путешественника, писателя Н. М. Карамзина, юго-западные окрестности города терялись где-то в Воробьевых горах. Свои тогдашние впечатления Карамзин превосходно выразил ровно двести лет назад в начале романа «Бедная Лиза»:

«Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные готические башни Симонова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой

Храм во имя святителя Димитрия Ростовского в Очакове

стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных златых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбачьих лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчущую Москву хлебом. На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи сидят под сенью дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь: еще далее, почти на краю горизонта синеются Воробьевы горы».

Позже, уже в конце XIX столетия, известный историк И. Е. Забелин, любивший погостить в подмосковном Кунцеве, вдохновленный здешними красотами, описал историю мест, расположенных еще дальше на юго-запад. Так появилась на свет книга «Кунцево и древний Сетуньский стан».

Читая ее сейчас, более столетия спустя, невольно испытываешь желание побывать там, сравнить прошлое и настоящее. Значительная часть территории древнего Сетуньского стана вошла в черту города, здесь расположены микрорайоны Юго-Запада столицы. Новые постройки стерли обширные с хлебами поля, лесочки, деревеньки и села. Прежнюю карту этих мест нам помогают распознать церкви — там, где они еще сохранились. Церкви Пресвятой Троицы на Воробьевых горах, Михаила Архангела в Тропареве, Троицы в Троице-Голенищеве, Святителя Николая Чудотворца в Хорошеве и другие, хорошо известные теперь жителям этого района, открыты для верующих.

Оживает на Юго-Западе и еще один храм. Это храм святителя Димитрия Ростовского в Очакове, расположенный недалеко от платформы Очаково, среди оврагов и буераков, заросших зеленью.

Упоминания об Очакове, содержащиеся в старинных летописях, начинаются, как правило, с XVII века. Тогда Очаково было деревней на реке Навексе (Вешке), находившейся в Московском уезде, Сетуньском стане, в вотчине князя Н. И. Лобанова-Ростовского, а с 1678 года — его вдовы княгини Анны Никифоровны. В деревне числилось десять дворов крестьянских и четыре двора бобыльских. В ней жили 69 человек. После смерти Анны Никифоровны Очаково досталось в 1709 году родному ее племяннику князю Я. И. Лобанову-Ростовскому. При этом владельце деревня Очаково стала селом, а это означает, что к тому времени там уже была построена церковь.

В. И. и Г. И. Холмогоровы в своем труде «Загородская десятина» указывают: «В селе Очаково церковь Похвалы Богородицы построена владельцем этого села князем Я. И. Лобановым-Ростовским».

В 1717 году князь просил «поданным прошением Вотчинскую коллегию справить и утвердить за попом с причетниками новопостроенной церкви уступную землю 15 четвертей в поле, а в дву потомужь, и сенных покосов на 15 копен...» Время освящения церкви в документах не указано.

Я. И. Лобанов-Ростовский, видимо, нрав имел крутой, решительный. Неко-

торые факты из жизни Якова Ивановича описывает И. Е. Забелин: «В 1688 г. Я. Лобанов-Ростовский с Ив. Микулиным ездил на разбой по Троицкой дороге, к урочищу Красной Сосне, разбивать государевых мужиков с государевой казною (то есть, вероятно, с податными сборными деньгами, которые мужики обязаны бывали сами доставлять в Москву.— *Н. И-В.*). И тех мужиков они разбили и казну взяли себе и двух человек мужиков убили до смерти. И про то их воровство розыскивано, и по розыску он князь Яков Лобанов взят с двора и привезен был к красному крыльцу в простых санишках, и за то воровство учинено ему князь Якову наказанье, бит кнутом в Жилецком подклете, по упросу верховой боярыни и мамы, княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской...

В 1694 году при Петре I в «потешном» Кожуховском походе князь Яков был уже капитаном, в числе потешных, начальным человеком в 3-й роте. В 1695 году капитан же ходил под Азов, но в 1700 году после несчастного для нас побоища под Нарвою, он опять в чем-то провинился и был взят за караул и привезен в Преображенский приказ. В 1709 году он, однако, состоит вотчинником сельца Очакова».

В середине XVIII века владельцем очаковской усадьбы становится тайный советник и президент берг-коллегии (коллегия горных дел) М. С. Опочинин, внук которого вспоследствии женится на младшей дочери знаменитого русского полководца М. И. Кутузова — Дарье. Именно с М. С. Опочинина начинается история церкви святителя Димитрия.

В 1757 году 5 мая в синодальную контору поступила челобитная тайного советника и берг-коллегии президента Михаила Степановича Опочинина: «В Московском уезде в Сетунском стану отстоящее от Москвы в семи верстах сельцо Ачаково, в котором дом мой построенный имею и по болезням моим большее мое жительство с фамилиею, а особливо летом, состоит в том сельце Ачаково, ныне я, по усердному моему намерению, желая при тамошних моих покоях во имя св. Димитрия, митрополита Ростовского, устроить деревянную домовую церковь со всем, к ней принадлежащим, а будущего священника с причтом содержать на руге, на каковую они со мною полюбовно согласятся; дворовые с требами будут обращаться к приходскому священнику, а у меня священник будет только для священнослужения». Синодальная контора затруднилась дать разрешение: «Хотя в Конторе Свят. Синода о почитании означенного Святителя и Чудотворца Димитрия Ростовского против других святопочивающих святых угодников Божиих Ея Императорского Величества указ из Свят. Прав. Синода в получении и есть, почему о строении во имя онаго святителя и чудотворца Димитрия Митрополита Ростовского, вновь церквей и следовало давать позволение, однакож оного яко о новом деле и на первый случай Свят. Синода Контора сама собою, не доложась Свят. Прав. Синода, учинить не может. Поэтому она обратилась за разрешением недоумения в Свят. Синод, и, последний указом от 19 мая 1757 г., разрешил построить церковь во имя Димитрия — Митрополита Ростовского (1757 г.)».

Итак, храм был воздвигнут во имя святителя Димитрия Ростовского. Митрополит Димитрий Ростовский (в миру — Даниил Саввич Туптало) был весьма известной личностью в истории России и Русской Православной Церкви на рубеже XVII—XVIII веков. Один тот факт, что канонизация митрополита Ростовского и Ярославского произошла уже через полвека после его смерти, говорит об особом почитании Димитрия Ростовского русскими людьми. Уроженец украинской земли, он за свою не очень уж долгую жизнь распространил свою благородную деятельность служения Богу и укрепления истинной веры и на столичные московские, и на сибирские, и, наконец, на принесшие ему имя и славу ярославско-ростовские земли. Святитель Димитрий — автор «Четьих-Миней», многочисленных богословских и литературных сочинений. В своих проповедях святитель Димитрий уделял главное внимание воспитанию в человеке духовных, нравственных качеств.

В середине XVII века в московских церквях было освящено несколько приделов в честь этого святителя.

Архитектура очаковской церкви соответствует традициям русской церковной архитектуры. Несмотря на простоту архитектурного решения — к одноглавому четверику с приделом Димитрия Ростовского примыкает двухъярусная колокольня, которую венчает ребристый купол и фонарик с маленькой главкой — в некоторых элементах угадывается

стиль барокко, гармонично сочетающийся с традиционным русским стилем.

В Очакове были похоронены родственники Опочинина, о чем сохранились упоминания в книге «Русский провинциальный некрополь» 1914 года: «1773 года мая 17 день преставися раба Божия капитанша Фекла Самсоновна Опочинина в Москве и погребена при здешней церкви того же мая 19 числа (с. Очаково, Москов. уезда, в церковной ограде)».

«1775 году февраля 25 дня преставился раб Божий артиллерийский подпоручик Николай Иоанович Опочинин в седьмом часу пополудни: родился 1751 году марта 5 дня, а тезоименство его мая 9 дня; в супружестве был 6 лет 8 мес., а всего жития ему было 24 года и погребен против сей таблицы (с. Очаково, Москов. уезда).

В 1781 году наследники М. С. Опочинина продали село жене М. М. Хераскова. В это время в очаковской истории началась одна из самых увлекательных страниц. Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) — поэт, писатель, общественный деятель — был сыном знатного валашского боярина, переселившегося в Россию в начале XVIII века. Образование получил в Сухотинском шляхетском корпусе в Петербурге. С 1755 по 1802 год служебная деятельность М. М. Хераскова была связана с Московским университетом. Он был ректором, затем куратором. Вот что свидетельствуют о нем источники: в 1781 году М. М. Херасков поселился в Очакове «вместе со сводным братом Николаем Никитовичем Трубецким. Известный поэт и театрал конца XVIII в. И. М. Долгорукий вспоминал, что в Очакове «был кабинет в саду, в котором помещены вензеля всех занимающихся литературой... Там ежедневно происходили очарованья, разнородные сельские пиршества: театры, иллюминации, фейерверки и все, что может веселить ум и чувства... Бессмертный наш пиит старец Херасков в липовой роще, ходя задумавшись, вымышляя свои песни в то время, как в регулярном саду вся фамилия Трубецких предлагала гостям всякие сюрпризы. Москва переносилась вся в их мирное и волшебное увеселение». У Хераскова в Очакове жил Петр Иванович Страхов — крупный ученый-физик, переводчик, театрал, ставший в 1805 году ректором Московского университета. Одно время он был личным секретарем у Хераскова, который и помог талантливому юноше получить образование. Здесь жил и поэт Еремей Иванович Костров, получивший при содействии Хераскова должность официального «университетского стихотворца», а также гитарист-виртуоз, композитор и педагог Михаил Тимофеевич Высотской, сын крепостного приказчика Хераскова. Алексей Мерзляков, прославившийся как поэт — сочинитель романсов, посвятил М. М. Хераскову и Очакову следующие строки:

И тотчас влево от Поклонной,
К унылым Сетуньки струям,
И близ Волыни сонной,
К Очакову направить путь,
Отколе сладостный писатель Россияды
Вливал восторги в русску грудь...

В начале XIX века село Очаково находилось во владении Нарышкиных. Сюда, к П. П. Нарышкину, любил заезжать во время своих загородных прогулок известный русский дипломат Я. И. Булгаков.

Село Очаково и церковь подверглись сильному разрушению во время нашествия французов в 1812 году. При отступлении русских войск штаб Кутузова временно обосновался в незаселенной пустынной местности разъезда Очакова. В двадцатых годах XX века еще сохранялась «Кутузовская изба». Сохранились документы о переосвящении церкви: «Рапорт благочинного с. Троекурова священника Петра Стефанова: В селе Очакове церковь во имя св. Димитрия Ростовского, Чудотворца — каменного здания, состоит по прежнему в твердости, престол и жертвенник разломаны, св. антиминс. похищен, вместо оных принадлежащих по церковному чиноположению как престол и жертвенник по прежнему размеру вновь устроены, иконостас и св. образа в целости, лучшая ризница и двои серебряные сосуды сохранены, ко освящению находятся в готовности, ежели выдан будет антиминс». Резолюция от 13 декабря 1812 года: «Антиминс получить и храм освятить благочинному».

В начале XIX века в Очакове появилась еще одна церковь — деревянная, переделанная из господского дома. Она была освящена в честь Живоначальной Троицы.

В конце XIX века село начало бурно расти, приблизилось к Москве и располагалось уже в пяти километрах от нее, а наибольший расцвет Очакова пришелся

на тридцатые годы нашего столетия, когда население села превысило тысячу человек. В книге «Дачи и окрестности Москвы» (1930 г.) можно прочитать такое описание села: «... Село Очаково Московского округа Кунцевского района. Село расположено на высоком месте, электрифицировано. В селе есть булочная, кооперативный магазин, почтовое отделение и библиотека, клуб и кино при кирпичном заводе, находящемся близ станции Сетунь в 3 км. Находящийся в 0,5 км парк служит местом прогулок. В парке есть два пруда с прекрасным купанием».

С начала нашего века в селе были проложены туристские маршруты. Для любителей путешествий в справочнике 1926 года имелась, например, следующая информация: «Очаково и Троекурово. Москов. уезда в 1 версте от платформы Очаково Брянской ж. д. Очаково (Нарышкиных). Остатки усадьбы XIX века. Господский дом переделан в церковь с интересным ампирным иконостасом. От парка осталась лишь липовая аллея и небольшой пруд-сажалка (для разведения рыбы). По дороге в соседнее Троекурово сохранился парк давно не существующей усадьбы с вековой тополевой аллеей и круглым копаным прудом с островком в центре».

Такова история. Сейчас от бывшего села Очакова осталась только церковь. Положение у нее незавидное. Расположена она в индустриальной зоне. Рядом — дымящаяся денно и нощно, заслоняющая все своей громадой ТЭЦ-25. Кругом — бетонные заводские заборы. Невольно думаешь: непросто будет верующим сюда добираться. И все-таки каждую субботу и воскресенье здесь совершается служба, которую проводит священник Димитрий Иванов, назначенный Указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 15 марта 1992 года настоятелем храма. Решение о передаче храма православной общине уже принято.

Первый молебен был отслужен 20 июня 1992 года в честь святителя Димитрия у стен церкви. Несмотря на затянувшуюся реставрацию, на разрушенные временем стены и крышу, в церкви был установлен иконостас и 19 сентября 1992 года храм был открыт для верующих.

История Очаковской церкви продолжается.

Кто желает помочь восстановлению церкви, могут свои пожертвования перевести на расчетный счет № 701205 коммерческого банка Гагаринского МФО 201315. Храму святителя Димитрия.

Автор выражает признательность и благодарность отцу Димитрию за ценные замечания, сделанные им при прочтении рукописи статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забелин И. В. Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873.

2. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII вв. Вып. 3. Загородная десятина. М., 1886.

3. Скворцов М. А., прот. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век.— Архив Московской Святейшего Синода Конторы. Издание МОИ и ДР при Московском университете. М.: Син. тип., 1911, вып. 1, с. 180.

4. Памятники искусства Советского Союза (Москва и Подмосковье). М., 1979.

5. Подмосковье. М., 1955. (2-е изд., 1962).

6. Лобанов-Ростовский А. В. Русская родословная книга. СПб., 1894.

7. Рукописи М. Александровского (Исторический указатель московских церквей), 1917.

8. Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.) СПб., 1891.

9. Македонская Е. Дорога к друзьям верна и коротка.— В кн.: Памятники Отечества, вып. 1, 1983.

Н. П. ИЛЫШЕВА-ВВЕДЕНСКАЯ

Нынешний год — год преподобного Серафима Саровского. В январе Русская Православная Церковь молитвенно отметила 160-летие его блаженной кончины, а совсем недавно, в начале августа, в Дивееве прошли торжества по случаю 70-летия прославления угодника Божия. Отдавая должное поклонение великому молитвеннику, мы не можем обойти вниманием ту духовную среду, в которой возрос дивный старец,— Саровскую пустынь. Много славных имен было записано в синодике обители. Одно из них — старец схимонах Марк. Известно, что издание его жития, как и жития преподобного Серафима, было предметом особого попечения приснопамятного митрополита Филарета (Дроздова; † 1867). Предлагаем вниманию читателей жизнеописание старца Марка по книге Е. Поселянина «Русские подвижники XIX века» (СПб., 1910).

Упование мое — Отец, прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святый...

Схимонах Марк родился, как и преподобный Серафим, в городе Курске, в купеческой семье, и во святом крещении был назван Михаилом.

С детства он чувствовал призвание к духовной жизни, к уединению и подвигам пустынножительства. Ему было одно духовное видение, и оно побудило его окончательно оставить мир и служить Богу, готовясь к Страшному Суду Христову. В чем состояло это видение, осталось сокрытым. Но на молодую душу Михаила это видение, бывшее между сном и явью, подействовало так, что до конца его жизни день Страшного Суда постоянно стоял в его памяти.

На двадцать четвертом году жизни он пришел в Саровскую пустынь, которую выбрал по ее удаленности от мира, и в 1778 году был пострижен строителем Пахомием в иночество с именем Мефодий (в том же году в обитель пришел и преподобный Серафим).

В 1811 году он был пострижен в схиму с именем Марк.

Еще в первые годы иноческой жизни в нем стал проявляться дар юродства.

Юродство есть один из самых тяжких путей спасения, есть всецелое распинание себя во имя Христа. Юродивый подвергает себя постоянным поруганиям, презрению и уничижению, всем лишениям бесприютной жизни, терпя голод, жажду, холод и зной. Принимая на себя личину слабоумного, странного человека, истинный юродивый полон высокой мудрости, в поступках с виду нелепых сохраняет дух возвышенный; непрестанно осмеиваемый миром, полон величайшей любви к человечеству, а в бесстрашных обличениях своих имеет в виду назидание и спасение ближних.

Такой путь и избрал себе отец Марк.

Его ветхая одежда, необыкновенная молчаливость, иногда употребление не вовремя пищи — пред братией и посторонними, отрывочность и непонятность речи казались странными окружающим и вызывали осуждение, которое он принимал благодушно, помня мудрое слово преподобного Ефрема Сирина: «Кто хочет быть монахом и не переносит оскорбления, уничижения и ущерба, тому монахом не бывать».

Задумав удалиться из обители, отец Марк ушел в дремучий лес, окружающий Саров.

В лесу он не имел постоянного пристанища: то ютился в подземных пещерах, оставленных зверями, то в шалашах, которые сам устраивал из хвороста. Иногда же постелью служила ему голая земля, а крышею — небо. Так жил он довольно долгое время. Наконец братия, видя чрезвычайное терпение его в этой отреченной жизни, поняла, что его юродство есть дело великой благодати Божией, и стала питать к нему

Схимонах молчальник Марк

большое уважение. Особенно возросло это уважение с тех пор, как за отцом Марком стали замечать прозорливость. Часто его отрывочные слова, казалось, ничего не значившие, касались внутреннего состояния говоривших с ним лиц. Другие же его слова, казавшиеся ни с чем не сообразными, оправдывались впоследствии действительными событиями. Отцу Марку отвели в монастыре келлию, но он не остался там. Увлекаемый жаждой пустынной и безмолвной жизни, он удалился, по благословению строителя Пахомия, на совершенное безмолвие в лес, принадлежавший пу́стыни.

Придя в лес, с тем, чтобы навсегда остаться там, он сначала, как и прежде, не имел постоянного жилища и укрывался то в пещерах, то в шалашах, то в маленьких келлийках, которые едва защищали от холода и которые он сам себе устраивал в лесу в разных местах. Впоследствии для него была устроена деревянная теплая келлия в одной версте от обители. Здесь он принимал приходившую к нему братию и посторонних посетителей, искавших его духовных наставлений.

Но теплая келлия была единственным послаблением, какое позволил себе подвижник. Сюда укрывался он, только чтобы согреться и принять пищу, а все почти время проводил или на открытом воздухе, или в прежних убежищах своих.

Летом и зимой одеждой ему служили ветхие рубища, во исполнение слов преподобного Исаака Сирина: «Возлюби убожеские ризы в одеянии твоем, дабы уничижить возникающие в тебе помышления. Ибо любящий блеск не может стя-

жать смиренного помышления, потому что сердце внутри принимает образ, подобный внешним образам». Отец Марк носил на теле тяжелые вериги; никогда не разбирал кушанье, вкусно ли оно или не вкусно, свежо или гнило. Не дозволяя никому служить себе, он до глубокой старости сам ходил за пищей в обитель, сам ходил и за водой, хотя многие желали бы служить ему.

В таких подвигах провел он последние двадцать лет своей жизни. Нестяжательность его была так велика, что у него не было ничего, кроме ветхого рубища, вериг, рогожины, тыквенного кувшина для воды и пищи и немногих инструментов для ручной работы. Кроме восковых свечей, он ни от кого ничего не принимал. Он говорил: «У меня нужное все есть, а лишнее никогда не полезно».

Кто-то спросил его: «Батюшка, как ты не имеешь в келлии своей даже самого нужного?» Он отвечал на это: «Я тридцать лет так веду себя, следуя словам Христа: *Иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 33). Не в чем ином богатство монаха, как говорит о том преподобный Ефрем Сирин, как в «утешении, сотворшемся от плача».

Некоторые просили его принять от них деньги для раздачи нуждающимся. Он отвечал: «Это не мое призвание, а дело мирян. Отшельники должны быть свободны от мысли о внешних вещах и хранить свой ум в молитве».

Молчание его простиралось до того, что он беседовал не более как с пятью человеками из братии, с прочими же не говорил. Если кто посещал его, он выходил из келлии, имея на груди образ Богоматери с Предвечным Младенцем, который и давал целовать посетителям.

Советов, наставлений никому не давал. Он следовал тут словам Исаака Сирина: «Пусть лучше признают тебя невеждою по малому твоему сведению в том, как вести споры, нежели мудрым по бесстыдству. Учащих противному обличай силой добродетелей твоих, а не убедительностью слов. Кротостию и тихостию уст своих заграждай уста и заставляй молчать бесстыдство не покоряющихся истине. Невоздержных обличай благородством твоего жития».

Любимою его молитвою была молитва преподобного Иоанникия Великого: *Упование мое — Отец, прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святый, Троице Святая, слава Тебе!* Эту молитву творил он постоянно с великой радостью.

В ночное время отец Марк большей частью ходил по лесу и говорил, что, когда вся природа безмолвствует, наша молитва легко возносится к Богу. В это время он любил петь стихиру: *Воскресение Христово видевше.*

Рукоделие отца Марка состояло в изготовлении серных спичек, которые он раздавал посетителям. Летом он занимался возделыванием грядок, на которых сажал картофель и другие овощи. Этим он и питался.

Имея великое усердие, в любое время года, и зимой, по глубокому снегу, невзирая на непогоду и отдаленность келлии, он в воскресные и праздничные дни приходил на службу в храм.

Из того, что говорил он нескольким инокам о том, как жить, памятно следующее:

«Ходи в церковь, имей послушание к настоятелю и братии. Сидя за трапезой, внимай себе и чтению. Каждого брата предваряй поклоном; много не говори, а более молчи. Ходи как мертвый, закрыв глаза, уши и уста. В келлии имей поделие и молись почасту, а «умную» молитву твори на всяком месте всегда. Ни с кем не спорь, но всякому уступай, и себя считай хуже всех. Всякому только и говори: «благослови и прости».

Больше всего отец Марк учил смирению, терпению, самоукорению, вниманию. «Мы должны смиряться пред другими,— говорил он,— и считать себя худшими его, какие бы недостатки ни видели в его жизни. Мы должны всегда мысль свою утверждать в том, чтобы представлять себя худшими всех».

Однажды один инок, принеся ему пищу, увидел его сидящим в глубокой задумчивости, с лицом, обращенным на восток. Долго не смел он прервать размышления старца. Наконец, спросил: «Что ты, отче, так задумался?» Старец отвечал ему: «Я размышлял об изгнании Адама из рая, когда он плакал и вопиял ко Господу: «Милостиве, помилуй мя, падшаго!»

Господь послал верному рабу Своему благодатные дары: прозорливость и дар исцеления недугов.

Как-то летом пришли к старцу два странника попросить его молитв и принять благословение. Старец встретил их и дал им приложиться ко кресту; потом он ото-

рвал от полы своей ветхий лоскут и дал одному из них, говоря, чтоб тот обмахнул им голову и разогнал комаров. Тот сделал это и, выйдя из келлии старца, рассказал своему спутнику, что, когда он шел к отцу Марку, его тяготили хульные и злые помыслы. Но только он обмахнул голову лоскутом, эти помыслы рассеялись, как комары, и он почувствовал легкость и спокойствие на сердце.

От долгого стояния и трудного хождения ноги старца чрезвычайно распухли: он не мог ходить. Братия советовала ему позвать врача, но старец отказался от человеческой помощи, возлагая всю надежду на Бога. Он взял в храме из лампады, горящей пред иконой Богоматери «Живоносный Источник», елея, помазал им ноги и вскоре получил облегчение.

Один из братии, живший отшельником в лесу и думавший, что пост есть удобнейший путь к спасению, без благословения духовного отца назначил себе строжайший пост. Начав дело без рассуждения, он ослаб так, что это могло кончиться плохо. От долговременного поста силы его истощились, и он еле мог держаться на ногах. Отец Марк узнал об этом и пошел навестить неблагоразумного постника. Он с собой принес кусок хлеба и, подняв правою рукой свой посох, а левой подавая хлеб, сказал отшельнику: «Ешь!» Брат, устрашенный угрозой, съел принесенный хлеб и получил прежние силы. А отец Марк этим показал, что пост спасителен только тогда, когда приступают к нему с рассуждением.

В семнадцати верстах от Сарова, в селе Круглые Паны, был помещик, женатый на лютеранке. Отец Марк знал еще предков его и любил это семейство за благочестие. Он часто к ним захаживал, и для него в их саду была выстроена уединенная келлия. Отец Марк убеждал лютеранку принять православную веру. Его уговоры произвели на нее сильное впечатление, и она соглашалась присоединиться к Православной Церкви, если бы Бог показал ей какое-нибудь знамение в удостоверение того, что Греко-Российская Церковь есть Церковь истинная. На это отец Марк сказал ей: «Я помолюсь об этом с твоим супругом и надеюсь, что Господь для спасения души твоей дарует знамение». Вскоре она увидела такой сон. Она находится на берегу быстрой и широкой реки. На той стороне, где она стоит, не растет ничего — лишь одна сухая земля. У берега стоит лодка без людей. По другую сторону реки расстилался сад, и оттуда разносится благоухание. Над садом в воздухе виден ангел, держащий в руках Святую Чащу. В саду ходит отец Марк. В восхищении от красот сада она всем сердцем захотела перенестись на ту сторону реки, в прекрасный сад, и начала просить отца Марка, чтобы он помог ей переехать в лодке. Отец Марк сказал ей: «Если ты присоединишься к Православной Греко-Российской Церкви, то можешь безопасно перейти эту быструю реку и без лодки». И, указывая правой рукой на ангела, он сказал: «Вот тогда этот ангел и причастит тебя Святых Таин». Когда она согласилась на это предложение, старец велел ей оградить себя крестным знамением, и она пошла с берега по реке. Но, дойдя до половины реки, испугалась ее быстрого течения и от страха проснулась. Она сейчас же рассказала этот сон своему супругу, и, так как они оба сочли его за указание Божие, решилась перейти в Православие.

Незадолго до кончины отец Марк был утешен таинственным видением небесных радостей, уготованных праведным. Это видение утешило его и оградило от тех искушений, которые насылал на него враг спасения, внушавший ему, что *несть спасения ему в Бозе его* (Пс. 3, 3).

К концу октября 1817 года отец Марк сделался болен и ослаб так, что ходить не мог; его перевели в отведенную ему в монастыре келлию. Здесь он простился со всей братией, прося их молитв. Чувствуя кончину, он позвал духовника, исповедовался и приобщился Святых Таин и, по совершении над ним Таинства Елеосвящения, тихо почил между ранней и поздней литургией. Это было в воскресенье, 4 ноября 1817 года.

И по кончине своей праведный старец не переставал посылать благодатную помощь своим верным ученикам, являясь им в видениях.

Благоговение саровской братии к памяти подвижника Марка было так велико, что на местах, ознаменованных особыми его подвигами и проявлениями дарований, были воздвигнуты деревянные кресты. Один был воздвигнут в лесу на горе, другой — на берегу речки Саровки, неподалеку от келлии старца. Чтившие его иноки приходили сюда на поклонение и воспевали хвалу Богу.

Один инок, искушаемый врагом через тягостные помыслы, которые лишали его

душевного покоя, неопустительно приходил сюда каждое утро и каждый вечер и со слезами молился: «Суди, Господи, обидящия мя, побори борющия мя: приими оружие и щит и восстани в помощь мою!» Однажды, когда он произнес эту молитву, его сердце вдруг озарил Божественный свет, разогнал тягостные помыслы, и в душе его разлилась невыразимая радость.

И нельзя не думать о том, что тот, кто так уничижал себя на земле, теперь сияет незаходимой славой, и кто избрал на земле такой тяжкий путь, теперь на небе утешен вечным покоем избранников Божиих.

Е. ПОСЕЛЯНИН

Земной путь епископа Амфилохия (Казанского) (1818—1893)

2 августа 1993 года исполнилось 100 лет со дня кончины епископа Угличского Амфилохия, крупного слависта и археографа, принадлежавшего к замечательной плеяде русского ученого монашества. Деятельность Владыки Амфилохия и его собратьев, посвятивших себя Господу и относившихся к своим трудам как к иноческому послушанию, никогда не замыкалась в рамках той или иной научной дисциплины. Ее отличительная особенность — многогранность, в которой как бы восстанавливалась утраченная падшим человеком полнота и гармоничность восприятия мира. С этой точки зрения труды епископа Амфилохия значимы не только для палеографии, филологии и церковной археологии, но и для духовной истории России. В земном пути и разнообразной деятельности архипастыря прослеживается та взаимосвязь и глубокая внутренняя целостность, которые определяются Волей и Промыслом Божиим.

* * *

Епископ Амфилохий (в миру Павел Иванович Казанский) родился 20 июня 1818 года в селе Любицах Малоярославского уезда Калужской губернии в семье дьячка. Благодаря отличным способностям окончил Боровское духовное училище (1829—1835), Калужскую Семинарию (1836—1840) и Московскую Духовную Академию (1840—1844).

В 1842 году Павел Иванович принял иноческий постриг с именем Амфилохий и ко времени окончания Академии был уже иеромонахом. Кандидатская диссертация отца Амфилохия «О трех обетах монашества: девство, нестяжание и послушание» стала его первой опубликованной работой (М., 1845).

Впоследствии Владыка Амфилохий очень редко выступал в качестве богослова и духовного писателя, но тема этой первой, еще студенческой, работы не была случайной. Вся жизнь епископа прошла в бедности, обусловленной редким бескорыстием и нестяжательностью. Неудивительно, конечно, что сын сельского дьячка бегал в школу полуголодным и босым. Однако удивительно то, что архиерей и маститый ученый оставил после себя «капитал» в 60 копеек. Биографы Владыки единодушно отмечают его безукоризненную честность, крайнюю скромность требований и привычек. Личные деньги он тратил в основном на издание своих научных трудов, но при этом находил возможность посильно помогать своим многочисленным родственникам, жившим в разных уездах Калужской губернии.

По окончании академического курса иеромонах Амфилохий был определен смотрителем Суздальских духовных училищ, где преподавал греческий язык, географию и пение. Здесь, на Владимирской земле, произошла его встреча с графом А. С. Уваровым*, проводившим раскопки древнерусских курганов в окрестностях Суздаля. Эта встреча имела большое влияние на дальнейшую судьбу молодого иеромонаха, которого, по его собственному выражению, А. С. Уваров «заразил» любовью к палеографии и археологии. В дальнейшем

* Уваров Алексей Сергеевич (1828—1884) — известный русский археолог.

граф не оставлял отца Амфилохия своим вниманием, материальной и нравственной поддержкой. Их дружба, прервавшаяся только со смертью А. С. Уварова в 1884 году, длилась 30 лет. О ней свидетельствуют книги отца Амфилохия с его дарственными надписями в библиотеке Уваровых.

В 1852 году иеромонах Амфилохий был назначен настоятелем Ростовского Борисоглебского второклассного монастыря с возведением в сан архимандрита. Наряду с управлением обителью он исполнял обязанности смотрителя Ростовских духовных училищ, а также благочинного ростовских монастырей и ближайших сельских церквей.

Пятилетнее пребывание в Ростове было для архимандрита Амфилохия весьма плодотворным. Он собрал агиографический материал и написал жития двух подвизавшихся в Борисоглебском монастыре подвижников: преподобного Иринарха затворника († 1606) и чтеца Алексея Стефановского, Христа ради юродивого.

Таким образом, систематическая научная работа архимандрита Амфилохия началась именно в Ростове. Промыслительно, что и закончилась она в этом древнем городе, где Владыка Амфилохий в сане епископа Угличского провел последние пять лет своей земной жизни.

Духовный опыт, широкая образованность и разносторонние дарования архимандрита Борисоглебского монастыря не могли оставаться незамеченными высшей церковной властью. В 1856 году архимандрит Амфилохий становится настоятелем Воскресенского ставропигиального Ново-Иерусалимского монастыря. Эта обитель со времени ее основания Святейшим Патриархом Никоном в середине XVII века занимала особое место среди русских монастырей. Задуманный как центр «Подмосковной Палестины», Новый Иерусалим, со своим грандиозным собором, сооруженным «в меру и подобие» храма Гроба Господня в Иерусалиме, воспроизводил главную святыню христианского мира. Сюда стекались тысячи паломников, часто приезжали на богомолье члены августейшей семьи. Среди настоятелей монастыря, предшественников архимандрита Амфилохия, были такие выдающиеся иерархи и церковные писатели, как Амвросий (Зертис-Каменский), Аполлос (Байбаков), Филарет (Амфитеатров). Архимандрит Амфилохий стал достойным их преемником. Помимо ревностного исполнения обязанностей настоятеля, он занялся изучением большой и во многом уникальной монастырской библиотеки, основу которой составляли древнерусские книги и рукописи из личного собрания Патриарха Никона, а также греческие рукописи, привезенные по его благословению из афонских монастырей. В Ново-Иерусалимской библиотеке хранился знаменитый «Изборник Святослава 1073 года», «Юрьевское Евангелие 1118—28 годов», несколько списков летописей, один из томов «Лицевого свода» XVI века, хронографы, родословные книги и другие бесценные памятники древнерусской письменности. Над рукописями Воскресенского монастыря работал тогда академик И. И. Срезневский*. Знакомство с ним способствовало становлению архимандрита Амфилохия как ученого. Следуя советам И. И. Срезневского, настоятель Воскресенского монастыря составил «Описание Юрьевского Евангелия» (М., 1877) и подготовил фундаментальное «Описание рукописей и старопечатных книг Воскресенской Ново-Иерусалимской библиотеки» (М., 1875—1876); начало этой работы было издано в сокращенном виде в «Известиях Академии наук» за 1859 год, в него вошло описание 242 рукописей XI—XVIII веков и 135 печатных книг XVI—XVII веков.

Архимандрит Амфилохий при описании этих памятников делал извлечения из наиболее замечательных рукописей, сравнивал все доступные ему древние тексты друг с другом, занимался словарными выписками для дополнения словаря Востокова, готовил палеографические снимки. Этот воистину подвижнический — обстоятельный, скрупулезный и огромный по объему труд получил высокую оценку в научном мире. В 1860 году архимандрит Амфилохий становится членом-корреспондентом Императорского Русского Археологического общества. Забегая вперед, скажем, что «Описание Ново-Иерусалимской библиотеки» было удостоено Уваровской премии в 500 рублей.

Казалось бы, судьба архимандрита Амфилохия складывалась более чем удачно. Он известен и уважаем не только в научных кругах, но и при Высочайшем Дворе. Посетившая Новый Иеруса-

* Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — знаменитый филолог-славист.

лим императрица Мария Александровна отнеслась к настоятелю весьма благосклонно и на прощанье сказала ему: «Что вам будет нужно, отец архимандрит, обращайтесь прямо ко мне».

Вскоре архимандриту Амфилохию действительно пришлось обратиться к императрице. Дело заключалось в том, что он вел в монастыре строительные работы, однако, мало искушенный в финансовых делах, не оформлял документы для формальной отчетности. Будучи сам бессребреником, он простодушно полагал, что и все вокруг него люди честные и бескорыстные. К сожалению, это было не так. О беспорядках доложили митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), который направил в обитель комиссию для ревизии. Настоятель, не воспользовавшийся ни единой копейкой для личных нужд, счел, что к нему придираются, и с детской откровенностью написал горькую жалобу императрице о чинимых ему притеснениях. Его письмо было переслано митрополиту Филарету с предложением сделать все, как просил архимандрит. Это сильно разгневало Владыку, и в итоге архимандрит Амфилохий был отстранен от управления Воскресенским монастырем и зачислен в братию Николо-Угрешского монастыря.

Пребывание в Угрешской обители было для отца Амфилохия тяжким испытанием. Ему отвели келлию рядом с помойной ямой, братия относились к «архимандриту на покое» с пренебрежением, а известный своей суровостью настоятель не разделял и не понимал его научных интересов.

Отец Амфилохий сносил все это со смирением и не предпринимал попыток улучшить свое положение. За него, однако, ходатайствовали другие. Настоятель Московского Покровского монастыря архимандрит Паисий (Соколов) упросил митрополита Филарета перевести отца Амфилохия в эту обитель. Там архимандрит Амфилохий прожил в числе братии почти 10 лет. Эти годы завершили формирование его как ученого.

Каждое утро отец Амфилохий шел пешком от Покровской заставы, где находился его монастырь, в центр Москвы, неся за плечами мешок с книгами. Его день проходил обычно в Синодальной или Румянцевской библиотеках, где он занимался изучением рукописных собраний. Перемена внешних обстоятельств жизни не уменьшила энтузиазма и работоспособности ученого. Напротив, кажется, что Господь затем и лишил его сопряженных с властью обязанностей, чтобы дать возможность сосредоточиться на трудах исследовательских и духовно-просветительских.

В 1860-х годах архимандрит Амфилохий издает свои ранние работы, написанные в Борисоглебском и Ново-Иерусалимском монастырях, публикует исследования, сообщения и заметки о древних греческих рукописях: Псалтири XI века из собрания А. И. Хлудова*, Кормчей IX века и Кондакарии XII—XIII веков из Синодальной библиотеки. В данный период выходят также его описания икон, лицевых рукописей и других памятников византийского и древнерусского искусства.

Следует отметить, что архимандрит Амфилохий был не только художественно одаренным человеком — он обладал редкой для XIX столетия способностью и любовью к списыванию, копированию рукописных текстов и орнаментов. Об этой деятельности ученого академик И. И. Срезневский писал: «Едва ли кто-нибудь на своем веку приготовил сам своею рукою столько снимков с такого множества рукописей, как архимандрит Амфилохий в те годы, когда, живя в Московском Покровском монастыре, он мог находить утешение в невзгодах, его постигших, только в молитве и научных занятиях. Все, за что он брался, снимал он на прозрачную бумагу литографическими чернилами и, найдя для себя доброго помощника в литографе Гаврилове, печатал свои снимки для раздачи любителям. Это не были издания в обыкновенном смысле слова; библиография их не отмечала, в библиотеки они попадали случайно; но все-таки это были издания...»

Охарактеризованную И. И. Срезневским сторону деятельности архимандрита Амфилохия можно назвать духовно-просветительской, поскольку она знакомила пусть немногих, но зато заинтересованных лиц с уникальными памятниками письменности, что способствовало их дальнейшему изучению и распространению. Достаточно назвать сделанное архимандритом Амфилохием редчайшее фотографическое издание драгоценного

* Хлудов Алексей Иванович (1818—1882) — московский купец, собиратель древнерусских рукописей и книг. Широко известна «Хлудовская» Псалтирь XII—XIV веков.

Кодекса святителя Московского Алексия, содержащего весь Новый Завет, исправленный по греческому подлиннику и собственноручно переписанный святителем в середине XIV века. Архимандрит Амфилохий был не только первым издателем, но и одним из первых исследователей этой рукописи, хранившейся в Чудовом монастыре и пропавшей еще до революции 1917 года.

Разумеется, научные публикации, тем более литографические и фототипические, были делом дорогостоящим, а у архимандрита Амфилохия часто не доставало денег даже на извозчика. Однако в издании книг ему помогали благотворители: граф Уваров, купец Ланин и особенно К. Т. Солдатенков. Граф Уваров, кроме того, усиленно хлопотал об улучшении положения ученого. Эти хлопоты увенчались успехом только в 1870 году, когда архимандрит Амфилохий был назначен настоятелем Московского Данилова монастыря.

В стенах этой обители отец Амфилохий прожил 18 лет, соединив в своем лице ее духовного управителя, историка и благоукрасителя.

Уже в 1871 году выходит его статья «О древних иконах в Московском Даниловом монастыре» с подробным иконографическим описанием двух замечательных памятников древнерусского искусства из храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов: Владимирской иконы Божией Матери с акафистом на полях XVI века и образа Семи Вселенских Соборов начала XVIII века. Благодаря этому труду архимандрита Амфилохия современные иконописцы смогли восстановить вторую икону, утраченную после 1930 года, когда монастырь был закрыт и разорен.

Вместе с тем настоятель Свято-Данилова монастыря принимается за новую работу, на сей раз источниковедческого характера. Он находит в рукописях из Синодальной библиотеки и других хранилищ сведения об основателе своей обители, изучает и систематизирует их. Результатом его изысканий стала изданная в 1873 году книга «Летописные и другие древние сказания о святом благоверном великом князе Данииле Александровиче, сыне святого благоверного великого князя Александра Невского, и о построенном им за Москвою рекою Даниловском монастыре». Значение этого труда архимандрита Амфилохия трудно переоценить. Им впервые был создан свод исторических источников о святом князе Данииле, куда вошли выдержки из летописей и разных списков Степенной книги, разночтения и дополнения в которых автор приводит и комментирует. В приложении к «Сказаниям» архимандрит Амфилохий опубликовал прориси с икон XVII—XVIII веков с текстами о перенесении святых мощей благоверного князя Даниила, сохранив тем самым эти исторические источники. В настоящее время одна из этих икон утрачена, а с идентификацией второй возникли бы немалые сложности, не будь у нас исполненной архимандритом Амфилохием прориси.

Обследуя древние сооружения Даниловой обители, настоятель обратил внимание на плиты с иностранными надписями в основании монастырских стен и башен. По его благословению плиты были извлечены из кладки и оказались надгробиями иноземцев XVI века, привезенными в прошлом с иноверческих кладбищ в окрестностях обители и используемыми как строительный материал. Архимандрит прочел и опубликовал надписи этих надгробий, числом около 20, на латинском, итальянском, немецком, английском и армянском языках. В катаклизмах XX столетия сами надгробия исчезли, но материал, изданный архимандритом, до сих пор остается основой для изучения истории иноверческих некрополей средневековой Москвы.

В 1884 году усердием архимандрита Амфилохия был расширен пристройкой боковых галерей и вновь расписан соборный храм Свято-Данилова монастыря XVII—XVIII веков. Стенопись храма, выполненная иконописцем Александром Серышевым по образцам, подобранным самим настоятелем, не имела аналогов в монументальном искусстве своего времени. Ее композиции и орнаменты были заимствованы из византийских и древнерусских рукописей IX—XVII веков, но, по свидетельству очевидцев, представляли собой единый художественный ансамбль. Так, придел благоверных князей Бориса и Глеба украшали композиции из лицевого жития святых XIV века; орнаментальные пояса в алтарях и по периметру стен повторяли мотивы заставок, а узоры на откосах окон — буквиц из рукописных Евангелия, Апостола и Псалтири. Живопись была выполнена маслом по золотому фону и в целом передавала яркую, насыщенную цветовую гамму древних миниатюр. Любопыт-

но, что архимандрит Амфилохий счел нужным подчеркнуть заимствованный характер росписей, поместив под каждой композицией своего рода сноску — надпись, указывающую на источник, откуда заимствовано изображение. Добавим, что в 1885 году архимандрит издал книгу с литографическими воспроизведениями всех миниатюр, использованных для росписи храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов.

Такое, очень естественное для архимандрита Амфилохия сочетание научно-археологического и живого, творческого отношения к художественному наследию прошлого было довольно необычным для своего времени. Однако и в церковных, и в научных кругах, и среди многочисленных богомольцев Данилова монастыря эта необычность воспринималась с пониманием и доброжелательностью, чему способствовали и красота древних подлинников, и глубочайшее уважение к маститому старцу, который всеми доступными ему средствами стремился донести эту красоту, сокрытую в хранилищах, до глаз и сердец православного люда.

Заслуги архимандрита Амфилохия перед отечественной наукой получили в 1870—1880-х годах широкое признание. Он был членом-корреспондентом Академии Наук по греческой и славянской палеографии, действительным членом Общества истории и древностей Российских, Одесского общества истории и древностей, Московского общества любителей духовного просвещения, а также председателем Отдела иконоведения при последнем. Он участвовал в подготовке первых пяти археологических съездов, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Казани и Тифлисе. Невозможно перечислить те Духовные Академии, университеты, православные братства и провинциальные научные общества, почетным членом которых состоял архимандрит Амфилохий. Отметим главное: он нигде не числился номинально. Однако наиболее значимым было его участие в работе упомянутого Общества любителей духовного просвещения. С 1870 по 1888 год архимандрит Амфилохий исполнял должность цензора «Московских епархиальных ведомостей» и «Сборника чтений», издаваемых этим Обществом.

Насельники Данилова монастыря относились к архимандриту Амфилохию с большой теплотой. Поначалу настоятель, погруженный в свои научные дела, приходил на ежедневные богослужения с корректурой в руках, стоял в алтаре и мало наблюдал за братией. Но однажды посетивший обитель митрополит Макарий сделал настоятелю замечание относительно неблагочинного поведения послушников на клиросе. С тех пор архимандрит Амфилохий постоянно находился во время богослужения на своем настоятельском месте в храме и строго следил за духовно-нравственным состоянием братии. Эта строгость сочеталась с отеческой заботой о прегрешающих по немощи. Так, один из насельников обители страдал запоями. Настоятель относился к нему с особенной заботой, вразумлял и, наконец, дал послушание переводить с греческого на славянский кондаки и икосы. Способности инока, прозорливо увиденные настоятелем, оказались весьма недюжинными. Он, позабыв о своем недуге, увлеченно занимался переводами, которые архимандрит Амфилохий, тщательно выверив и исправив, печатал в «Чтениях» Общества любителей духовного просвещения с подписью автора.

Москвичи часто приглашали архимандрита Амфилохия отпевать усопших и служить панихиды, потому что он имел трогательное обыкновение всегда, по любой погоде, провожать покойника пешком до самой могилы.

Однако при всех этих бесчисленных делах и обязанностях научная деятельность архимандрита Амфилохия оставалась неизменно плодотворной. В 1883 году его труды по греческой палеографии и изданию текстов Псалтири и Евангелия были удостоены Ломоносовской премии. Эти многотомные публикации древних текстов Священного Писания по разным спискам параллельно на греческом и древнеславянском языках, с приведением огромного количества разночтений, с библиографическими указаниями и снимками, были трудами ревностного, бескорыстного и неутомимого самородка, не прошедшего строгой филологической школы. Специалисты замечали в них отсутствие последовательной системы, избыток второстепенных деталей и недостаток более существенных, неточности в передаче славянских текстов и другие погрешности. Но, как заметил академик И. В. Ягич, посвятивший разбору трудов архимандрита Амфилохия четыре критико-палеографические статьи, «успешный ход научных ис-

следований заключается не только в выводах, обогащающих наши познания новыми истинами, но и в добросовестно исполняемых задачах предварительного характера, во внимательном наблюдении явлений, в усердном собирании данных, в тщательном сравнении и проверке собранных материалов». В качестве таких «предварительных трудов» издания архимандрита Амфилохия воистину бесценны.

В 1888 году, когда настоятель Свято-Данилова монастыря был уже 70-летним старцем, желавшим только успеть завершить свои начатые работы, Господь призвал его к архиерейскому служению. 1 мая 1888 года архимандрит Амфилохий был хиротонисан во епископа Угличского и назначен хранителем древностей Ростовского Кремля. Постоянным местом его пребывания стал Спасо-Яковлевский монастырь, где почивают мощи святого Димитрия Ростовского. Изучению трудов этого святителя Владыка Амфилохий посвятил последние пять лет своей жизни. Он разыскивал и публиковал неизвестные ранее Слова и поучения святителя Димитрия, довел до конца грандиозное издание его «Летописца». Вместе с тем епископ Амфилохий предпринял реставрацию верхнего этажа храма упраздненного Спасского на Песках монастыря, расположенного вблизи Яковлевской обители и служившего кладбищем для монастырской братии. Как и в Даниловом монастыре, образцами для росписей этого храма послужили подобранные епископом Амфилохием миниатюры древних рукописей. И если стенопись храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре в настоящее время полностью утрачена, то роспись Спасо-Песковского храма сохранилась. Ее изучение откроет новую страницу в истории церковного искусства конца прошедшего столетия.

В храме Преподобного Сергия Радонежского — на первом этаже Спасского храма и похоронен Владыка Амфилохий, отошедший ко Господу 20 июля 1893 года. Молитвенная память о нем сохраняется и в Даниловом, и в ныне действующем Спасо-Яковлевском монастыре, наместник которого архимандрит Евстафий (Евдокимов) много потрудился в Свято-Даниловой обители в период ее возрождения. Мы надеемся, что епископа Амфилохия в день 100-летия его кончины с благодарностью помянут и наши историки, археологи, палеографы, филологи, искусствоведы, для которых труды ученого-монаха представляют неисчерпаемую и драгоценную сокровищницу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889, т. 1, с. 508—511.
2. Головщиков Г. Угличский епископ Амфилохий.— Библиограф, 1892, № 10/11, с. 346—350.
3. Летописец Димитрий. Ученo-литературные труды епископа Угличского Амфилохия.— Библиографические записки, с. 718—719.
4. Ягич И. В. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884.
5. Титов А. А. Преосвященный Амфилохий как ученый и палеограф. СПб., 1894.
6. Титов А. А. Памяти Амфилохия, епископа Угличского.— Русский архив, 1903, № 8.
7. Московские церковные ведомости, 1893, № 30.
8. Воскресенский Г. А. Амфилохий, епископ Угличский. М., 1894.
9. Калужские епархиальные ведомости, 1893, № 17.
10. Ведомости настоятеля Московского Данилова монастыря архимандрита Амфилохия за 1886 г.— ЦГИАМ, ф. 203, оп. 744, д. 2643, л. 237—242.

Г. ЗЕЛЕНСКАЯ

К 75-летию Собора Российской Православной Церкви и восстановлению Патриаршества

Шесть дней в Петрограде и Кронштадте

На протяжении двух веков Санкт-Петербург олицетворял собой императорскую Россию, государственную власть. Но в XX веке город стал символом разрушения империи — колыбель русской революции. Однако столичная интеллигенция и ведомый ею народ, в марте 1917 года вышедшие на улицы Северной Пальмиры приветствовать крушение монархии, уже вскоре ощутили на себе новую беспощадную власть, пришедшую разрушать, а не созидать. Сразу после Октябрьского переворота питерские комиссары объявили войну Православию: захватили Синодальную типографию, разгромили церковь Зимнего дворца, дворцовый гатчинский храм превратили в кинотеатр.

19 мая 1918 года красноармейцы — вчерашние православные — во главе с комиссаром Иловайским попытались захватить Александро-Невскую Лавру. Звонари ударили в набат. Окрестный люд сбежался на зов. Протоиерей Скорбященской церкви Петр Скипетров попытался заслонить от солдатских винтовок женщину: «Братья, что вы делаете? Вы же в святом месте!» Пуля оборвала жизнь протоиерея — он стал одним из первых новомучеников, погибших при исполнении пастырского долга.

Жители Петрограда скоро начали прозревать, готовы были покаяться в содеянном. 29 мая / 11 июня 1918 года в «город Северной Коммуны» прибыл Патриарх Московский и всея Руси Тихон. В течение шести дней, проведенных Святейшим в Петрограде и Кронштадте, его постоянно окружали толпы народа, путь его устилали цветами, люди часами ждали Патриаршего благословения и поучения.

«В переживаемое нами время,— обратились к Главе Русской Церкви путиловцы, еще недавно считавшиеся оплотом революции,— когда нам не на чем и не на ком остановить своего усталого взора, все разрозненные сыны обескровленной Отчизны и поруганной Церкви все свои оскорбленные чувства, разбиваемые упования, угашаемые национальные чаяния и над всеми сими господствующую единую святыню Русской Православной Веры вверяют тебе, Святейший наш Отец. Ты — последняя наша религиозная и национальная твердыня, ты — единый центр, вокруг которого все, в ком еще не угасли духовная алчба и жажда, могут объединиться для последних, может быть, попыток ко спасению дорогих нам Церкви и Отечества...»

Пребывание Святейшего в Петрограде напоминало приезды в город святого праведного Иоанна Кронштадтского; верилось, что в возрожденном Патриаршестве оживет могучий дух первосвятителей Русской Церкви Ионы, Алексия, Филиппа, Ермогена, что обретет, наконец, Россия путь мира и правды Христовой.

Но впереди были величайшие скорби. И архипастырское слово Святейшего Патриарха Тихона подготовляло к ним православных, помогало окрепнуть духом и с верой в Бога встретить надвигающиеся дни разгула воинствующего безбожия.

Слово Святейшего Патриарха Тихона к петроградской пастве в Александро-Невской Лавре

Устроением Промысла Божия первый приезд мой к вам как Патриарха совпадает с днями конца светлой Пасхи. Святая Церковь надолго собирается отложить дивные и чудные пасхальные гимны. Сегодня мы еще слышим ее победный зов: «Христос Воскрес!», но уже завтра вечером раздадутся в наших храмах иные песнопения, торжественные, но вместе с тем с ноткой какой-то грусти — песнопения, прославляющие Вознесение Господне.

И в совпадении сих событий, в этой смене переживаний и настроений наши сердца полны радости с оттенком тихой грусти, которой были объяты и сердца святых апостолов, когда они расставались со своим Божественным Учителем.

В этом совпадении нам урок того, как всякая радость «печали бывает причастна». И когда я вступал в сей священный град, когда видел великое множество встречавших меня людей, в сердце моем была радость, что не оскудела вера православная среди русских людей. Но с другой стороны, видя умиленные лица, я замечал и некие слезы на них.

И в самом деле. Град сей давно мне известен. Я знал его, когда учился в здешней Академии, но я всегда привык его видеть несколько иным. И теперь при посещении этого града невольно вспомнилась мне слова пророка Иеремии, как он некогда оплакивал Иерусалим, называя его вдовицей, видевшей лучшие дни, но испытывающей принижение.

Нельзя не заметить увядания этого града. Вместе со всей Матерью-Родиной нашей большие терпит он скорби и поношения. Великая Россия, удивлявшая весь мир своими подвигами, теперь лежит беспомощная и терпит унижения. И конечно, не может не испытывать скорби всякий русский верующий человек.

Однако скорбь наша не может быть безмерной. Как апостолы, расставшись с Учителем своим, выступили на проповедь с радостью, так и мы не должны унывать, не должны падать духом, не должны отчаиваться. В том самом обстоятельстве, что верующие люди, повсеместно объединились вокруг своих храмов и не дают их в обиду, как это было и у вас,— в этом залог великого будущего нашей Церкви Православной и всего нашего народа.

Когда в приветствиях, которыми встречали меня здесь, у врат этой святой обители, прозвучали слова: *Благословен грядый во имя Господне...*— я припомнил слова Иисуса Христа, обращенные им к Иерусалиму: О, если бы град сей хотя теперь бы познал, что служит ко спасению его.

Но я взираю на вас с утешением, потому что вы знаете, в чем заключается наше спасение. Спасение в Церкви Божией, в вере нашей в Бога. Она только может нас и спасти и избавить от тех несчастий, которые всюду облегают нас. Конечно, нужны и преобразования, нужны и реформы. Но главное не в этом. Главное — это возрождение души нашей, об этом надо заботиться прежде всего. Как Иов многострадальный потерял все, что имел, был терзаем, страдал, мучился, но не потерял веры в Бога, и вера эта спасла его и возвратила ему все потерянное и утраченное, так и нам Господь попустил переносить великие страдания, поношения и обиды, попустил потерять многое из того, что мы имели раньше. Но была бы только крепка вера православная, только бы ее не утратил русский народ. Все возвратится ему, все будет у него, и восстанет он, как Иов с гноища своего.

Пока будет вера — будет стоять и государство наше. Воспламеняющий огонь ревности Божией спасет Родину нашу. Но только спасение это надо искать не в захватах, не в обогащении за счет другого, а, напротив, стремиться с любовью помогать друг другу, *честью друг друга больше творяще*.

Пример для нас — Небесный покровитель этой святой обители и всего града — благоверный великий князь Александр Невский. Он жил в тяжелые времена. Защищал Отечество свое и веру православную от натиска на нее со стороны неверных. Принужден был ездить в Орду, переносил там и унижения, и поношения, и всякие

невзгоды, но мужественно противостоял всем вражеским козням, и крепкий духом, он сам одерживал блестящие победы над врагами здесь же, на этих самых местах, где мы с вами находимся. Помолимся же ему, помолимся с верой и надеждой на его святую помощь и защиту:

Познай свою братию, российский Иосифе, не в Египте, но на Небеси царствующий... Вспомни землю нашу, когда-то обильную, текшую *медом и млеком* (Числ. 14, 8), а ныне оскудевшую. Спаси, угодник Божий, своим предстательством пред Престолом Божиим всех верных рабов твоих, уповающих на Тя и прибегающих под кров Твой святой...

Слово Святейшего Патриарха Тихона в ответ на приветствие от имени Петроградской Духовной Академии

Достоуважаемый отец профессор, приветствуя меня, приглашал меня окунуться в святые воспоминания, связанные с Академией. Послушный его зову, я вспоминаю, как тридцать лет тому назад, в воскресный день и почти в это же число, я и мои товарищи, окончившие курс, получили напутственные в жизнь наставления ныне покойного ректора Академии Преосвященного Антония.

В настоящий раз я прихожу к вам в сей святой храм и храм науки не как Первосвятитель Русской Церкви, а как покорный сын, исполняющий свой долг по отношению к своей родной матери.

Покойный ректор Преосвященный Антоний, напутствуя нас, назвал Академию матерью. И конечно мы, здесь учившиеся, вскормленные и взлелеянные ее лаской и любовью, должны именоваться детьми, а ее именовать матерью. Но, как я уже неоднократно говорил в своих беседах, никакая радость не бывает без печали. И моя радость при посещении Академии растворяется со скорбью о тяжелом материальном положении. Оно мне хорошо известно, а вам, испытывающим его на себе, известно еще лучше.

Но я глубоко верю, что эта хмара русской жизни пройдет. Разойдется, исчезнет туманное облако, как в свое время оно прошло в лице Юлиана Отступника. И я верю, что снова засияет Христос Бог наш, успокоит наши исстрадавшиеся души. Снова покроет Он своим светом матушку Академию.

Из слова Святейшего Патриарха Тихона в ответ на речь председателя правления Братства православных приходов

...Я очень сочувствую участию мирян в церковной жизни и делу объединения приходских советов, ибо по опыту своему знаю, какую силу и мощь в церковном делании представляет собой мирской элемент, правильно направляемый. Миряне — живая сила.

Я слышал сейчас, что Братство объединяет людей, готовых на подвиги исповедничества, мученичества, готовых на смерть. Русский человек вообще умеет умирать, а жить и действовать он не умеет. Задачи Братства не в том только, чтобы воодушевлять на мучения и смерть, но и наставлять, как надо жить, указывать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. Наше упование — это жизнь, а не смерть и могила.

Меня утешает, что приходские советы объединяются, что все вы живете общим соборным разумом. И я уверен, что рано или поздно это будет везде, что в конце

концов в каждой епархии будут тоже братства, объединяющие приходские общины.

Помогай вам Бог в вашем деле объединения пастырей и пасомых на пользу Церкви Божией.

Слово Святейшего Патриарха Тихона при посещении Кронштадта

Благодарю Господа Бога, сподобившего меня посетить сей славный и знаменитый град. Кронштадт известен не только нашему Русскому государству, но известен и всему миру. Есть два главных основания его широкой известности. Первое основание — это то, что Кронштадт есть грозная крепость военная, защита столицы нашей. Второе основание, вторая причина его известности, более знакомая и более близкая всем нам — это то, что Кронштадт представлял из себя великую твердыню духа и в лице молитвенника, незабвенного отца Иоанна, который более пятидесяти лет трудился и молился в этом городе.

Теперь нет ни той, ни другой твердыни. Уже не стоит грозным станом град для внешних врагов. Пала его твердыня, пала потому, что все мы потеряли крепость духа. Слово Божие говорит: «Семя свято — стояние миру...» То есть земля наша держится праведниками. Священная история многими повествованиями указывает, что Господь терпит грехи людей, если есть праведники на земле.

Не будем оплакивать падение внешней твердыни, ибо все это поправимо. Будем заботиться, чтобы нам развить твердыню духа Христова, чтобы каждый из нас являл собою крепость духовную. Тогда, при этой крепости духовной, разовьется и мощь физическая.

По тому одушевлению, с каким встречали меня в столице, по вашему многолюдству можно видеть, что начинается возврат к прежнему благочестию.

Вчера я совершал литургию на месте упокоения великого молитвенника отца Иоанна. Верю, что он призрит на нас, чад его, и ныне. Непрестанно вспоминайте праведного мужа. Облекитесь его добродетелью с его мужеством, а наиболее всего верой. Святые отцы Церкви говорят: «Кому Церковь не мать, тому и Бог не отец». Как дитя держится за свою мать, так и вы держитесь за Церковь. Объединяйтесь вокруг пастырей своих, будьте крепким оплотом веры православной.

Господь да укрепит вас, да ниспошлет благословение вашему граду и всем вам.

Предисловие и публикация
М. ВОСТРЫШЕВА

Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917—1918 годов

Торжественно открытый 15 августа 1917 года Священный Собор Православной Российской Церкви, или, как он первоначально именовался до установления этого названия Соборным Советом, Поместный Всероссийский Церковный Собор, в 1917 году закончил свои заседания 9 декабря, затем Собор возобновился 20 января 1918 года; 7/20 апреля соборные заседания снова были прерваны, после перерыва начались 6/19 июля и закончены были 7/20 сентября, с назначением срока для будущего очередного Собора на весну 1921 года. При этом Собором сохранены за его Членами их полномочия и Святейшему Патриарху

предоставлено созвать Собор до 1921 года, во всякое время, по требованию обстоятельств, в нынешнем его составе.

Занятия Собора проходили в заседаниях при полном собрании его Членов и в соборных Отделах, (предназначенных) для предварительной разработки подлежавших рассмотрению дел. Результаты своих работ, в форме докладов, при особых докладчиках по каждому докладу, Отделы вносили через Соборный Совет на рассмотрение Собора в полном его составе. Всех Членов Собора числилось по списку, составленному в его начале,— 541 и в конце — 421. В Отделах, кроме Отделов личного состава и Редакционного, участвовали все Члены Собора, изъявившие, по предварительной записи, желание участвовать в работах Отделов, Редакционный же Отдел и Отдел личного состава состояли из Членов по избранию Собора, причем кандидаты в Редакционный Отдел, в числе 10, были предложены Соборным Советом.

По каждому из заседаний Собора были составлены протокол и «деяние». Протоколы заключают в себе перечисление всего происходившего в заседании и текст принятых постановлений, «деяния» же представляют подлинную, почти стенографическую запись. Всех «деяний», как и протоколов, получилось, по числу заседаний полного состава, 170. В Отделах составляемы были протоколы или журналы с более или менее подробным изложением происходивших суждений, причем протоколы и журналы Отделов обнимают собою как отдельные заседания, так и целый ряд заседаний, посвященных одному и тому же предмету.

Доклады Отделов при рассмотрении их в полном составе Собора подвергались переработке, изменениям и дополнениям и после этого по каждому из принятых докладов издаваемы были соборные определения и постановления, обязательные для всех, принадлежащих к Православной Российской Церкви. Соборные определения и постановления были печатаемы, по мере их принятия Собором, в «Церковных Ведомостях», пока они издавались, и в четырех выпусках «Собрания определений и постановлений» Собора; некоторые соборные доклады Отделов не были рассмотрены Собором и переданы в распоряжение Высшего Церковного Управления, с предоставлением ему права вводить их в жизнь полностью или в частях, по его усмотрению.

Деятельность Собора выражалась в издании церковных законоположений и соборных посланий и в актах богослужебного характера.

Законодательная деятельность Собора посвящена была главным образом переустройству церковного управления и установлению нового строя церковной жизни в соответствии с изменившимися ее условиями в зависимости от происшедшего изменения условий жизни государственной и общественной.

Вот перечень соборных определений и постановлений с указанием, в каком выпуске «Собрания» напечатано каждое из перечисляемых законоположений.

1. По общим положениям о высшем управлении Православной Российской Церкви (о том, что высшая власть в Российской Церкви — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Собору и что восстановляется Патриаршество) — 1 (4)*.

2. О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России — 1 (13).

3. О порядке избрания Святейшего Патриарха — 4 (21).

4. О местоблюстителе Патриаршего престола — 4 (8).

5. О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете (о составе и устройстве) — 1 (26).

6. О круге дел, подлежащих ведению органов Высшего Церковного Управления (Священного Синода и Высшего Церковного Совета) — 1.

7. О содержании Членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета — 3 (8).

8. О положении и штатах Высшего Церковного Управления — 4 (6).

9. О созыве будущего очередного Собора и о полномочиях Членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета — 4 (2).

---

* Первая цифра обозначает номер выпуска сборника «Собрание определений и постановлений». В скобках указано количество статей в данном определении или постановлении. (*Прим. К. Т.*)

10. О полномочиях Членов Священного Собора 1917—1918 годов — 4 (3).

11. По проекту Положения о временном Высшем Управлении Православной Церкви на Украине — 4 (8).

12. О церковных округах — 4.

13. Об епархиальном управлении. (Гл. 1 — об епархии, ее устройстве и учреждениях, гл. 2 — об епархиальном Архиерее, гл. 3 — об Епархиальном Собрании, гл. 4 — об Епархиальном Совете, гл. 5 — о благочинических округах) — 1 (85).

14. Об учреждении новых епархий и викариатств — 4 (7).

15. О викарных епископах — 3 (6).

16. Об уездных собраниях — 3 (4).

17. Об устройстве Варшавской епархии в пределах бывшего Царства Польского — 4 (5).

18. Об изменениях в ст. 80 и 83 соборного определения об епархиальном управлении — 4.

19. О православном приходе. (Введение с приложениями: I — о Богослужении, II — о престольных праздниках и III — о посещении домов. Приходский устав: гл. 1 — общие положения, гл. 2 — о приходском храме, гл. 3 — о причте, гл. 4 — о прихожанах, гл. 5 — об управлении приходскими делами, гл. 6 — о Приходском Собрании, гл. 7 — о Приходском Совете, гл. 8 — о приходских учреждениях, гл. 9 — просвещение населения, гл. 10 — о храмовом и приходском имуществе, гл. 11 — о соборных храмах, гл. 12 — о союзах приходов) — 3 (177).

20. О внутренней и внешней миссии — 3 (46).

21. О церковном проповедничестве — 3 (10).

22. О монастырях и монашествующих. Основные статьи общего положения: гл. 1 — братия обители; гл. 2 — должностные лица обители; гл. 3 — Монастырский Совет; гл. 4 — внутренний строй монастырской жизни; гл. 5 — монастырский быт и дисциплина; гл. 6 — монастырское имущество и хозяйство; гл. 7 — образовательные учреждения для монашествующих; гл. 8 — миссионерско-просветительная деятельность монастырей; гл. 9 — благотворительная деятельность монастырей; гл. 10 — монастырское управление; гл. 11 — Епархиальное Монашеское Собрание; гл. 12 — участие монашествующих в Епархиальных Собраниях духовенства и мирян; гл. 13 — Всероссийское Монашеское Собрание; гл. 14 — об ученом монашестве; гл. 15 — Иноческое Всероссийское Церковно-Просветительское Братство — 4 (97).

23. О настоятеле и просветительной деятельности Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры — 2 (2).

24. О единоверии (об устройстве и управлении) — 2 (19).

25. О привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения — 4 (2).

26. Об управлении духовно-учебными заведениями и церковно-приходскими школами и организации законоучительства для учащихся в светских учебных заведениях — 4 (2).

27. О восстановлении празднования дня памяти всех святых Российских — 4 (4).

28. О порядке прославления святых к местному почитанию — 4 (15).

29. О возведении в священный сан лиц в безбрачном состоянии — 4.

30. О второбрачии священнослужителей — 4 (3).

31. О возможности восстановления в священном сане лиц, лишенных сана по суду — 4 (4).

32. О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью — 3 (22).

33. О дополнении соборного определения о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью,— 4 (3).

34. По поводу декретов о расторжении брака и о гражданском браке — 2 (4).

35. Об образовании общецерковной казны и обеспечении содержанием преподавателей и служащих духовных учебных заведений по 1/14 сентября 1918 года — 2 (8).

36. О сборе в общецерковную казну с прошений и документов — 4.

37. О сборе «Церковная лепта» — 4 (3).

38. О финансово-хозяйственных церковных учреждениях — 4.

39. О разделе местных средств содержания приходского духовенства — 2 (8).

40. О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь,— 3 (17).

41. О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни — 3 (12).

42. Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания — 4 (11).

Кроме указанных, Священным Собором изданы были определения, которые по связи с переменами в государственной и общественной жизни или в зависимости от этих перемен не имеют в настоящее время прямого применения, хотя и остаются выражением соборного сознания, авторитетного и действенного. Это:

43. О правовом положении Православной Российской Церкви. Основные положения, долженствующие быть, по признанию Священного Собора, принятыми в государственном строе для обеспечения свободы и независимости Православной Церкви в России — 2 (25).

44. О церковном имуществе и хозяйстве. Основные положения — 4 (11).

45. О преподавании Закона Божия в школе — 2 (5).

46. О церковных школах — 2 (3).

47. По поводу правительственного законопроекта о церковноприходских школах — 2.

48. Об основных началах преобразования и введении в действие новых штатов православных Духовных Академий —3 (5).

49. О Духовных Семинариях и Училищах и Пастырских Училищах — 3 (4).

50. О Женских Училищах Епархиальных и Духовного Ведомства — 3 (4).

51. О сборах с церковных документов — 3. (Этот законодательный акт расширен позднейшим соборным определением более подробного характера (36).

52. Об установлении особого сбора на покрытие расходов по содержанию Собора — 2 (6). (Этот акт простирал свое действие лишь на 1918 год.)

Изданные Священным Собором и Святейшим Патриархом послания, вызванные современными Собору событиями, призывали народ возвратиться к заповедям Христовой веры и к мирной жизни; одно послание призывало ко всеобщему покаянию и одно обращено специально к благовестникам (миссионерам). Собором установлено было молебное пение о спасении Державы Российской и особое покаянное моление.

Каждое постановление Собора, по принятии Собором окончательного его изложения, поступало в соборное Совещание Епископов; состоявшее из всех Епископов — Членов Собора под председательством Святейшего Патриарха, для одобрения с точки зрения соответствия его Слову Божию, догматам, канонам и Преданию Церкви. После подписания его установленным числом Епископов оно было обнародываемо в виде соборного определения. Соборное Совещание Епископов, кроме того, составляло из себя Собор Архиереев, который выносил постановления по делам канонизации святых и разного рода богослужебным вопросам и производил суд по делам Архиереев.

Каждое дело поступало на Собор через Соборный Совет, являвшийся распорядительным органом Собора.

Отделов всех было образовано Собором 23:

1. Уставный, занимавшийся разработкой вопросов, возникавших на Соборе по применению соборного наказа или устава к непредвиденным наказом обстоятельствам: о пополнении состава Соборного Совета и Отделов и об утрате Членами их своих прав вследствие непосещения заседаний; эти доклады в свое время были рассмотрены Собором. Нерассмотренным остался доклад об осуществлении Собором высшего надзора за деятельностью церковных установлений, предусматриваемого наказом, но без указания способов его осуществления.

2. Отдел Высшего Церковного Управления, разработавший все вопросы, получившие решение в соборных определениях о переустройстве Высшего Церковного Управления (см. список: 1—6, 9, 11, 12, 14), и подготовивший доклад, не рассмотренный Собором,— о Соборах Православной Российской Церкви и их составе.

3. Отдел Епархиального Управления, представивший доклады для соборных определений о переустройстве епархиального управления и разного рода новых организациях в этой области (13, 15—18, 10), а также по возникавшим на

Соборе вопросам о возможности изменений в некоторых статьях изданных соборных определений. Три доклада Отдела с Инструкцией викарным Епископам — о делопроизводстве в Епархиальных Советах и о присоединении к Бакинской епархии Дагестанской и Закаспийской областей и Русских поселков в Персии — переданы в распоряжение Высшего Церковного Управления и первые два, с некоторыми изменениями, введены в действие.

4. Отдел Церковного Суда. По его докладам изданы три соборных определения (31—33); не принято Совещанием Епископов соборное постановление об устройстве церковного суда, наконец, судебные и бракоразводные дела, впредь до нового устройства церковного суда, переданы новым органам церковного управления. Отделом приготовлены также доклады: устав о церковных наказаниях, устав об устройстве церковных судебных установлений, общие положения устава церковного судопроизводства и общие положения о производстве дел о расторжении браков, освященных Церковию, и признании их недействительными, по материалам Комиссии Предсоборного Совещания.

5. Отдел благоустроения прихода. Отделом выработан Приходский Устав (19) и составлена Инструкция членам причта, утвержденная, по полномочию Собора, Высшим Церковным Управлением.

6. Отдел правового положения Церкви в Государстве, давший доклад, послуживший для соборного определения по сему предмету (43).

7. Отдел Богослужения, проповедничества и храмов провел четыре своих доклада через Собор (21, 27, 28 и покаянном Богослужении), два — через Совещание Епископов (о канонизации святителей Софрония Иркутского и Иосифа Астраханского), два — через Высшее Церковное Управление (о Комитете попечительства о русской иконописи и об издании православного церковного календаря в возможно лучшем виде) и оставил на рассмотрение Высшего Церковного Управления доклады: о церковном богослужебном языке, об упорядочении Богослужения и церковного пения, об изменении евангельского чтения в Великий Пяток на вечерне и изменениях в чинопоследовании новогоднего молебствия, о чине диаконского погребения, о литии, певаемой в нужде и обстоянии, о порядке возношений о Державе Российской и воинстве ее и поминовения за Богослужением Восточных Патриархов, о сохранении старого стиля для церковного исчисления, об издании точного месяцеслова и внесении в него всех Русских святых, об издании полных и кратких молитвословов, о патриаршей палате церковного искусства и древностей.

8. Отдел церковной дисциплины. Три доклада приняты Собором (25, 29, 30): о разрешении священнослужителям носить мирское одеяние и подстригать волосы, о постах, о праве женщин входить в альтарь и о восстановлении чина диаконис — переданы на разрешение Высшего Церковного Управления.

9. Отдел внешней и внутренней миссии разработал в трех докладах материал для соборного определения о внутренней и внешней миссии (20), представил доклады об уставе Православного Миссионерского Общества, о Миссионерском Институте и средне-учебных миссионерских заведениях, о миссиях Северо-Американской, Иерусалимской и Корейской, об устройстве Православной Церкви в Финляндии, о представительстве Патриарха Всероссийского пред главами автокефальных Православных Церквей, о правовом и материальном положении деятелей миссии, о сборе «Миссионерская Лепта».

10. Отдел единоверия и старообрядчества выработал положение о единоверии, принятое Собором (24).

11. Отдел монастырей и монашества. Кроме двух докладов, прошедших чрез Собор (22, 23), Отдел занимался вопросами, вызываемыми современным отношением к монастырям светской власти.

12. Отдел Духовных Академий представил основные начала преобразования и штаты Духовных Академий, принятые Собором (48), а также устав Академий и заключение по проекту монашеской Академии.

13. Отдел духовно-учебных заведений дал три различных, в соответствии с изменявшимися обстоятельствами церковной жизни, доклада о типе и управлении духовных учебных заведений и Пастырских Училищ, а также доклады об Епархиальных женских Училищах и по вопросу об обеспечении учебно-воспитательного состава духовных заведений.

14. Отдел церковноприходских школ. Два доклада Отдела вызваны были законом бывшего Временного Правительства о передаче церковноприходских школ в Министерство Народного Просвещения и послужили материалом для двух соборных постановлений (46 и 47) и один доклад послужил для 9-й главы Приходского Устава — о просвещении населения (19).

15. Отдел преподавания Закона Божия внес на Собор три доклада, причем один доклад — об обязательности преподавания Закона Божия в учебных заведениях — послужил для соборного определения (45), другой — о характере школьного преподавания Закона Божия — был возвращен в Отдел для подробной разработки и третий — о внебогослужебном и внешкольном просвещении народа — был частию принят Собором, а частию возвращен для дополнительной разработки некоторых вопросов, которая к концу Собора и была исполнена Отделом.

16. Отдел церковного имущества и хозяйства внес три доклада, принятые Собором (44, 35 и 36), доклады об общем плане церковного хозяйства и организации церковного бюджета, о финансово-хозяйственных церковных учреждениях — взаимном церковном страховании, всероссийском церковном кооперативе, всероссийском кредитном союзе приходов, центральном свечном комитете — переданы Собором в распоряжение Высшего Церковного Управления. Кроме того, Отделом были вносимы доклады по разным мероприятиям Собора хозяйственного характера, частию осуществленным, а частию предположенным к осуществлению: о порядке доставления церковных сумм из епархий, об образовании при Отделе финансово-статистической осведомительной комиссии, об образовании особой ревизионной комиссии по приему церковного имущества новыми органами церковного управления. Один доклад был составлен по поводу бывшего законопроекта об отнятии церковных земель.

17. Отдел правового и имущественного положения духовенства. Два доклада — о разделе местных средств содержания духовенства — были рассмотрены Собором и вызвали соборное по сему определение (39) и остались нерассмотренными два же доклада о материальном обеспечении православного духовенства и доклады о правовом положении духовенства и образовательном его цензе: доклад об обеспечении епархиальных и викарных Архиереев, переданный Собором на разрешение Высшего Церковного Управления, получил уже разрешение.

18. Отдел устройства Православной Церкви в Закавказье в связи с объявленной грузинами автокефалией своей Церкви представил доклады: по делу о провозглашении грузинами автокефалии своей Церкви, о командировании двух членов Собора в особую Комиссию по церковным делам в Закавказье и об устроении православных церквей в Закавказье и на Кавказе. Последний доклад передан Собором на разрешение Высшего Церковного Управления.

19. Издательский отдел — два доклада о средствах и способах осведомления православного населения о деятельности Собора, и два же доклада о способах распространения патриарших и соборных посланий, кроме того, доклад о положении Церковно-Издательского Совета.

20. Отдел личного состава занимался проверкою полномочий членов Собора.

21. Редакционный отдел устанавливал и оглашал окончательное изложение каждого из соборных постановлений, после чего Собором и разрешался вопрос о принятии постановления в полной его совокупности.

22. Библейский отдел составил доклад с основными положениями о Библейском Совете при Высшем Церковном Управлении.

23. Отдел о соединении Церквей представил предположение об образовании при Священном Синоде особой комиссии для возможного содействия к скорейшему достижению единения Церквей.

24. Кроме докладов, внесенных Отделами на Собор, были вносимы доклады, выработанные на соединенных заседаниях двух и более Отделов: два доклада о штатах и содержании членов Высшего Церковного Управления, принятые Собором (9 и 10), и доклады: о Патриаршем управлении в Канцеляриях Высшего Церковного Управления, переданный на разрешение Высшего Церковного Управления (2 и 16 Отделов), о продлении полномочий членов Собора (1 и 2 Отделов), об устройстве Варшавской епархии (2 и 3 Отделов), о применении нового календаря в церковной жизни (7 и 6 Отделов), об управлении духовными учебными заведениями и церковноприходскими школами и об организации законоучитель-

ства для учащихся в светских учебных заведениях (13, 14, 15 и 19 Отделов).

Для предварительной разработки решаемых Собором вопросов, при срочности последних, были образовываемы нарочитые Комиссии из членов Собора, действовавшие по подобию Отделов. По докладам Комиссий состоялись соборные определения 34, 40, 42. Комиссии работали также по подготовке проектов соборных посланий.

Заведование хозяйственными делами поручено было Хозяйственно-Распорядительному Совещанию при Соборном Совете. При Совете были учреждены также Религиозно-Просветительное Совещание и Юридическое Совещание.

Для сношений с органами гражданской власти были избираемы особые делегации. Последняя из них сохранена при Высшем Церковном Управлении и по прекращении заседаний Собора.

Исполнительным органом была Соборная Канцелярия, образованная главным образом из состава Канцелярии Святейшего Синода и других синодальных учреждений, а также из преподавателей Московской Духовной Семинарии.

Деяния Священного Собора и Собрание определений и постановлений изданы Собором для всеобщего пользования.

С. Г. РУНКЕВИЧ,
Председатель Редакционного Отдела
Священного Собора
Православной Российской Церкви

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Публикуемая статья написана доктором церковной истории, членом Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 годов, Председателем Редакционного Отдела этого исторического Собора Степаном Григорьевичем Рункевичем (1867 — † после 1922).

Перу Рункевича принадлежит множество опубликованных произведений. Среди наиболее известных — «Великая отечественная война и церковная жизнь» (Пг., 1916), «История Минской архиепископии, 1793—1832» (СПб., 1893), «Религиозные мотивы в сочинениях Пушкина» (СПб., 1899), «Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов» (СПб., 1897), «История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода» (СПб., 1900), «Приходская благотворительность в г. Санкт-Петербурге» (СПб., 1914).

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится личный архивный фонд С. Г. Рункевича. Анкетный лист, составленный не позднее 1920 года[1], позволяет проследить основные вехи жизненного пути будущего Председателя Редакционного Отдела Собора. 1891 год — окончание Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1894 — защита магистерской диссертации, 1901 — получение степени доктора церковной истории, 1900—1911 годы — работа Обер-секретарем Святейшего Синода, а с 1911 по 1917 год — Помощником Управляющего Синодальной Канцелярией. Одновременно шла напряженная научная деятельность. В 1900—1907 годах С. Г. Рункевич — приват-доцент Санкт-Петербургского университета, с 1903 по 1912 год — член Учебного Комитета Святейшего Синода, в 1912—1917 годах — Непременный член Медицинского Совета МВД.

Совершенно особый этап биографии Рункевича — его деятельность (август 1917 — сентябрь 1918) в качестве члена Священного Собора и Председателя его Редакционного Отдела. Затем (1918—1920) — участие в работе делегации Высшего Церковного Управления по сношениям с Совнаркомом и, наконец, с 1920 года — работа в качестве научного сотрудника Главархива.

Статья Рункевича «Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917—1918 гг.», опубликованная в «Православном календаре на 1919 год» (М., 1919. Тираж 10 000 экз.), является кратким изложением работы Священного Собора в целом. Ни в одной из опубликованных позднее работ нет такого четкого и ясного изложения самого механизма работы Собора и принятых на нем решений, как в статье-«отчете» Председателя Редакционного Отдела. Разумеется, сказанное ни в коем случае не умаляет значения других исследований, целиком посвященных или затрагивающих деятельность Собора[2].

Статья Рункевича помогает полнее осветить деяния и постановления Собора. В первом номере «Журнала Московской Патриархии» за этот год была помещена статья, дающая общие сведения библиографического характера о «Деяниях» Собора, его Определениях и Постановлениях[3]. Теперь в нее можно внести некоторые уточнения.

Первое. «Собрание Определений и Постановлений» Священного Собора[4] учитывает практически все принятые документы (хотя вопрос о том, что было ли опубликовано первое

приложение к «Деяниям Священного Собора», остается открытым).

Второе. Всего «Деяний» было 170. К моменту публикации первого номера «Журнала Московской Патриархии» автором статьи еще не были обнаружены заявленные как «напечатанные» книги пятая и первый выпуск книги десятой «Деяний»[5]. Теперь найдены и они. Таким образом, появилась возможность дать более точное библиографическое описание «Деяний»[6].

Статья Степана Григорьевича Рункевича (как и другие его работы)[7], посвященные деятельности Собора, поможет исследователям Священного Собора 1917—1918 годов, а сегодня это очень необходимая работа. А. В. Карташов, в частности, отмечал: «Созданные Собором органы власти и управления и изданные законы, как и всякое законодательство, вероятно, нуждаются в исправлениях и усовершенствованиях, но самый источник этого законодательного творчества, его каноническая полноправность, чистота, беспорочность и компетентность Собора вне всяких сомнений»[8].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ОР РГБ. Фонд 257 (Рункевич С. Г.). Папка первая.

[2] Речь идет в первую очередь о публикациях известного участника Собора, Министра вероисповеданий Временного правительства А. В. Карташова: «Временное правительство и Русская Церковь» (Современные записи, № 52. Париж, 1933), «Революция и Собор 1917—1918 гг.» (Богословская мысль. Париж, 1942), «Воссоздание Святой Руси» (М., 1991. Гл. VI: «Благоустройство Церкви Русской»).

[3] Тарасов К. К. Деяния Священного Собора 1917—1918 годов как исторический первоисточник.— ЖМП, 1993, № 1, с. 7—10.

[4] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений: В 4-х выпусках: Прил. к «Деяниям» 2-е. М.: Изд. Соборного Совета, 1918.

[5] В сноске № 17 статьи (ЖМП, № 1, с. 10) допущена опечатка. Выпуск второй книги седьмой должен быть указан с одной звездочкой.

[6] Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния 1 — 150 : В 12 кн., М.; Пг.: Изд. Соборного Совета, 1918. Издание не завершено.

Кн. 1, вып. 1. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора. М., 1918. VI, 144 с.; Кн. 1, вып. 2. Деяния 1—5. М., 1918, с. 1—74; Кн. 1, вып. 3. Деяния 6—16. Пг., 1918, с. 75—188; Кн. 2, вып. 1. Деяния 17—19. Пг., 1918, с. 1—96; Кн. 2, вып. 2. Деяния 20—30. Пг., 1918, с. 97—456; Кн. 3. Деяния 31—40. Пг., 1918. 260 с.; Кн. 4, вып. 1. Деяния 41—45. Пг., 1918. 176 с.; Кн. 4, вып. 2. Деяния 46—51. Пг., 1918. 184 с.; Кн. 5. Деяния 52—65. Пг., 1918. 405, 4 с.; Кн. 6, вып. 1. Деяния 66—70. М., 1918. 116 с.; Кн. 6, вып. 2. Деяния 71—77. Б. м., Б. г., с. 117—284; Кн. 7, вып. 1. Деяния 78—82. М., 1918. 144 с.; Кн. 7, вып. 2*. Деяния 83—90; Кн. 8*. Деяния 91—103; Кн. 9, вып. 1. Деяния 104—106. Пг., 1918. 118 с.; Кн. 9, вып. 2*. Деяния 107—115; Кн. 10, вып. 1. Деяния 116—119. Пг., Б. г. 147 с.; Кн. 10, вып. 2*. Деяния 120—129; Кн. 11*. Деяния 130—140; Кн. 12*. Деяния 141—150.

Наиболее полные сведения о публикации «Деяний» помещены на обложке 2-го выпуска 4-й книги (что позволяет предположить, что этот выпуск был последним по времени выхода в свет). К настоящему времени обнаружены все книги и выпуски «Деяний», заявленные как «напечатанные». В приведенном библиографическом описании звездочкой обозначены выпуски (книги), о которых сказано, что они «печатаются», но в фондах библиотек не были обнаружены. Необходимо отметить, что были обследованы крупнейшие библиотеки Москвы, Санкт-Петербурга, ряда зарубежных государств. Таким образом, есть все основания предполагать, что отмеченные звездочкой книги «Деяний» напечатаны не были (или, по понятным причинам, не увидели света). Что касается последних «Деяний» (№ 151—170), то к их печатанию, судя по всему, вообще не приступали.

7. В том же «Православном календаре на 1919 год» помещены еще три статьи С. Г. Рункевича, посвященные Собору.

8. Карташов А. В. Воссоздание Святой Руси. М., 1991, с. 112.

Публикация К. К. ТАРАСОВА

Лики времени

Собор Русской Православной Церкви 1917—1918 годов поистине является историческим. И это не только потому, что именно на этом Соборе было восстановлено Патриаршество,— политический переворот в России продиктовал его особый, трагический историзм. Уже тогда пришедшие к власти большевики взяли курс на истребление Церкви и Православия, и делегаты Собора оказались в определенном смысле «заложниками» власти. Известно, что многие из участников Собора стали жертвами красного террора; иные оказались в эмиграции, иные — в лагерях и тюрьмах; судьбы же многих — канули в Лету.

Епископ Тихон (Оболенский),
1856—1926 гг.

Архиепископ Иоанн (Смирнов И. К.),
1844—1919 гг.

Епископ Елевферий (Богоявленский),
1970—1940 гг. Отпет и погребен
в Виленском Свято-Духовом монастыре

Т. Нечаев (?)

Архиепископ Михаил (Ермаков),
1862—1929 гг.

Епископ Елецкий Амвросий (Смирнов),
1874—1942 гг. Репрессирован,
место захоронения не известно

Архиепископ Константин (Булычев), 1858 — год смерти не известен

Епископ Борис (Шипулин), 1877—1937 гг. Место захоронения не известно

Историкам Церкви еще предстоит проследить пути и судьбы соборян; предстоит издать и изучить Деяния Собора, с тем чтобы воплотить его решения в современной жизни Русской Православной Церкви.

В № 11—12 ЖМП за 1992 год мы публиковали рисунки художника В. Е. Богдановича (принимавшего участие в работе Собора), однако большая часть его рисунков с автографами, идентирующими участников Собора, и без них до сих пор является достоянием архива.

Сама история запечатлена в лицах делегатов — вглядитесь в них, ведь это — «Русь уходящая». Может быть, кто-то из наших читателей назовет имена тех, кто запечатлен на рисунках В. Е. Богдановича, сообщит об их судьбе.

Б. С.

Голоса истории

Судьба Льва Александровича Тихомирова (1852—1923) поистине уникальна. Один из виднейших идеологов и руководителей революционной партии «Народная воля», он, пережив глубокий внутренний кризис, становится пламенным защитником исторических основ России — Православия, Самодержавия, Народности. Труды, в которых Тихомиров высказал свои взгляды на пути развития России, являются классикой русской консервативной мысли. Прежде всего это фундаментальное исследование «Монархическая государственность» (1905), признаваемое современниками Льва Александровича «лучшим обоснованием идеи самодержавной монархии» (Н. А. Бердяев).

Но Тихомиров был не только замечательным государственным мыслителем. Его перу принадлежат многочисленные работы, посвященные религиозным вопросам, которые рассматриваются в тесной связи с историей, современностью и будущими судьбами мира. К числу таких работ относится, например, оригинальный богословский трактат «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира» (1907). Проблемы Православной Церкви занимали большое место в публицистике Льва Александровича, сыгравшей важную роль в подготовке и созыве Церковного Собора, восстановившего Патриаршество в России.

В печати начала века нашли свое место и разномнения по вопросу созыва Церковного Собора, подготовка которого затянулась на долгие годы. Уже тогда для России наступило

смутное время — из статей Тихомирова видно, какие сумерки сгущались над православной Россией. Мнения по созыву Собора, как и по восстановлению Патриаршества были несовместимые. В предстоящем Соборе усматривались политические цели. И если левые, то есть разрушительные силы, выступали открыто против Собора, то национальные, правые, силы возлагали на него созидательные надежды. Собор не состоялся до 1917 года, наверное, помешала война, так или иначе время было упущено. Ведь соберись Собор десятью годами раньше, и весь ход нашей истории, возможно, получил бы иное направление.

Статья Л. А. Тихомирова «Безотлагательность церковного Собора» (1910) с незначительными сокращениями публикуется по изданию 1912 года «К реформе обновленной России». Эта статья актуальна и сегодня, так как смута в России продолжается.

С. СЕРГЕЕВ

Л. Тихомиров

Безотлагательность церковного Собора

Уже при первых шагах к созданию Государственной думы того типа, какой она явилась, было совершенно ясно, что Церковь станет в положение буквально невозможное. Не требовалось никаких указаний опыта для того, чтобы заранее понять неизбежные логические выводы фактов, вдвинутых в нашу государственную жизнь. Нынешний издатель «Московских ведомостей» вот что говорил, например, по этому поводу в публичном собрании и писал в «Московском голосе» (1906 г., 7 апреля) уже четыре года тому назад, доказывая необходимость созыва Церковного Собора:

«В среду высших государственных учреждений ныне введена Государственная дума, которая, вкупе с преобразованным Государственным Советом, получает огромную законодательную власть. По манифесту 17 октября законы, не одобренные Думой, не могут иметь силы. Она же получает контроль над исполнительною властью и особое влияние на финансы государства.

Как бы ни было необходимо такое учреждение в отношении политическом, но оно ставит над нынешним Синодом власть, не имеющую ничего общего с церковной и религиозной идеей.

Прежние земские соборы были представительством того же самого русского народа, который составлял и Церковь. Но современное представительство создано на иных началах.

Государственная дума есть учреждение только политическое. Ни с русской национальностью, ни с каким-либо вероисповеданием она прямо не связана. В составе Думы находят одинаковое место и атеисты, и еретики, и инославные, и магометане, и евреи. Такое-то учреждение получает огромную власть в государстве, от правительства которого безусловно зависит Православная Церковь при современном построении ее управления.

Мыслимо ли допускать положение, при котором от влиятельного еврея, вожака партии в Государственной думе, будет зависеть назначение обер-прокурора Святейшего Синода или то или иное пособие Государственного казначейства на нужды Православной Церкви?

В прежнее время обер-прокурор был представителем только царской власти, которая сама имеет религиозный характер и от которой исключительно зависел закон и его исполнение. При таких условиях даже и деспотизм обер-прокурора не мог угрожать Церкви по существу. Теперь положение существенно изменилось. Обер-прокурор неизбежно станет под влияние Думы, не имеющей никакого отношения к вере и Церкви. Того и жди, что будет учреждено даже министерство исповеданий. Это уже не союз Церкви и государства, а принципиальное подчинение Церкви внеисповедному государству.

Все другие исповедания в этом отношении более безопасны, так как высшие центры их управления находятся вне пределов Русского государства. Но Русская Православная Церковь, пределы которой ограничиваются рубежами импе-

рии, была бы в крайне тяжком подчинении правительству, отрешенному от религии.

Итак, появление Государственной думы с данным ей характером делает для 90 миллионов православного русского народа необходимым изменить свое церковное управление в таком смысле, чтобы оно могло быть независимо от внеисповедных государственных властей».

Теперь все видят, что эти предвидения осуществились буквально, и даже с усугублением, в самое краткое время.

Прошло четыре года, и мы видим Святейший Синод в том подчинении внеисповедной власти, о котором говорит цитированная статья. Обер-прокурор не сделался еще «министром культов», но уже вошел в состав кабинета, получив характер «министра православного исповедания». Он превратился в орган влияния кабинета на Святейший Синод, и вследствие этого Святейший Синод теряет характер власти, превращаясь все более в консультативную комиссию, которой состав почти всецело, фактически, зависит от кабинета, через влияние на обер-прокурора. Никогда еще Святейший Синод не был так слаб и, можно сказать, беззащитен.

А в то же время внеисповедная Государственная дума начала захватывать власть над церковными делами с быстротой и смелостью, которых можно было бы и не предвидеть. Позволительно было полагать, что Государственная дума посовестится некоторое время пользоваться предоставленными ей правами.

В голосовании дел, касающихся Православной Церкви, начали принимать участие не только инославные, но и нехристиане, и именно большинством их голосов прошли законопроекты, касающиеся права покидать православие.

В бюджет Церкви иноверцы вмешиваются постоянно, польское коло отказало Церкви в кредитах, прямо мотивируя это тем, что Церковь позволяет себе защищаться в Холмщине от одолевающего православных католичества. Бюджетные предположения обер-прокурора составляются постоянно под диктовку «пожеланий Государственной думы». С быстротой, какой можно было бы и не ожидать, Православная Церковь стала между всеми вероисповеданиями России в самое зависимое положение.

Это положение тем более вредно для Церкви и для государства, что подчиняя Церковь одной половине законов внеисповедной Думе, другой половиной, старой, мы подчиняем ее будто бы непосредственно верховной власти. У нас не уничтожены старые законы о вере и Церкви, но введены новые, которыми первые фактически приводятся в бездействие. Легко понять, как тяжко отражается это уже не на одной Церкви, а на самой же государственной власти, как бы ответственной за то, над чем в действительности она практически не имеет власти. Можно ли не спрашивать себя, зачем держится уже несколько лет это вредное, ни для чего доброго не нужное положение?

Преднамеренной цели оно не может иметь, но держится потому, что доселе не созван церковный Собор. Если бы при введении новых законодательных учреждений можно было созвать Церковный Собор, то он осведомил бы государственную власть о нормах отношений, которые оказались темны для бюрократических учреждений, почему законопроекты в отношении веры и Церкви и явились проникнутыми таким множеством ошибок. Если бы Собор был тогда же созван, то государство уже несколько лет назад было бы предохранено от совместного существования двух взаимоисключающих законодательных строев.

К сожалению, политическая сумятица заставила тогда воздержаться от созыва Собора. Но если отсрочка была неизбежна тогда, то чего же мы ждем теперь?

Ждем ли мы, чтобы ложно поставленная практика Государственной думы превратила Церковь в рабыню внеисповедных политических партий? Но если это и для Церкви составляло бы нравственную смерть, то не лучше будет и для государства, если миллионы и десятки миллионов православных поймут свое положение и не согласятся терпеть его. Неужели нужно еще и таких ждать фактов? Неужели трудно без опытов знать, что помножение двух на два даст не что иное, как четыре?

Итак, нам как православным и как гражданам необходимо изменять запутанное положение, а изменить его нельзя иначе, как при созыве Собора. Государственная власть представляет свои предположения на заключение финляндского сейма. Понятно, что десятки

миллионов православных русских граждан имеют для государства не меньшую ценность, чем финляндцы. Без Собора нельзя правильно и нравственно-законно установить отношения между государством и Церковью и создать построение церковной власти, приличествующее настоящему времени.

И потому Собор не только необходим, но безотлагателен, ибо законодательство не бездействует в отношении Церкви и не может бездействовать, а между тем действие это ныне совершается дефективными, вредными для Церкви и государства путями. Изменение этого положения нужно безотлагательно, а потому столь же безотлагателен и Собор.

Свидетельствуют документы

(об изъятии церковных ценностей)

С первых дней своего существования Советское государство повело беспощадную борьбу с религией и «служителями культа». Но одним из тягчайших испытаний для Православной Церкви стала тщательно спланированная властями грандиозная кампания по изъятию и конфискации принадлежащих ей ценностей.

Как все это происходило? Каков был механизм изъятия? Советские историки не оставили свидетельств об этом, а тогдашние газеты помещали столь скудную информацию, что по ней вряд ли можно составить цельную картину этой чудовищной акции. Между тем партийные и ведомственные архивы скрывают немало не рассекреченных еще материалов, способных пролить свет на подоплеку драматических событий.

Совсем недавно стало известно (за рубежом — более двадцати лет назад) строго секретное письмо-инструкция В. И. Ленина членам Политбюро. Оставим в стороне эмоции и нравственную оценку этого послания, скажем только, что именно в нем были сформулированы основные цели, задачи и методы предстоящей операции.

«Нам — указывал Ленин,— во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и Лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь... Мы должны дать именно теперь самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий»[1].

Намеченный план был выполнен с точностью. Помог в этом голод...

Голод был действительно невиданный. Разорение, засуха и как следствие, неурожай обрекли миллионы людей на гибель и муки. Православная Церковь, как и всегда во времена народных бедствий, приняла посильное участие в помощи голодающим. «Помогите стране,— обращался Патриарх Тихон к зарубежью,— помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода!..»

В декабре 1921 года постановлением ВЦИК за подписью Калинина и Енукидзе Церкви были разрешены денежные сборы и пожертвования в пользу голодающих. В начале февраля Святейший Патриарх Тихон вторично обратился ко всем о необходимости прийти на помощь бедствующему населению. В этом воззвании Патриарх сказал о возможности «использовать находившиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления». Несколько позже он подтвердил это разрешение[2].

Однако активная помощь Церкви голодающим вызвала у новой власти по-

литические опасения, и 23 февраля 1922 года был издан декрет, предписывавший изъятие из храмов всех церковных ценностей (в том числе и священных сосудов, что было величайшим святотатством) в пользу государства. А через полмесяца после этого и появилось ленинское письмо-инструкция членам Политбюро (выдержка из которого цитировалась выше), свидетельствующее о том, что правительство решило использовать голод для достижения своих экономических и политических целей. Началась настоящая война с Церковью: публиковались статьи с резкими выпадами против духовенства, были утверждены правила и порядок работ комиссий по изъятию ценностей, создавались сами комиссии, извлекались и уточнялись описи «всех предметов религиозного культа из золота, серебра и платины и драгоценных камней», содержащихся в приходских и монастырских храмах.

Была образована Губкомиссия по изъятию церковных ценностей, располагавшаяся на Лубянке. Во главе Губкомиссии был поставлен Ф. Медведь, в состав комиссии вошли имевший уже большой опыт реквизиции ценностей Базилевич, начальник Гохрана Аркус, известная своими «подвигами» в Крыму Землячка и другие. Комиссия устанавливала очередность изъятия ценностей из храмов, обеспечивала охрану в виде вооруженных пулеметами команд, отрядов красноармейцев, кавалерийских эскадронов, рабочих отрядов.

За две недели до начала изъятия практически все партийные и советские работники столицы были мобилизованы для агитационной работы, на проведение собраний и организацию поддержки предстоящей операции[3].

В подавляющем большинстве, если верить копиям резолюций, коллективы фабрик и заводов высказывались за «претворение в жизнь» февральского декрета ВЦИК. Но далеко не везде все проходило гладко. И если на собрании одного из цехов «Гужона» из четырехсот человек против принятой резолюции голосовало лишь восемь, то среди пятисот рабочих и служащих завода «Дукс» уже голосовало около двухсот. На собрании служащих некоего 3-го Главного склада основная масса поддержала постановление об изъятии церковных ценностей, дополнив, между прочим, свою резолюцию припиской: «Заклеймить позором 10 человек, выступающих против, которые на почве своей сытости стали очень религиозны не к вере, а к презренному металлу»[4].

И все же, судя по сохранившимся документам, немалая часть населения была настроена резко отрицательно к изъятию богослужебных предметов. Об этом свидетельствуют и записанные комиссиями заявления рабочих фабрик и заводов. Вот лишь некоторые: «Если желаете спасти Россию, то уходите, если не можете накормить»; «Неужели мы до того дошли, чтобы снимать украшения с храмов, не нами они украшены и пускай они останутся»; «... Пускай идейных коммунистов жены поработают в пользу голодающих, довольно им отдыхать, ведь не время»; «Попадут ли изъятые ценности голодающим?»; «Куда девалось старое золото?» Были и выкрики: «Драгоценности в кольцах у комиссаров!» и целые выступления политического характера: «Товарищи коммунисты, довольно закрывать глаза на реквизиции народного достояния пролетариата, кончать пора ограбления, дайте отчет, куда девали все золото из Кремля, а также все остальные ограбления... довольно нашу кровь проливать!..»[5].

В ряде храмов во время богослужений постоянно дежурили агенты-осведомители. Один из них докладывал, что в храме Скорбященского монастыря на службе никаких разговоров о предстоящем изъятии не было; в Введенской же церкви настроение было колеблющееся. Большая часть пришедших на службу были, по мнению агента, «интеллигенты-спекулянты», «то есть люди без определенных занятий». К тому же священником отцом Порфирием была произнесена проповедь «Об избавлении христианства и народа от большевиков». Тот же агент счел необходимым отметить и тревожные настроения в крупнейшем московском храме на Тверской, освященном во имя священномученика Василия Кесарийского (снесен в 1930-е годы), где среди двухсот молящихся были преимущественно «интеллигенты и спекулянты», причем разговоры среди интеллигенции велись относительно организации подписки на сбор ценностей, чтобы оставить в целости убранство храма. «Установить личности этих людей,— докладывал с сожалением осведомитель,— не представляется возможным».

Таким образом, у властей имелась

информация о настроении всех слоев населения Москвы. Но и этого казалось мало. Настоятелей церквей вызывали в районные комиссии и брали с них подписку в том, что они лично несут ответственность за возможные волнения и эксцессы прихожан во время изъятия... Вероятно, власти нервничали и пытались заранее переложить ответственность на других. Грустно читать такие документы, в которых священники писали: «...принимаю на себя лично ответственность за волнения и эксцессы прихожан во время изъятия ценностей нашего храма» (подписка Михаила Ивановского, протоиерея церкви при Зачатьевском монастыре)[6].

Напряжение в городе возрастало. В марте член Губкомиссии Базилевич провел изъятие из Оружейной палаты Кремля многочисленных серебряных изделий, принадлежащих русским царям, и первые ящики с десятками пудов серебра потекли в Гохран. 24 марта взялись за древнейший в Москве Чудов монастырь... Вскрыв опечатанную дверь Алексеевского собора, члены Комиссии обнаружили, что у некоторых икон отсутствуют серебряные венчики, вынуты из риз драгоценные камни. Снятие многочисленных серебряных позолоченных окладов с икон монастырских храмов и описание ризницы продолжалось почти четыре дня, и 29 марта члены Комиссии приступили к разборке знаменитых царских врат собора, сени, многопудовой, богато украшенной раки со святыми мощами Митрополита Московского Алексия. Символично, что серебряную раку в 1812 году впервые ограбили французы, устроившие в алтаре спальню, но «честь» повторного глумления над мощами великого русского угодника принадлежала уже Советской власти...

Еще раньше, 22 марта, Комиссия Рогожско-Симоновского района приступила к изъятию ценностей из другой московской обители, так же основанной в XIV веке Святителем Алексием,— Спасо-Андроникова монастыря. И здесь начинали с самой ценной монастырской святыни — с серебряной раки, в которой покоились мощи первых игуменов монастыря: святых Саввы и Андроника. Сорвав «серебро весом более чем в 7 пудов», приступили к снятию риз, лампад, окладов Евангелий. «Работы» закончились к 5 апреля, когда из Спасо-Андрониковой обители было вывезено более 5 фунтов золота, 28 пудов серебряных предметов, 625 бриллиантовых, 125 алмазных камней, более 2 фунтов жемчуга.

Комиссии по изъятию в уже закрытых ранее обителях трудились неспешно и без особых волнений. Но тех, кому выпало работать в действующих приходских церквах Москвы, ожидали совершенно иные «условия».

Сохранилось несколько срочных «совершенно секретных» отчетов, посланных председателем Губкомиссии Ф. Медведем М. И. Калинину: изъятию 31 марта — 1 апреля, указывалось в донесениях, подлежали 12 храмов: Скорбященского монастыря, Валаамского подворья, храмов Василия Неокесарийского, Святого Георгия, Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца, Покрова в Кудрине, Александра Невского на Миусской площади и др. «К изъятию приступлено в 12 часов кроме Скорбященского монастыря, где задержка произошла из-за отсутствия у попа ключей. Поп ссылался на то, что прямым хозяином монастыря является игуменья, находившаяся, вероятнее всего, в среде монахинь, собравшихся здесь же, и, очевидно, после разъяснения попа скрывшаяся. Там же находится школа, учителя которой с приходом комиссии распустили своих питомцев с наказом оповестить о происходящем своих матерей. К двум часам по отношению к начавшейся собираться публике был принят ряд мер» Ф. Медведь указывает, что у монастыря собралась толпа в двести человек. Толпа у церкви Василия Кесарийского достигла полутора тысяч человек, и там «были попытки бросить камни и намечалась возможность кровопускания, камень попал в кавалериста, и последний занес шашку, чтобы рубить, но вовремя был удержан».

В отчетах Ф. Медведь доверительно критиковал своих работников и делал следующие заключения: «Во время изъятия... следует избегать... не входить женщинам в алтарь, в церкви во время изъятия снимать шапки и не курить; не снимать малоценных риз с ветхих икон; следить, чтобы попы не выходили и не агитировали толпу». И далее очень важное признание, позволяющее представить методы работы Комиссии: «Если накануне (31 марта) при упаковке риз иногда уплотняли их нажимом колена или ноги, то 1 апреля уже работающие прогрессировали и во избежание «кощунственных» нареканий уплотняли ризы применением пудовой гири».

Еще одно признание: 31 марта «арестовано верующих и попов — 27 человек. Всего же 31 марта было изъято из храмов более 87 пудов, 1 апреля — 60 пудов серебряных предметов»[7].

Апрель 1922 года оказался трагическим не только для пятисот московских церквей — приходских, монастырских, домовых, кладбищенских,— но и для храмов всей многострадальной России.

Каждый храм, его церковная община, священники по-разному воспринимали и переживали насильственное обирание любовно украшенных драгоценными камнями серебряных риз почитаемых образов, вывоз священных богослужебных сосудов, к которым по христианским канонам могли прикасаться только священнослужители. И хотя значительная часть прихожан, в какой уже раз бессовестно обманутая, доверилась агитации новой власти, не обошлось без серьезных эксцессов.

Толпы в пятьдесят-шестьдесят «озлобленных» людей, как отмечали члены комиссий, наблюдались почти везде. Но иногда собиралось и гораздо больше. У Крестовоздвиженского храма на Арбате, как свидетельствует один из отчетов, собралось до трехсот человек, раздавались выкрики: «Мы не дадим грабить святыню»; «Хотя бы одного из них там ослепило — сразу бы перестали грабить!» и т. д. «Когда подъехал автомобиль с тарой, то мальчишки, подусьkиваемые старухами-кликушами, кидались снежками. После того как выслана охрана, толпа начала расходиться и к вечеру постепенно разошлась без всяких эксцессов».

Едва не закончилось трагедией изъятие серебра из большого храма Богоявления в Дорогомилове (снесен в 1930-е годы). Как свидетельствовали члены Комиссии, у храма «собралась толпа сначала человек 300 и начала кидать в охрану церкви камнями; охрана была усилена, но толпа оттеснила ее камнями к паперти, и несколько человек, забравшись на колокольню, стали бить в набат, отчего толпа увеличилась постепенно до 1000 человек. Вызванная пехота и кавалерия ликвидировали беспорядки и разогнали толпу...»

Положение священников было наиболее тяжелым: они понимали всю кощунственность совершаемого и ответственность за судьбы прихожан и храмов...

Между тем поток ценностей, свозимых в Гохран со всей Москвы, увеличивался. Если домовые и приходские церкви давали, как правило, от 10—15 фунтов до 2—3 пудов серебряных предметов, то из древних храмов комиссии вывозили по нескольку больших ящиков, доверху набитых церковными ценностями.

Из собора Василия Блаженного было вывезено 24 пуда серебра, из храма Христа Спасителя — более 34 пудов, из храма Преподобного Сергия в Рогожской слободе — около 60 пудов. Большую добычу вывезли из богатых украшениями монастырских храмов: Чудов монастырь «дал» 57 пудов, Новоспасский — 38, Симонов — 26, Всехсвятский — 22, Покровский и Рождественский — по 17, Страстной — 25...

Помимо серебра, почти в каждом храме были золотые предметы и значительное количество драгоценных камней: бриллиантов, аметистов, изумрудов, сапфиров, жемчуга, украшавших ризы икон, церковную утварь, оклады Евангелий, напрестольные кресты.

Но не все церковные ценности попадали непременно в Гохран. Кое-что удалось направить в крупнейшие музеи Москвы или оставить на временное хранение в храмах. Однако спасенных таким образом ценнейших памятников церковного искусства было совсем немного. Да и далеко не всегда работникам музеев предоставляли возможность взять вещи, имеющие историко-художественное значение.

3 апреля Комиссия по изъятию церковных ценностей приступила при «озлобленном» настроении духовенства и монахинь к работе в выдающемся историко-художественном комплексе Ново-Девичьего монастыря. От Главнауки Наркомпроса в монастырь были направлены в качестве экспертов искусствоведы Н. Н. Померанцев, В. И. Троицкий и др. Что произошло дальше, видно из обстоятельного рапорта Ф. Медведю уполномоченного Комиссии М. Гузеева: «На первых же порах мне пришлось столкнуться с экспертами Главмузея, которые опротестовывали чуть не каждую икону, ссылаясь на то, что она 17 века.

Споры достигли кульминационного развития в особенности, когда пришли работать в собор. Здесь эксперты заявили, что собор... во всей совокупности представляет из себя музейную редкость и потому не подлежит выемке. С боль-

шим трудом удалось мне отстоять небольшое количество риз и получить принципиальное согласие на съемку еще некоторых, представляющих в смысле материальном крупную ценность. Что касается ризницы, то туда проникнуть не удалось, ибо, по словам экспертов, ризницы как таковой нет, а есть отделение Главмузея; между тем в ризнице и хранится богатство, изъятие какового дало бы много хлеба голодающим поволжанам».

Далее автор рапорта жаловался: «Я определенно заявляю, что со стороны экспертов было предъявлено преступное равнодушное отношение к голодающим, для них кусок металла хотя бы и 17 века дороже жизни человека... произведений искусства 17 века у нас в России более чем достаточно, и для музеев хранить все количество вещей прошлых лет более чем странно, в особенности теперь...»

Из Ново-Девичьего монастыря было вывезено около 20 пудов серебра, 47 бриллиантов, 97 алмазов, 61 сапфир и многое другое[8].

Документы наглядно отражают весь драматизм тех дней. Именно тогда, в 1922 году, началась и трагедия главной святыни России — Московского Кремля. Широким потоком из кремлевских монастырей, соборов, теремных церквей хлынули в Гохран ризы, кадила, богослужебные сосуды — плоды многолетнего кропотливого труда древних мастеров. Из Благовещенского собора вывезли более 28 пудов серебра, из Архангельского — более 15, из Вознесенского монастыря — 25, из Храма Рождества на Сенях — 29, из Дворцовой ризницы — более четырех пудов... Всего же из кремлевских храмов было сдано в Гохран более 290 пудов серебряных предметов, 259 бриллиантов, 672 алмаза, 23 изумруда, более пуда золота[9]. Практически все золото и 65 пудов серебра было вывезено из главной кремлевской святыни — древнего Успенского собора.

И такое происходило в Москве, на глазах «самого просвещенного в истории» правительства. Что же говорить о том, что творилось весной-летом 1922 года в провинциальной России? Было в буквальном смысле слова ограблено множество почитаемых православных святынь. Например, в Петрограде с замечательного по красоте иконостаса Казанского собора на Невском проспекте сняли всю серебряную отделку, оставив голый остов... Известный реставратор П. Д. Барановский, приехавший из командировки в бывший Соловецкий монастырь, взволнованно докладывал на заседаниях архитектурно-реставрационного отделения реставрационных мастерских: «Несмотря на телеграфное уведомление о выезде экспертов, вещи уже были упакованы и не могли быть осмотрены; присутствующий при изъятии представитель Петрогубмузея Машков указал на обильные нарушения инструкций, поломки ценных предметов и др. При производстве изъятия подвергнуто было изъятию многое, обладавшее высокой художественной ценностью, между тем весь монастырь во всем своем ансамбле заслуживает обращения в музей.

Некоторые памятники древней живописи оказались по удалении из окладов в весьма дурном состоянии; другие повреждены варварскими способами сдирания отделки. В Преображенском соборе удалены серебряные кадила XVII века, содраны древние басменные оклады. Насколько невнимательно и спешно производилось изъятие, можно судить по тому, что на полу остались целые кучи неподобранных серебряных гаек...»[10].

В Костроме из исторического Ипатьева монастыря вывезли более 36 фунтов золотых и более 12 пудов серебряных предметов, сотни драгоценных камней; из городского кафедрального собора еще больше — 38 фунтов золота, более 55 пудов серебра, несколько тысяч самоцветов.

Что же дало советской власти грандиозное по масштабам изъятие церковных ценностей? С точки зрения экономической — совсем немного. Все ценности, изъятые из московских церквей (около 3,5 тыс. пудов серебра, более 3 пудов золота, тысячи драгоценных камней), были оценены лишь в два миллиона рублей, то есть в среднем по 30 рублей за килограмм серебра. Художественные, тонкой работы ризы, лампады, кадила, раки, богослужебные сосуды оценивались как лом и продавались за рубеж в слитках. Тем не менее и эти два миллиона пополнили опустевшую казну пребывающей в разрухе страны и, в соответствии с ленинским письмом, помогли становлению новой власти. Какая часть из награбленного действительно пошла на закупку хлеба голодающим — это исследователи должны еще установить.

Другая задача, политическая, поставленная в ленинском письме, удалась вроде бы вполне. Хотя Церковь в целом по-христиански смиренно восприняла обрушившееся на нее бедствие, власти, как настаивал Ленин, использовали изъятие для развертывания настоящего террора против Церкви и духовенства. Циркуляром Верховного Трибунала ВЦИК, утвержденным Крыленко, губревтрибуналам предписывалось «в первую очередь привлекать к следствию и суду руководящие церковные круги данного места, как сознательно допустившие антиправительственную агитацию под религиозным предлогом, хотя бы и не уличенные в активном участии... В приговорах указывать наличие в деле интеллектуальных виновников эксцессов со стороны темных элементов в лице высшей церковной иерархии (Патриарх Тихон, местные епископы и т. д.), коль скоро в деле возможно обнаружить идейное руководство (воззвание Патриарха Тихона, Митрополита Вениамина и т. д.) или попустительство»[11].

По всей России в период изъятия были арестованы тысячи представителей духовенства и мирян. Среди этих новомучеников было немало крупных церковных деятелей. Известные своей ненавистью к Православию деятели Наркомюста и ОГПУ П. А. Красиков, Е. Тучков и другие телеграфировали на места: «Арестовывайте, ... настаивайте на применении суровых репрессий; «... арестовывать, дела срочно заканчивать, передавать Ревтрибуналу, настаивая на применении суровых репрессий». Их долго ждать не пришлось. Местные власти и губтрибуналы отчитывались Москве о расстрелах «за симуляцию кражи и расхищение», «за участие в беспорядках на почве изъятия церковных ценностей», «за агитацию против изъятия церковных ценностей и подготовку к контрреволюционному восстанию» и т. д. Были сфабрикованы и проведены процессы над высшими церковными иерархами в Смоленске, Петрограде и других крупных городах. Служители Церкви были расстреляны, террор усиливался... Все эти бесчинства подготовили массовые закрытия и снос храмов, аресты священнослужителей.

Но кто может оценить «вклад» кампании по изъятию церковных ценностей в уничтожение и опустошение души русского человека, в воспитании нигилизма в еще большем отчуждении народа от властей?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Наш современник, 1990, № 4, с. 167—169.
[2] Послания, обращения и воззвания Патриарха Тихона 1921—1922 годов о помощи голодающим опубликованы в «Нашем современнике» (1990, № 4, с. 164—167).
[3] ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д. 283, л. 1—18.
[4] ГАРФ, ф. 5263, оп. 1, д. 54, л. 45—66.
[5] ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д. 283, л. 61—62.
[6] Там же, д. 290, л. 66.
[7] ГАРФ, ф. 5263, оп. 1, д. 54, л. 69—70.
[8] ЦГАМО, ф. 66, оп. 18, д. 290, л. 260—270.
[9] Там же, д. 291, л. 10.
[10] ЦМАМ, ф. р — 1, д. 5, л. 30.
[11] ГАРФ, ф. 353, оп. 6, д. 6, л. 28.

В. Ф. КОЗЛОВ,
кандидат исторических наук

Братья и сестры!

К Вам обращаются прихожане храма в честь иконы Казанской Божией Матери, что в селе Арпачево Торжокского района Тверской области.

Храм, построенный в 1791 году известным русским архитектором Н. А. Львовым, является памятником русского зодчества XVIII века, уникальным в России сооружением палладианского стиля.

Закрытое в 1935 году как культовое учреждение, здание храма медленно разрушалось и сегодня находится в ужасающем состоянии.

В течение последних двух лет мы, прихожане, своими силами пытались спасти его от полного разрушения, ремонтируя кровлю, кладку стен и т. д.

Но сегодня из-за инфляции мы просто нищие.

Не останьтесь безучастными в святом деле восстановления Казанского храма. Помогите сохранить для потомков замечательный памятник русской архитектуры, а верующим — храм для спасения душ наших.

Спаси Вас Господи

Почтовый адрес:
172087 Тверская область,
Торжокский район,
с. Арпачево, церковный приход

Наш расчетный счет:
г. Торжок,
Торжокское отделение
«Тверьуниверсалбанка»
МФО 131485,
р/счет 700208
корр./счет 700161844

Российского речного флота
капитан Александр УСОВ

Первая в России

Публикация адресуется священнослужителям, мирянам, историкам флота, судомоделистам, живописцам, зодчим и всем интересующимся историей России

Вместо предисловия

Царское Село

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Ловецкое население Астраханской губернии, работая вдали от своих поселков в Каспийском море и дельте Волги, вследствие удаленности церквей бывает надолго лишено возможности молиться в храме Божием и выполнять духовные требы. В постоянных заботах об удовлетворении религиозных нужд своей паствы епископ Астраханский и Енотаевский Преосвященный Георгий пришел на помощь сему делу, и личными заботами и неустанным руководительством его создана и сегодня освящена Пловучая церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Вознеся в сем храме горячие мольбы ко Всевышнему о здравии и благоденствии Вашего Императорского Величества и Всей Августейшей Семьи Вашей, епископ Георгий, представители местной власти, города и ловецкаго населения просят меня повергнуть к Стопам Вашего Императорскаго Величества чувства их беспредельной любви и непоколебимой преданности. Почитая счастьем всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству о столь отрадном в духовной жизни вверенного мне населения событии, всеподданнейше докладываю, что средствами для приобретения парохода и устройства на нем храма послужили доброхотные пожертвования частных лиц и местных монастырей, а также шесть тысяч рублей, ассигнованные для сей цели Комитетом Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. Храм помещается в носовой части парохода, увенчан семиглавым куполом и вмещает до 200 молящихся. Кормовая часть уделена причту, столовой для богомольцев и фельдшерскому покою для подания первоначальной врачебной помощи ловцам. На Страстной неделе пловучий храм следует в море.

Губернатор,
генерал-лейтенант Соколовский

11 апреля 1910 года

12 апреля 1910 года в Астрахани было получено сообщение о том, что на телеграмме губернатора «Государь Император собственноручно начертать соизволил: Искренно радуюсь доброму делу удовлетворения духовных нужд ловецкаго населения и благодарю всех за выраженные чувства».

Немного более 80 лет тому назад «Астраханские ведомости» (1910 год, 13 апреля) и «Астраханский листок» (14 апреля) писали о том, что в воскресенье 11 апреля 1910 года в Астрахани у пристани И. В. Беззубикова (видного рыбопромышленника) было совершено освящение Пловучего храма.

Это событие произвело большое впечатление не только на официальных лиц, духовенство, но и на общественность города. С самого утра пристань стала наполняться народом: пестрые толпы обывателей, лица купеческого сословия, пристанские рабочие, представители знати, а также духовенство скоро заполнили почти всю огромную площадь пристани. Все находились в напряженном ожидании.

У дебаркадера пристани стояла только что построенная епархией блистающая белизной Пловучая церковь-пароход во имя Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца. В лучах южного солнца ярко горели еще не виданные на Волге ее семь позолоченных глав. Большой белый удлиненный треугольник флага на корабельной мачте с крестом на середине полотнища оповещал о назначении этого необычного сооружения.

Крест с отходящими от него лучами также был запечатлен и на «сиянии» кожуха гребного колеса с каждого борта. Тщательно выписанные церковнославянские литеры на «сияниях» составили официальное название парохода: «Святитель Николай Чудотворец», а надпись на козырьке носового фальшборта «Церковь во имя св. Чудотворца Николая» и буквы «К — М Бр — о» на белом поле кормового трехцветного национального флага России говорили о принадлежности его Кирилло-Мефодиевскому братству*. Пароход имел номерной знак МПС № 40/1.

Более сотни молящихся заполнили Пловучий храм, хоры и палубу. В тот торжественный день церковь собрала тех, кто принимал активное участие в сборе денежных средств на сооружение ее, в подборе и закупке парохода под Пловучую церковь. Присутствовали и те, кто пожертвовал значительные суммы денежных средств и даровал храму ценную церковную утварь. Трезвон шести колоколов, установленных в звоннице Пловучей церкви, возвестил о начале богослужения. Освящение церкви совершал Преосвященный Георгий, епископ Астраханский и Енотаевский, в сослужении с ректором Духовной семинарии архимандритом Феодором, с соборным и другим духовенством. На клиросе пел архиерейский хор певчих. За Божественной литургией в слове, посвященном этому событию, Преосвященный Владыка Георгий сказал: «Мы знаем, что на военных судах для морских военных команд существуют церкви, но не слышали, чтобы были где-нибудь у нас храмы Божии, плавающие для удовлетворения религиозных потребностей приречных или приморских обитателей». И далее: «Наша плавающая церковь есть первый опыт в этом роде»**. Пловучая церковь-пароход «Святитель Николай Чудотворец» была предназначена для населения, проживающего в дельте реки Волги с ее многочисленными поселками на островах и сваях, занятых рыболовными и тюленьевыми промыслами. Она была предназначена обслуживать так называемый 12-футовый рейд на Каспии, «где останавливались морские суда, осадка которых и мелководье фарватера в устье реки Волги не позволяли им доходить до пристаней Астрахани». Там

---

* Первая походная церковь на военном флоте России была устроена для экипажа на 52-пушечном фрегате «Паллада» в 1851 году.

** Кирилло-Мефодиевское братство возникло в восточной части дельты реки Волги, на бывшем Чуркинском острове речки Чурки при впадении ее в Каспийское море, «где на месте монастырской рыболовной ватаги архимандритом астраханского Спасо-Преображенского монастыря Мефодием, назначенным потом епископом Астраханским», была основана в 1731 году пустынь во имя Святителя Николая.

Николаевская-Высокогорская мужская пустынь в народе именовалась Чуркинской и нередко Николаевской. «Окруженный калмыцкими и киргизскими полукочевыми поселениями, монастырь сразу же приобрел важное миссионерское значение. Недаром при нем позднее была организована школа». В старину он был спасительным прибежищем во время разных моров.

После октябрьского переворота монастырская братия была разогнана, постройки использовались для производственных и хозяйственных нужд, а огромный пятиглавый собор и колокольня — разрушены...

шла перегрузка товаров и пересадка пассажиров с моря на реку и обратно, перекачка нефти из наливных шхун в речные баржи. Это было место сосредоточения нескольких десятков дымящихся пароходов, паровых и парусных шхун, сотен барж, перекачных машин-нефтянок, плавучих контор, пароходных обществ и разных торговых фирм, плавучих лавок и магазинов, дебаркадеров, стоящих на «мертвых» якорях, с почтово-телеграфным отделением, таможенным и судоходным надзором морской полиции. Район плавания Пловучей церкви включил в себя и северо-восточную часть Каспия с островами и заливами, где были стоянки рыбаков, рыболовецкие промыслы. Многочисленный штат служащих, речников, моряков, мастеровых, рабочих, торговцев с их чадами и домочадцами составлял порой три-четыре тысячи человек, которые в течение семи-восьми месяцев навигации были оторваны от «большой» земли и лишены возможности удовлетворять свои духовные потребности. В ту пору в низовьях Волги и в северо-восточной части моря не было ни одного храма, а потребность в нем для православного народа Волжского Понизовья была велика. Многие в епархии тогда выступали за создание храма. Его ждали, и стараниями Преосвященного Георгия храм появился.

В пятницу Страстной седмицы 16 апреля 1910 года в 12 часов пополуночи «Святитель Николай Чудотворец» снялся с Астраханского рейда, раздался его прощальный гудок, и он отправился в первое плавание. В 5 часов вечера церковь прибыла на место и была встречена гудками около десяти судов. Началась пасхальная утреня...

По заранее составленному и объявленному расписанию в первую и последующие навигации церковь посещала определенные для нее участки акватории, удаленные друг от друга примерно на 50 верст. На каждом месте она стояла один-три дня. За весну, лето и осень церковь делала путь длиною более 4000 верст.

Почти за каждой службой священнослужитель говорил проповеди, а после службы раздавались брошюры и листки религиозно-нравственного содержания, в которых особенно осуждались пьянство и сквернословие.

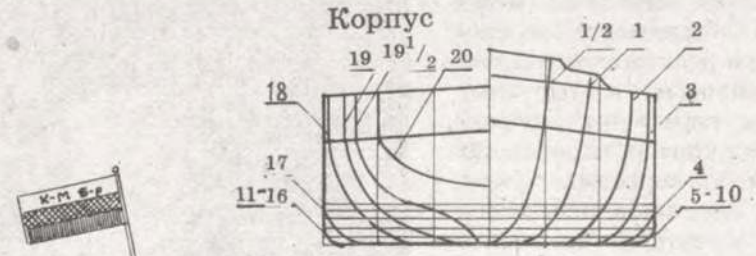
При Пловучей церкви находился фельдшер, который оказывал медицинскую помощь всем нуждающимся в ней, лекарства выдавались бесплатно. За врачебной помощью обращались не только православные, но и представители других религий — киргизы, калмыки, казахи. Не отказывали им и в трапезе в столовой — трапезне.

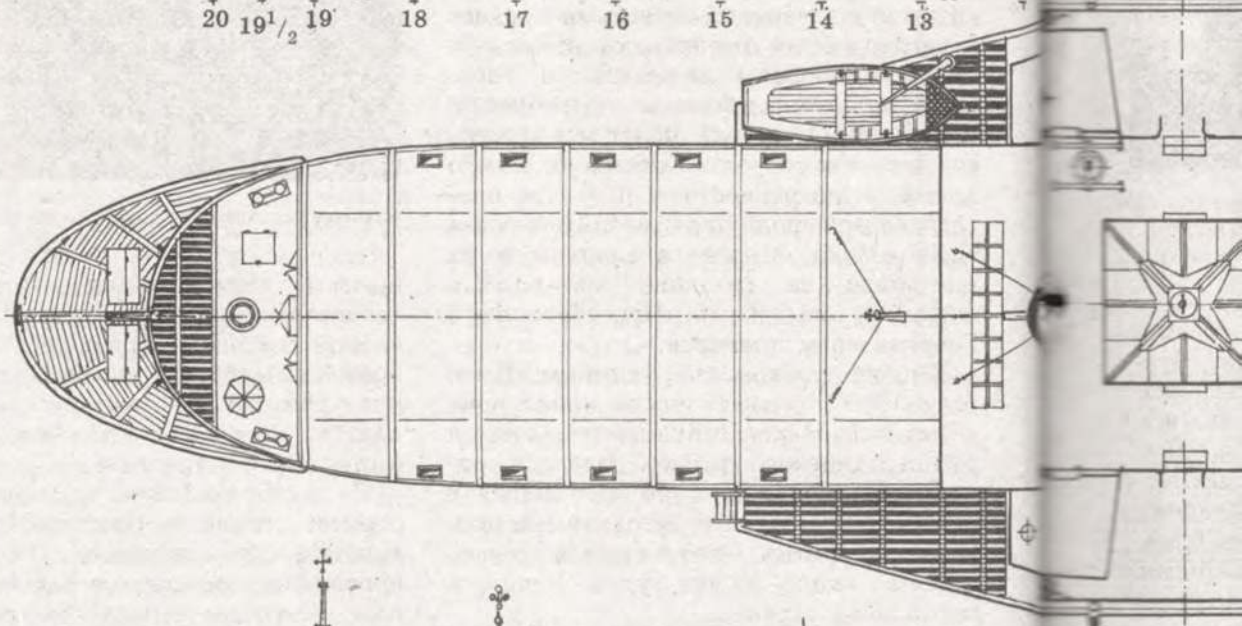

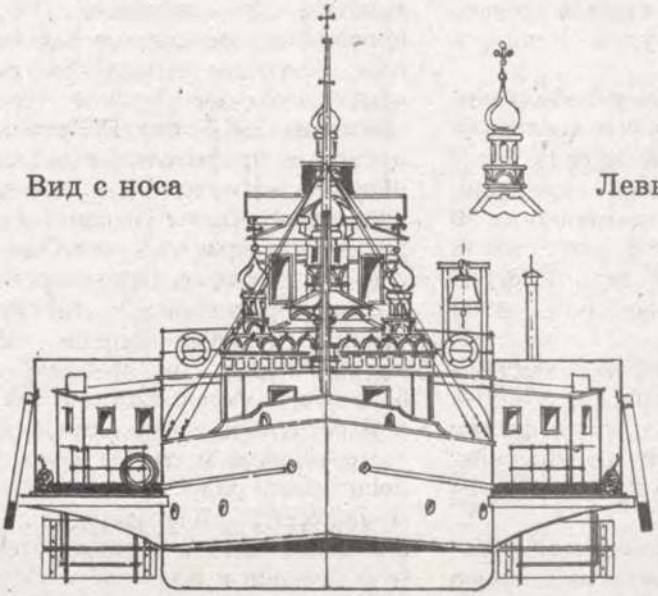
Архиепископ Астраханский и Енотаевский Георгий

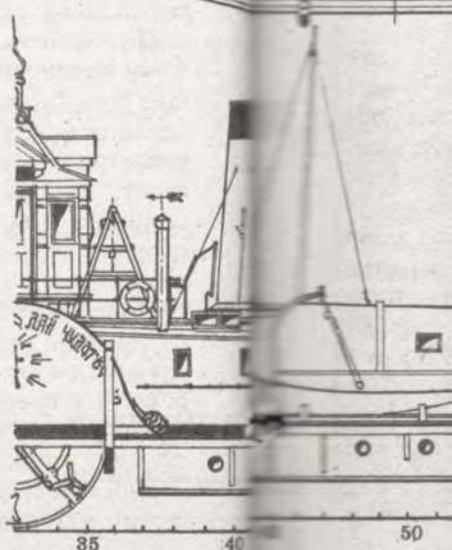
С октября-ноября до марта-апреля церковь стояла у пристани Чуркинской Николаевской пустыни, в это время проводились ремонтные работы. В 1913 году Пловучая церковь была передана монастырю на полное содержание.

4 июня 1913 года Пловучую церковь посетили прибывшие в Астрахань на пароходе «Император Александр Благословенный» члены Императорского двора и после краткого молебна с интересом осмотрели ее. Протоиерей Петр Горохов, обратившись к гостям, сказал: «Наша Пловучая церковь не блещет ни простором, ни обилием света, ни богатством украшений, но она в скромном и скудном своем наряде совершает тоже великое и святое дело. Она приносит свет, радость и благодатную помощь всем, а благодаря и с помощью фельдшера и аптеки несет первую скромную помощь и для тела».

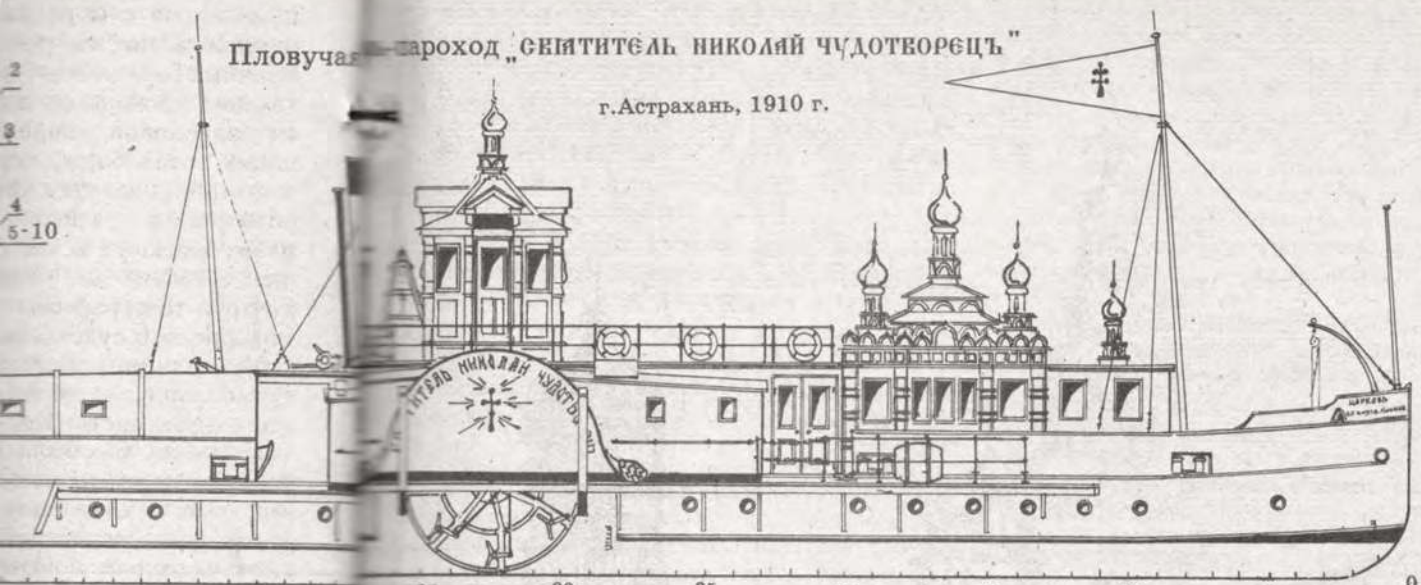

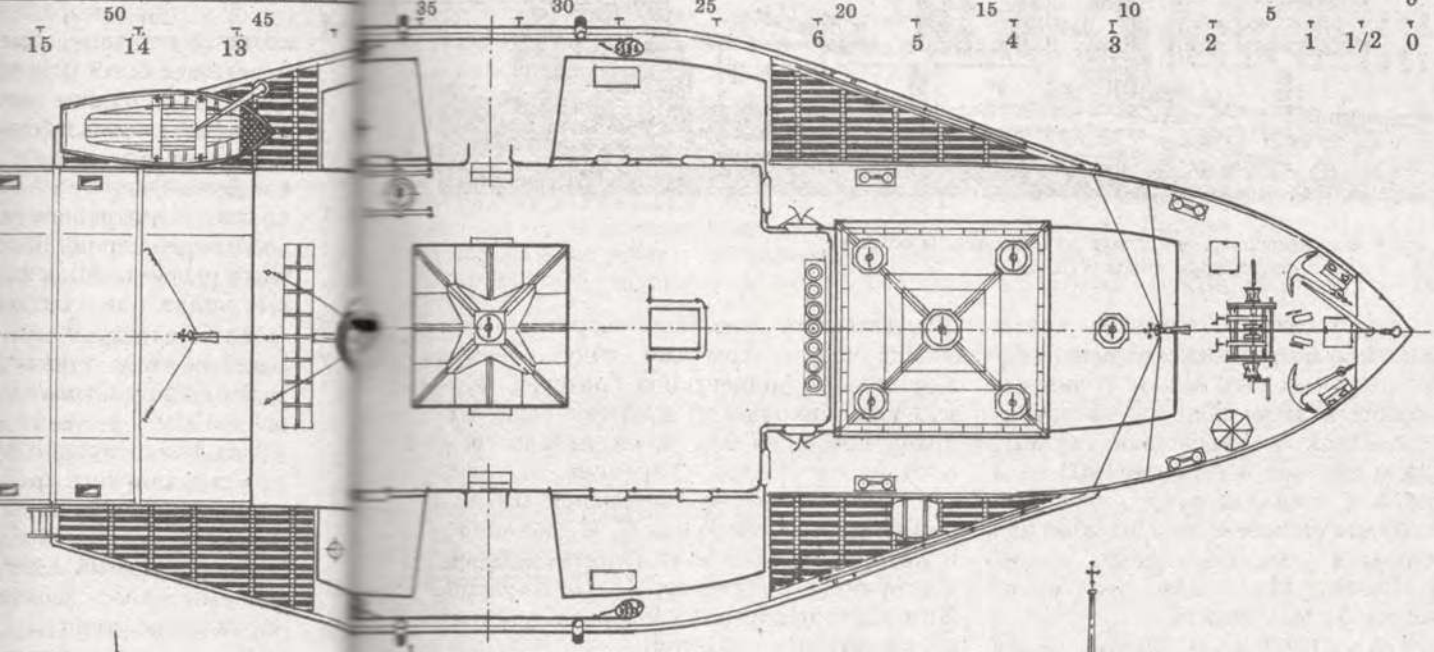

Реконструкцию чертежа выполнил Александр Усов

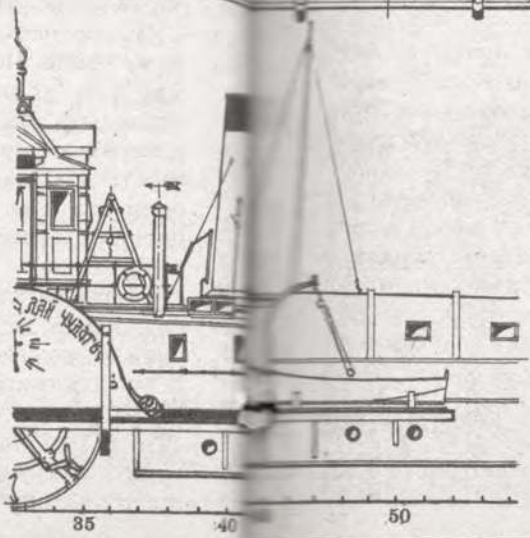
Пловучая [illegible]-пароход „СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ"

г.Астрахань, 1910 г.

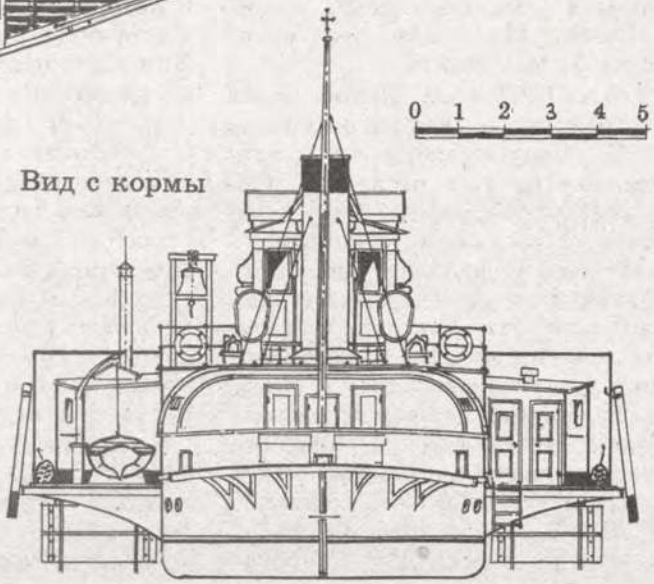

Вид с кормы

Николаевский Высокогорский монастырь на Чуркинском острове.
Рисунок А. Усова с фотографии конца XIX века

Идея сооружения Пловучего храма принадлежала астраханскому мещанину Н. Е. Янкову, человеку весьма религиозному, который, живя подолгу на ловецких промыслах и занимаясь скупкой рыбы на море, еще в декабре 1903 года обращался в епархию с предложением о сооружении передвижной церкви для обслуживания ловецкого люда в низовьях Волги. Но тогда это предложение не было принято.

В октябре 1907 года Янков подал проект устройства «плавающего на водах храма». К концу декабря 1908 года было предложено уже несколько проектов. Намечалось «соорудить две церкви, разборные, из железа, обтянутые — одна брезентом, а другая — кошмою». Для перевозки их по ловецким станам предлагалось использовать парусное деревянное судно и при нем — плоскодонную лодку для установки храма. Предлагалось разборные церкви перевозить на пароходе «Николай» Чуркинского Никольского монастыря. Обсуждался и проект постройки нового парохода под церковь. Но все эти проекты имели свои недостатки, а последний требовал значительных денежных затрат.

Наконец в том же году советом Кирилло-Мефодиевского братства Чуркинской Никольской пустыни была избрана комиссия под председательством протоиерея Петра Горохова и двух его помощников — протоиерея Димитрия Фаворского и купца С. И. Захарова, в которую вошли еще девять человек, в том числе архитектор О. И. Карягин. Комиссии предстояло выбрать один из предложенных проектов.

Не имея достаточных средств для строительства нового парохода, комиссия решила купить у пароходных обществ или частных лиц пароход и приспособить его под Пловучий храм. Для этого с благословения Преосвященного Владыки Георгия был начат сбор денежных пожертвований в церквах епархии. Одновременно комиссия, привлекая специалистов, осмотрела до 30 судов и остановила свой выбор на буксиро-пассажирском пароходе «Пират» астраханского мещанина П. М. Минина. В январе 1910 года пароход был куплен уполномоченными совета Кирилло-Мефодиевского братства про-

тоиереями В. Карасевым и Д. Фаворским. «Астраханские епархиальные ведомости» от 1 апреля 1910 года по этому случаю сообщали: «Для оборудования Пловучей церкви недавно приобретен колесный полуморского типа пароход 60 сил, длиною корпуса 134 фута, шириной 23 фута и осадкой 4 четверти 2 вершка».

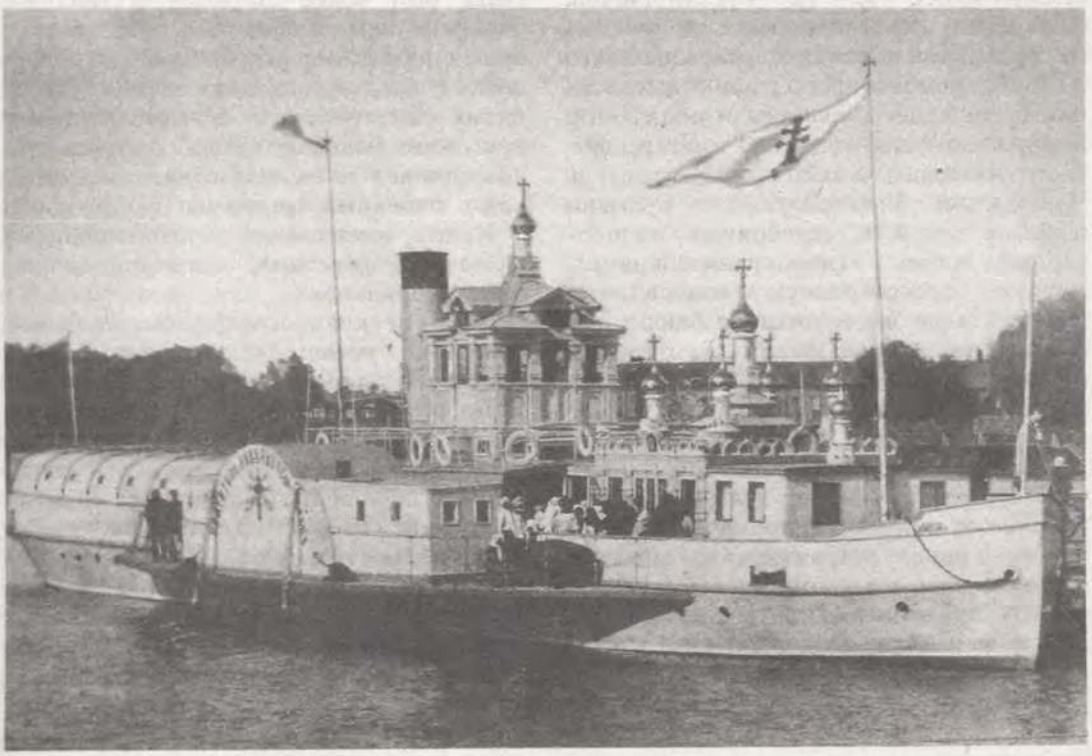
Сразу же по завершении купчей под руководством архитектора О. Карягина были изготовлены чертежи и рисунки церкви и даны заказы местным заводам по переоборудованию и ремонту парохода. Всего два месяца заняли весьма значительные и сложные работы.

За эти два месяца корпус был удлинен на три шпации; на всех холостых шпангоутах носовой части до машинного отделения поставлены обратные угольники; по бортам (шпангоутам) в носовой части приклепаны прогоны из сдвоенных угольников; удалена палуба и вырезаны бимсы на месте возведения четверика храма и установлена для жесткости металлическая рама; на носовом фальшборте укреплен козырек, предохраняющий носовую палубу от брызг морских волн при штормовой погоде; возведена деревянная надстройка (четверик) над церковью и часовня-звонница (она же и штурвальная рубка); сделан новый фонарь с двускатной остекленной крышкой над машинной шахтой; изготовлены новые, дополнительные к прежним классным каютам и помещениям в кормовом отсеке корпуса, каюты для двух священников, диакона и церковного старосты, а также зал для отдыха причта. Старые же каюты в кормовой части корпуса и в надстройке были отремонтированы; оборудованы каюта-лазарет и зал под трапезную; на заводе Литрова изготовлены для замены отдельные машинные части парохода; установлены колокола; окрашена вся надстройка и корпус; позолочены семь глав куполов.

В дальнейшем произведена замена равендука на надстройках; установлены фок- и грот-мачты с позолоченными крестами на клотиках, кормовой шпиль; заменены плицы гребных колес. В 1912—1913 годах, зимой, сменена обшивка в подводных частях корпуса: в носовом (пыжевом) отсеке — 1 лист, во втором отсеке (церковь) — 7 листов, в третьем отсеке — 8 листов, в машинном отделении — 4 листа, в классах — 4 листа. Использовалось железо толщиной около 5 мм, общая площадь замены была равна 362 кв. футов (33,63 кв. м.).

Пароход до переоборудования его под церковь проплавал по Волге 50 лет, был в 1858 году заказан в Англии и в 1860 году собран в России. Пароход сначала (под названием «Криуши») использовался для буксировки барж. Затем,

Пловучая церковь-пароход «Святитель Николай Чудотворец»

в 1901 году, пароходное общество «По Волге 1843 г.» продало пароход «Криуши» астраханскому мещанину П. М. Минину. Новый хозяин дал пароходу название «Пират» и поставил его на буксиро-пассажирскую линию.

Много людей приняло участие в создании церкви, особенно Преосвященный Георгий, внесший на обустройство храма из своих средств 1000 рублей, тогдашний начальник Астраханской губернии генерал-лейтенант И. Н. Соколовский, по настоянию которого местное Управление Волжско-Каспийскими рыбными промыслами пожертвовало на постройку храма 6000 рублей, а местное Врачебное отделение прислало для церковной больницы медицинские инструменты и лекарства. Значительные суммы пожертвовали монастыри епархии: Чуркинская Николаевская пустынь — 3000 рублей, Покрово-Болдинский — 2000 рублей, Иоанно-Предтеченский — 1000 рублей. Свой вклад внесли промышленники и купцы, Рыбный комитет, простой люд.

За счет доброхотных пожертвований церковь была оснащена практически всем необходимым для совершения богослужений и исполнения треб. Так, церковная утварь была куплена крестьянами села Кривозубенское — М. И. Ерошенко и М. Е. Милько. Два напрестольных Евангелия в серебряных с позолотой окладах и серебряный позолоченный напрестольный крест даровал храму купец И. Н. Рукавишников. Облачения для священника и диакона из серебряной парчи пожертвовала некто А. П. Вахромеева. На алтарь и жертвенник были надеты срачицы и облачения, вышитые руками монахинь Благовещенского женского монастыря. Настоятель Чуркинской Николаевской пустыни передал книги и серебряный позолоченный ковчег (дарохранительницу), медную посеребренную водосвятную чашу и такое же всенощное блюдо для освящения хлебцев. Были пожертвованы и позолоченные трехсвечники для святого престола, «воздухи шелковые и бархатные» и многое другое — всего до 220 ценнейших церковных предметов. Свой труд в создание храма вложили рабочие и инженерно-технические служащие ряда астраханских заводов.

По оценке техников и специалистов речных дел, стоимость затрат на покупку парохода и его переоборудование составила около 28 000 рублей.

Помещение церкви находилось в носовой части корпуса и имело капитальные водонепроницаемые стены. Ее площадь (без алтарной части) составляла не менее 30 квадратных метров.

В церковь с главной палубы вели две металлические лестницы. Квадратный четверик, установленный над церковью, являлся как бы продолжением храма ввысь, что создавало впечатление двухъярусности. Он был богато декорирован. Передняя стена четверика была сопряжена с носовой рубкой, а задняя — практически отсутствовала — здесь храм примыкал к небольшому помещению, которое использовалось под хоры. Бортовые стены снаружи делились слабо выступающими пилястрами-лопатками на три неравные по ширине части: средняя была значительно шире боковых. Пилястры были выполнены из реек. Среднее прясло было прорезано тремя узкими окнами, а боковые — одним, но более широким. На гладкой стене прясла они выглядели очень живописно.

Свод четверика, имевший слабовыраженную четырехскатную кровлю, был убран снаружи по периметру кокошниками. Средний кокошник на каждой стене имел бóльшую величину, чрем другие, расположенные вправо и влево от него. Он своим размером и расположением как бы подчеркивал пирамидальность композиции.

Церковь имела пять глав. В средней главе был более широкий и высокий барабан, чем в боковых. Он размещался на восьми кокошниках, а они, в свою очередь,— на двух полых уступчатых четвериках с четырехскатными крышами; боковые главы — также на кокошниках и на невысоких восьмериках с плоскими крышами.

Храм, увенчанный позолоченными главами с крестами, выглядел необычайно нарядным.

Днем церковь освещалась через восемь (по четыре с каждого борта) круглых иллюминаторов и через ряд окон четверика и вырез в центральной части палубы (13 фут.×8 фут.), огражденный балюстрадой из фигурных точеных балясин. Во время службы на палубе вокруг храма и на хорах могли разместиться более 100 молящихся. Войти на хоры можно было через двухстворчатые двери придела с каждого борта главной палубы. По клиросу через двери в перегородке, сопряженной с иконостасом, можно было пройти в носовую рубку, где находились каюты.

На крыше-тенте носовой рубки имелась небольшая позолоченная главка с крестом.

Палубный вырез в центральной части четверика позволил установить красивый орнаментированный иконостас во всю высоту четверика — от трюмной палубы до самого верха. Ширина его ограничивалась шириной выреза.

Иконостас изготовил мастер Соломонов по рисунку архитектора Карягина. Выполнен иконостас из соснового, выдержанного путем естественной семилетней сушки леса, окрашен «белой эмалевой краской, а рамы, ободки, карнизы позолочены золотом десятизолотникового достоинства». В иконостасе и в киотах у стен храма были установлены иконы древнего письма, пожертвованные К. В. Карастеловым. Хотя стены храма не были расписаны, он был не менее красив, чем любой другой храм, стоящий на тверди.

Апсидой служила часть отсека корпуса парохода, которая ограничивалась капитальной перегородкой, стеной иконостаса и бортами корпуса. Алтарь был виден собравшимся в храме через небольшую арку — дверь в центре стены, на том месте, где находились царские врата иконостаса. Створы царских врат украшали четыре иконы, в том числе образ Божией Матери и образ Архангела Гавриила.

В алтарь дневной свет проникал через четыре (по два с каждого борта) круглых иллюминатора. Храм, алтарь да и все помещения парохода имели и электрическое освещение.

Над всем сооружением высилась звонница (она же штурвальная рубка), выполненная в виде часовни. Она располагалась посередине мостика — трапа. Ее позолоченный купол с крестом возвышался даже над довольно высокой дымовой трубой.

Часовня представляла собой четверик с тремя пилястрами на каждой стене. Боковые (бортовые) стены они делили на три равные части. Прясла стен к носу и корме парохода неравны: средние шире боковых. В пряслах — проемы окон, а в средних бортовых стенах — двери. Пилястры в верхней половине — объемные, вытесаны под прямоугольные балясины. Ниже окон они плоские. Близ подоконника стены опоясаны горизонтальной рейкой под фриз. Выше карниза четверика — шатровая четырехскатная и двухступенчатая крыша со слуховыми окнами, под которыми — двухскатные крыши. Четверик из кокошников, по два на каждой стороне, венчал небольшой барабан с позолоченным куполом и крестом.

Звонница имела шесть колоколов, благовест в 15 пудов 20 фунтов был установлен вне звонницы, по левому борту.

В первом плавании Пловучей церкви протоиерею Петру Горохову помогали иеромонах отец Иринарх, иеродиакон отец Серафим. Обязанности фельдшера выполнял монах Дамиан, пономарем был монах Лаврентий, певчими — послушники Михаил Басков, Василий Рыжков, Наум Куликов. Все они — из Чуркинской Николаевской пустыни. Часто бывал в плавании и протоиерей Димитрий Фаворский, который освещал в печати жизнь Пловучей церкви.

Светская команда состояла из 9 человек: командира, штурвального, трех матросов, машиниста, помощника машиниста и двух кочегаров.

Содержание Пловучей церкви обходилось в 6000—8000 рублей в год при том, что топливо поставлялось обществами «Мазут» и «Восточное» бесплатно.

Основными источниками пополнения бюджета являлись пожертвования от церквей епархии и частных лиц, доходы от продажи восковых свечей, печатных открыток с видами Пловучей церкви. Отчеты о расходовании средств на содержание Пловучей церкви предавались широкой огласке, обычно через «Астраханские епархиальные ведомости».

В ту пору много писалось и в столичных, и в местных газетах о восторгах, о религиозном подъеме и энтузиазме, какие испытывали приморские жители, слыша благовест, доносящийся с моря, и видя приближающийся к ним дорогой сердцу русского человека дом Божий.

Значение Пловучей церкви во имя Святителя Николая Чудотворца как первой церкви на Волге и Каспии было отмечено в газетных заметках, а также в некрологе по поводу кончины в 1912 году Преосвященнейшего Георгия, архиепископа Астраханского и Енотаевского, где было сказано: «Особенная заслуга, обессмертившая его имя в нашей епархии и сделавшая его известным по всей России, состоит в устроении им Пловучей церкви — первой и единственной во всей России». А через год в «Астраханских епархиальных ведомостях» бы-

ло напечатано сообщение из Санкт-Петеребурга: «С весны настоящего года появится в России другая пловучая церковь в целях проповеди трезвости, где, кроме храма с алтарем, будет устроен трезвый зал — читальня со столами, на которых будут разложены журналы, книги и брошюры, а по стенам будут висеть карты с показаниями желудка у людей, умеренно употребляющих алкоголь, у пьяниц и совершенно трезвых. Сооружает пловучую церковь (вторую) по примеру первой в России астраханской пловучей церкви в Петербурге Александро-Невское общество трезвости, которому для этой цели с соизволения царя передана морским Министерством бывшая Императорская яхта «Марево». Обслуживать она будет места на Неве-реке и, спустившись вниз через Ладожское озеро, посетит и другие места во внутренних водах России. Средства для оборудования церкви и на ее содержание имеются в достаточном количестве».

...Шли годы. Ловецкий люд привык к Пловучей церкви и уже не мыслил жить и трудиться без нее. С начала путины и до осени все были в ожидании ее прихода.

Однажды летом 1916 года на пристань Астрахани яв ся мальчик лет двенадцати с ловецкой ватаги села Цветное понизовья Волги. У причала пристани стоял путейский пароход «Буря», обслуживавший астраханский участок. Сверкающая белизной «Буря» напомнила мальчику Пловучую церковь-пароход «Святитель Николай Чудотворец», которую он видел у своего села в летние дни прошлых лет. Подойдя к помощнику командира парохода П. К. Вдовину, мальчик сообщил ему, что на ватаге давно не видели Пловучую церковь, и его мать, обеспокоенная долгим отсутствием храма у села, послала его в Астрахань, чтобы поставить свечи в Пловучем храме к иконам Скорбящей Божией Матери и Спасителя, при этом он пытался вручить Вдовину рублевую кредитку для покупки свеч. Собравшиеся вокруг мальчика служащие пристани сообщили ему, что Пловучая церковь давно продана и теперь ее нет на рейде. Удрученный этим известием, «юный ловец ушел в задумчивости».

Действительно, отслужив пять навигаций, Пловучая церковь в навигацию 1916 года не вышла навстречу ожидавшему ее ловецкому люду. К осени 1915 года все киоты, иконы, церковные книги, церковная утварь были сняты с парохода и переданы на хранение в Чуркинскую Николаевскую пустынь. Сам пароход прибыл к причалу поселка Форпоста напротив Астрахани. По астраханскому краю пошли слухи о продаже Пловучей церкви и ее разрушении. В середине декабря в «Астраханском листке» появилось сообщение о том, что «Пловучая церковь, которую создавали для обслуживания приморских и отдаленных от приходских храмов местностей, закончила свое существование». Статья вызвала волну слухов о причине ликвидации Пловучей церкви. «Говору и пересудов и здесь (в Форпосте), и в городе не переслышать!» — писала та же газета.

Появились предложения о том, как возобновить деятельность Пловучей церкви. Рейдовые капитаны предлагали доставлять храм на буксире своих пароходов в указанные места, если будут удалены из корпуса «Святителя Николая Чудотворца» паровые машины и котлы. Другие предлагали содействие «тарелочному» сбору средств в храмах епархии, третьи соглашались быть ходоками к имущим в надежде, что пожертвования их будут значительными, четвертые поспешили обратиться в Святейший Синод с просьбой разобраться в истории продажи Пловучей церкви.

Но время было упущено, продажа парохода состоялась. Совершить продажу было поручено бывшему владельцу парохода «Пират» и одному из главных руководителей переоборудования «Пирата» в Пловучую церковь «Святитель Николай Чудотворец» протоиерею Димитрию Фаворскому.

Пароход купил почти за бесценок (по слухам, за 5000 рублей, застрахован же он был на 19 000 рублей) предприниматель и купец из Форпоста К. И. Рябицев.

Бригада плотников с помощью топоров и ломов разломала деревянные храм и часовню и снесла на берег их обломки. «Астраханский листок» писал: «Валяется все абы как на платформе. Одна главка, например, лежит совсем на неподходящем месте. Купола пока не разламываются — поче-

му: разное тут говорят. Один купол на барже поставлен, другой на платформе. На одном треплется ветром что-то вроде изображения св. Серафима. Ломают не как храм, а как простое жилье какое. Когда строилась, говорит народ, так сколько было просьб о сочувствии и о пожертвованиях. А чуть вышла с делом неустройка — сейчас за топор и трахтарарах! И нет уже храма. Много, много соблазна и поводов для зубоскальства».

Так недавняя еще святыня в 1916 году превратилась в обычный буксир для доставки бочковой тары на рыбные промыслы низовья Волги и Каспия.

В это же время в поселке Форпоста близ стоянки бывшей Пловучей церкви было окончено строительство церкви, и все было подготовлено, чтобы совершить чин освящения ее также во имя святого Чудотворца Николая. Заложенная в начале века, она стала как бы преемницей Пловучей церкви.

В начале февраля 1916 года в Астрахань прибыли командированные Святейшим Синодом Преосвященный Нафанаил, епископ Архангельский, и обер-секретарь Святейшего Синода статский советник Рутковский для проведения ревизии в епархии. «В городе, и особенно на Форпосте, упорно говорят, что их приезд связан с историей продажи Пловучей церкви»,— сообщали в ту пору газеты.

На страницах газет Астрахани, Москвы и столицы развернулась полемика, которая дошла до того, что стала делить астраханское духовенство на «белое» и «черное» в соответствии с тем, как оно отнеслось к продаже Пловучей церкви. К «белому» духовенству относили тех, кто осуждал эту продажу и ожидал «раскрытия этой истории в связи с приездом Преосвященного Нафанаила, к «черному» — клир Чуркинской Николаевской пустыни да и самого епископа Филарета, по инициативе которых и была продана Пловучая церковь, соор женная «на пожертвованные средства и предназначавшаяся для важной цели — обслуживания рейда и взморья, куда приходят с моря ловцы, неде́лями лишенные возможности слушать слово Божие».

В ответ на нападки печати в адрес духовенства и главным образом архиерея, без которого продажа парохода, где была устроена церковь, не могла быть произведена, епископ Филарет и и главные строители Пловучей церкви протоиереи Петр Горохов и Димитрий Фаворский обратились с письмом в редакцию «Астраханского вестника», в котором сообщали, что «главным мотивом, вызвавшим неотложность продажи, послужила непригодность корпуса судна и его котлов». В письме был приведен «подлинный акт освидетельствования церкви-парохода специально назначенной для этого епархиальным начальством комиссией». Епархиальная комиссия пришла к выводу, что «в настоящем своем состоянии судно к плаванию не пригодно и требует капитального ремонта на сумму около 15 000 рублей». «Принимая во внимание значительность суммы, потребной для приведения судна в пригодный для работы вид, а также старость его, в особенности корпуса и котлов, мы приходим к заключению, что затрату значительных средств на ремонт этого судна следует признать нецелесообразной» — таково было заключение комиссии, представленное в епархиальную консисторию, которая, «приняв во внимание полную непригодность парохода Пловучей церкви к дальнейшему плаванию, нашла, что церковь сия ныне подлежит упразднению».

С этим мнением был согласен и епископ Филарет, утвердивший акт и передавший дело в Совет Кирилло-Мефодиевского братства для окончательного решения вопроса о дальнейшей судьбе Пловучей церкви.

Заслушав отношение консистории и акт освидетельствования, Совет братства постановил продать пароход, но с непременным условием приобретения нового. Мысль о замене старого парохода новым уже с 1913 года «была желательной и везде приветствовалась». Ею руководствовался и Совет братства, ту же цель преследовал и Преосвященный Филарет, еще задолго до решения вопроса о продаже старого парохода одобривший «план нового, составленный инженером-механиком К. Б. Видестремом».

Конечно, продажа Пловучей церкви не должна была осуществиться без предварительного извещения прихожан и общества. Синодальная ревизия нашла, что «в вопросе о продаже Пловучей церкви не были соблюдены два важных условия. Во-первых, на продажу церкви не было испрошено согласие жертвователей, а во-вторых, стоимость проданного корпуса судна не была

оценена надлежащей сведущей комиссией». Нарушение этих двух принципов было признано ревизией «легкомысленным». На основании ревизии Святейший Синод принял решение об увольнении на покой епископа Филарета «даже без обычного предоставления увольняемым на покой архиереям в управление какого-либо монастыря». Преосвященный Филарет был включен в число «рядовой братии того монастыря, который назначен местом его жительства». Это было для него, конечно, тяжелой карой за то, что фактически он приказал убрать с парохода церковь, «а судно, на котором она плавала, продал и деньги приобщил к архиерейской казне».

Немалую роль в ликвидации Пловучей церкви сыграл и ежегодный дефицит на ее содержание. Несмотря на экстраординарные субсидии монастырей, усиленные жертвы частных лиц, «тарелочные» сборы в церквах епархии, многими признавалось существование церкви невозможным.

К концу сентября 1916 года волнения, вызванные продажей Пловучей церкви и уходом на покой епископа Филарета, улеглись. Жизнь заставила людей решать другие проблемы. То было время, когда Россия испытывала не только радость побед, но и горе поражений на фронтах войны с Германией: война требовала колоссальных людских ресурсов и денежных средств. В этих условиях нельзя было ожидать сбора больших средств на постройку нового Пловучего храма. Февральские события, а затем октябрьский переворот 1917 года идею о новом Пловучем храме окончательно похоронили. Настали времена, когда не только не создавали новые храмы, а, наоборот, старые под разными предлогами разрушали и использовали для хозяйственных нужд.

Такая же судьба постигла и корпус парохода, на котором была размещена Пловучая церковь. В канун своего шестидесятилетия пароход, несший в свое время на себе Пловучую церковь, еще числился в «Списках судов речного флота по переписи 1919—1920 годов» за тем же форпостинским владельцем — Е. И. Рябицевым, за тем же номером ведомства путей сообщения — 40/1, под названием «Нечаянный», которое присвоил пароходу хозяин еще осенью 1915 года. Действительно, видимо, совсем нечаянно, т. е за гроши, достался ему пароход, выполнивший такую высокую миссию среди ловецкого народа. Ну а затем прошла национализация флота, при которой очень старые пароходы списывались, ибо требовали больших расходов на содержание.

Корпус же парохода, на котором была установлена Пловучая церковь, до сих пор используется на одном из рыбозаводов в низовьях Волги! Более 130 лет он на плаву! А ведь главной причиной ликвидации Пловучей церкви считали усталость металла в обшивке корпуса парохода. Поистине, Бог вразумил людей, склонных к легкомыслию при решении вопросов, связанных с делом Божиим.

История Пловучей церкви в низовьях Волги не может не привлечь к себе внимание и не взволновать истинно любящих историю Родины.

Память престарелых людей Астраханского края о Пловучей церкви до сих пор жива, и теплится в них надежда, что когда-нибудь уже новое поколение увидит на волнах Волги и Каспия дом Божий.

ИСТОЧНИКИ

1. Список паровых судов, плавающих по внутренним водным путям Европейской России в 1885 году. Вып. 17. СПб., 1886.
2. Список речных паровых судов..., плавающих в 1892 году. Вып. II. СПб., 1893.
3. Список речных паровых судов..., плавающих в 1897 году Вып. III. СПб., 1898.
4. Список речных паровых судов..., плавающих в 1900 году. Вып. IV. СПб., 1902.
5. Перепись судоходных предприятий в районе деятельности Волжского страхового товарищества. Список составлен на основе переписи флота в 1912 году. Вып. I. СПб., 1914.
6. Судовой список Русского Регистра. Т. VII. СПб., 1915.
7. Список судов речного флота к началу навигации 1917 года. Бассейн р. Волги. Петроград, 1919.
8. Список судов речного флота по переписи 1919—1920 гг. Суда с механическими двигателями бассейна р. Волги. Вып. 1. Петроград, 1921.
9. Астраханский листок. Астрахань, 1910—1916.
10. Астраханские ведомости. Астрахань, 1910—1916.
11. Астраханские епархиальные ведомости. Астрахань, 1910—1914.
12. Фаворский Д. Пловучая церковь во имя св. Чудотворца Николая на волнах р. Волги и Каспия. Астрахань, 1911.
13. Григорий Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. Одесса: Техник, 1909.
14. Поволжье: Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Изд. Волжского Государственного пароходства и транспечати НКПС. Ленинград, 1925.
15. Никитин В. П. Астрахань и ее окрестности. 2-е изд. Москва: Искусство, 1982.

Великая святыня

В сей день, возлюбленные, Святая Церковь делает нас участниками события Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, бывшего в 326 году по Рождестве Христовом во святом граде Иерусалиме при равноапостольной царице Елене и Патриархе Иерусалимском Макарии.

Почему же Крест, на котором Христос был распят, прежде самое страшное орудие мучительной и позорной смерти, стал ныне для нас священным символом спасения и молитвенного поклонения?

Желая умалить спасительную миссию Сына Божия и тем самым отторгнуть человека от Бога — лишить его вожделенного *пакибытия*, дух злобы поднебесной *вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его* (Ин. 13, 2) и чрез его злодеяние побудил объединившихся против Помазанника Господня (см.: Деян. 4, 27) умертвить Спасителя мира позорной крестной смертью на Голгофе, где казнили лишь самых злейших преступников, ибо написано: *проклят всяк, висящий на древе* (Втор. 21, 23; Гал. 3, 13), и таким образом искупительный подвиг Его жертвенной любви к роду человеческому обесценить навсегда.

Заговор страшный и коварный: смешать Правду Божию с неправдами человеческими, Божественную Истину — с ложью и ненавистью, уподобить Искупителя мира преступникам-убийцам. Не посему ли и до наших дней «не исследовавшим Писания» (ср.: Ин. 5, 39) Распятие Господа кажется лишь актом человеческой казни, а Святой Крест, на котором Он был распят, лишь ее орудием, а не Святейшим Жертвенником, на котором была добровольно принесена Господом Божественная искупительная Жертва за спасение рода человеческого.

Речение же: *проклят всяк, висящий на древе* отнюдь не имеет отношения к Кресту, на котором был распят Господь, ибо не говорится, что древо проклято, а проклят *висящий на древе* преступник. Что же касается крестной смерти Господа, то даже проконсул римского кесаря Пилат, свидетельствуя о Его невинности, *взял воды, и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы* (Мф. 27, 24).

Услышав Пилатово свидетельство и опасаясь, что Христос может оказаться оправданным, жаждавшие Его крестной смерти берут на себя проклятие *висящего на древе* и вопиют к Пилатову правосудию: *Кровь Его на нас и на детях наших* (Мф. 27, 25), чтобы умертвить Помазанника Божия — Христа позорной казнью. Как некогда в раю враг Божий, диавол, дерзостно посягал на славу Божию, так и на Голгофе он ищет способ обесчестить любовь Божию к человеку и умалить подвиг Сына Божия — Спасителя мира, обречь на позор и умертвить Его перед лицом всех людей. Но, как говорит Святитель Иоанн Златоуст в своем Огласительном слове в день Святой Пасхи, диавол «взял тело [умертвить], а нашел Бога, взял землю, а встретил небо, взял то, что видел, а напал на то, чего не видел», то есть *на образ Бога невидимого* (2 Кор. 4, 4), побеждающего естества чин, Божественною силою и святостию Которого страшное орудие смерти — Голгофский Крест освящается и преобразуется в Жертвенник славы Божией на земле — средство нашего спасения.

Если у ветхозаветного жертвенника (прообраза Голгофского Креста), окропляемого кровью животных (см.: Лев, 9, 8, 24), очищались осквернённые, то, говорит святой апостол Павел, *кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу* (Евр. 9, 14), всесильна освятить древо крестное в Святейший Жертвенник Его Священно-

действия за род людской, когда *благоугодно было Отцу, чтобы... посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию Креста Его, и земное и небесное* (Кол. 1, 19—20), ибо *одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых* (Евр. 10, 14).

Господь на Кресте не только примирил людей с Богом и освятил их, Он вдохнул животворную струю мира в отношения людей друг с другом. Он утвердил истину Своего учения, что все люди — дети Единого Отца Небесного, пославшего на Крестную смерть Единородного Сына Своего, *дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 15).

Возлюбленные! Если Господь не постыдился взять Крест на Свои Божественные рамена и священнодейственно принести Искупительную Жертву за всех нас, когда *более, нежели двенадцать легионов Ангелов* (Мф. 26, 53) готовы были избавить своего Владыку от крестных страданий, то с каким благоговением и любовию мы должны чтить и поклоняться сему Божественному знамению нашего спасения, дабы *не упразднить Креста Христова* (1 Кор. 1, 17). Святой апостол Павел говорит о благодатной силе и святости Креста Господня: *Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6, 14).

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Если ты, возлюбленный, желаешь узнать силу Креста и то, что я мог бы сказать о Кресте в похвалу его, то слушай. Крест — надежда христиан, Крест — восстание мертвых, Крест — путеводитель слепых, Крест — надежда потерявших надежду... Крест — проповедь пророков, Крест — подвижничество монахов, Крест — похвала мучеников, Крест — целомудрие дев, Крест — радость иереев, Крест — основание Церкви, Крест — безопасность вселенной».

Мы, возлюбленные, всегда должны помнить, что высшее благо — любовь Божия — к нам нисходит чрез Святой Крест. *Когда Я вознесен буду от земли,*— говорил Господь,— *всех привлеку к Себе* (Ин. 12, 32). Следовательно, наше соединение со Христом может совершиться только через Его Святой Крест, на Котором Господь, совершив Свою великую Жертву, искупил нас *от клятвы законныя честною Своею Кровию, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его... исцелились* (1 Пет. 2, 24).

Для нас, христиан, нет под небесами ничего благодатнее Креста Господня. В стихире на Воздвижение Креста Господня поется: *Крест возносится, и демони прогоняются, разбойник Едема убо врата отверзает, смерть умерщвляется, и ныне пуста явися, Христос величается. Тем веселится, вси земнороднии, клятва разрушится.*

Поклоняясь Кресту Господню, мы поклоняемся крестному подвигу Христа, страданиям и самой смерти Его, жертвенной любви Христовой к нам, грешным. И мы должны так любить Господа и сострадать Ему, чтобы самим быть готовыми разделить с Ним крестные страдания за спасение наших ближних. Исполненный такой любви ко Господу и благоговения к Его Честно́му Кресту, Апостол Павел говорит: *Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 19—20)... *Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем* (Гал. 6, 17).

Вот, возлюбленные, образ истинного поклонения Кресту Господню и Распятому на Нем. Язвы телесные, свои собственные муки святой апостол Павел переносит с терпением и любовию к Распятому. Он как бы принимает на себя, на свое тело частицу мук Христовых и тем самым становится сослужителем Христу в Его крестном подвиге. Так через поклонение Кресту Господню совершается достойнейшее поклонение Распятому на Нем и соучастие в великом таинстве устроения Царства Божия на земле, в деле созидания Его Святой Церкви.

Святитель Григорий Богослов, благоговея пред крестным знамением и веруя в благодатную силу этого непобедимого оружия *против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12), говорит: «Беги от моего сердца, злокозненный... или низложу тебя крестом, пред которым все трепещет. Я ношу крест в своих членах. Крест в моем шествии; крест в моем сердце; крест — моя слава».

Если мы припадем к Честно́му

и Животворящему Кресту Господню с такими же верой и любовью, с какими прилеплялись к Нему души всех угодников Божиих, и с благоговением будем осенять себя крестным знамением, то и мы нашей зачерствелой в грехах душой услышим чрез древо крестное голос священнодействовавшего на Нем Спасителя нашего — животворное дыхание любви Божией к нам: *Отче Святый! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты мне дал, чтобы они были едино, как и мы... За них я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною* (Ин. 17, 11; 19). Это предсмертная молитва Христа Жизнодавца за наше спасение, это Господь с высоты крестной вечно отдает душу Свою в залог нашего спасения: *Отче! в руки Твои предаю дух мой... прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 46.34), это Его всепрощающая любовь к нам, это священнодействие Сына Божия на Кресте, дабы нас освятить и спасти.

Так велико значение Креста Христова — основы нашего спасения, на котором Господь претерпел смерть, *пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия* (Евр. 12, 2). Под его благодатным осенением мы и должны совершать свой путь к вечности, в неложном уповании на второе и славное пришествие Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (ср.: Деян. 1, 11), когда на радость верным вновь явится Крест Господень — *знамение Сына Человеческого на небе* (Мф. 24, 30), знамя вечного торжества жизни над смертью, которое *для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых,— сила Божия* (1 Кор. 1, 18), посредством которой и мы благодатно верою своею участвуем в сослужении Христу, вечно священнодействующему за нас пред Отцом Своим Небесным. Великие Апостолы Петр и Андрей Первозванный положили жизнь свою за исповедание Евангелия Христова на древе крестном — что могу сказать больше моими худыми устами в похвалу сего Святейшего Жертвенника — Креста Господня!

Возлюбленные! Крест Христов — великая христианская святыня — вселяет в нас светлую надежду на грядущие блага — жизнь вечную со Христом, благодатно укрепляет нас в подвиге веры и согревает изливаемой от Него любовию Божиею. И мы, при Таинстве крещения взяв на рамена свои сию благодатную ношу — Крест и язвы Христовы при всех наших начинаниях: на молитве, при вкушении пищи, в путешествии, в других делах должны осенять себя, своих детей и других ближних наших святым крестным знамением, которым сообщается нам сила Божия. При испытаниях наших: скорбях, болезнях, обуревании злыми помыслами, страстями мы должны ограждать себя крестным знамением с глубокой верой, с упованием на всесильную помощь Освятившего сие знамение Своею Пречистою Кровию. «Если так изображать его на лице своем,— говорит Иоанн Златоуст,— то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен... Никто да не стыдится честных знаков нашего спасения... [которые мы] изображаем с великим усердием в жилищах, на стенах, на дверях, на челе и в душе... Это есть знак нашего Спасения, общей свободы и благоволения к нам Господа... И мы будем кричать и говорить: ... Крест — наша радость и главное из всех благ, он наша свобода и совершенный венец».

Воистину *прииде Крестом радость всему миру* и ходящие под святым знамением Агнца Божия вечно *будут ходить во свете Его* (Откр. 21, 24). И мы, прославляя Святой Крест, благоговейно говорим: *Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим. Аминь.*

НИКОДИМ,
митрополит Харьковский
и Богодуховский

Цель жизни христианской

Скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою... Пришлец аз есмь на земли, не скрый от мене заповеди Твоя.

(Пс. 142, 8; 118, 19)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Земную жизнь святые угодники Божии часто сравнивали с долгим путем, а человека — со странником. «Земная жизнь наша — путь,— писал святитель Игнатий (Брянчанинов),— только измеряется этот путь не расстоянием, а временем. Как на обыкновенном пути переменяются предметы, беспрестанно заменяются одни другими, так и на пути земной жизни сменяют друг друга события. И неизвестно человеку, какое событие ожидает его в каждый наступающий день».

Путник, идущий в далекий, но дорогой для него город, старается нигде не задерживаться. Если необходимость заставит его остановиться в гостинице, то ничто в ней не привлечет его внимания. Ни к чему на пути он не прилепится душой, потому что знает, что любая привязанность может отвлечь от вожделенной цели. Земное шествие должно иметь одну цель — достижение вечного небесного града, и ничто земное не должно отвлекать от этой цели.

Вся земная жизнь христианина должна быть приготовлением к вечности. Суть же этого приготовления — в непрестанном познавании Христа и в следовании за Ним через исполнение Его заповедей. Добродетельная жизнь, основанная на исполнении евангельских заповедей, делает христианина уже на земле причастником неба. Святые отцы учат, что только тот, кто в земной жизни возродился во Христе и сделал себя способным к восприятию начатков небесной радости, будет удостоен ее в бесконечно большей степени на небе.

Только духовно возрожденную душу принимает Бог в Свое благодатное Царство, куда вводит ее уже здесь, во время ее земного странствования.

Все угодники Божии с усердием приуготовляли свои души стяжанию Духа Святого, и Божественная благодать, всегда *немощная врачующая и оскудевающая восполняющая*, озаряла их немерцающим светом и из земных соделывала небесными. «Небо — истинное отечество человека,— пишет епископ Игнатий,— шествие туда надо совершать в самом себе». На святых исполнилось обетование Господне: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23).*

Святые, проводя на земле ангельскую жизнь, вместе с ангелами славословили Создателя своего.

Братия и сестры! Время земной нашей жизни бесценно. От того, как мы проводим эту жизнь, зависит наша участь в вечности. Положим твердое намерение пройти благоразумно и богоугодно наше краткое земное странствование. Проведем его в приготовлении к вечности, призывая на помощь Матерь Божию и святых, достигших Небесного Отечества. И тогда, окончив земную жизнь, мы услышим сладчайший глас Спасителя мира: *Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 24, 34). *Аминь.*

Архимандрит ГЕОРГИЙ,
Троице-Сергиева Лавра

В Неделю 13-ю по Пятидесятнице

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В евангельском чтении мы слышали сегодня притчу о винограднике и злых виноградарях, с которой Христос Спаситель наш обратился к первосвященникам и старейшинам, искавшим погубить Его.

Под хозяином дома, насадившем виноградник, в притче подразумевается Бог в Его заботе о спасении человеческого рода от греха, проклятия и смерти, а под виноградником — еврейский народ, предназначенный Богом послужить воплощению обетованного в Семени жены (см.: Быт. 3, 15) Мессии, Сына Божия, Христа Спасителя. Плоды виноградника означают веру, благочестие и добрые дела народа Божия, а злыми виноградарями названы его вожди, то есть книжники и фарисеи, убивавшие пророков, которые предвозвещали пришествие Мессии и стараясь удержать народ от нечестия, призывали его к покаянию и исполнению заповедей Божиих. Сын хозяина дома олицетворяет Христа Спасителя, Сына Божия, осужденного книжниками и фарисеями на распятие, а другие виноградари — это язычники, которые войдут в основанную Христом Церковь, станут народом Божиим.

Книжники и фарисеи не могли воспринять притчи Христовой во всей ее полноте, но они, конечно, ясно почувствовали ее обличительную силу, особенно в словах Христа: *Отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его* (Мф. 21, 43).

Прошло 40 лет, и римский полководец Тит разрушил до основания Иерусалим вместе с храмом. Жертвы прекратились, пророки умолкли, и Царство Божие отошло от тех, кто в притче Христовой о винограднике представлен в образе злых виноградарей, а у древних пророков — в образе строителей, которые отвергли *Камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный* (Ис. 28, 16) и ставший главою угла (Пс. 117, 22).

Оправдались все ветхозаветные пророчества о Христе, о Котором Его любимый ученик святой Иоанн Богослов говорит: *В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 10—12).

Царство Божие, обитающее в Церкви Христовой, стало достоянием многих народов, в том числе и нашего русского православного народа. И для нас, церковных людей, верующих во Христа, притча о винограднике и злых виноградарях, как и каждое слово Спасителя, сохраняет свое спасительное значение.

Все мы, верующие во Христа, являемся работниками виноградника Господня и плоды своих трудов должны приносить Хозяину его — Господу Богу. Наш Виноградник — это Церковь Христова с окружающим ее мирским невозделанным полем, на котором у каждого из нас есть свой личный участок: там живут наши родные, друзья, знакомые. Каждый из них, может быть, нуждается в нашей помощи или в общении с нами, или в добром совете и наставлении. И если мы, работники Виноградника Божия, будем щедрыми на дела любви, то они и станут теми плодами, за которыми Хозяин время от времени посылает к нам Своих слуг.

Равнодушие же к человеку, безучастие к его нуждам или страданиям равносильно избиению посланного слуги Божиего. Эгоизм, сердечная черствость, самоугождение, нежелание жертвовать чем-либо ради ближних — эти признаки духовного бесплодия уподобляют нас злым виноградарям, незаконно присваивающим плоды Виноградника Божия. Лишая ближнего внимания и любви, мы тем самым лишаем себя Царства Божия, ибо становимся чужими Христу Спасителю. Будем помнить, что каждый человек, каков бы он ни был, есть образ Живого Христа, и все, что мы делаем доброго ближнему, мы делаем это Самому Христу.

Пусть же притча Христова о винограднике послужит для нас источником духовной силы. Будем каждый день приносить Господу добрые плоды любви к Нему и к людям. *Аминь.*

Протоиерей Николай ВЕДЕРНИКОВ

Заповеди Божии

Мы слышали сегодня в Евангелии о том, как к Господу подошел богатый юноша и спросил Его: *Учитель благий! что сделать мне, доброго, чтобы иметь жизнь вечную* (Мф. 19, 16). Господь ответил на это: *Если хочешь иметь жизнь вечную, соблюди заповеди* (Мф. 19, 17). Если есть вера, что Иисус Христос — *хлеб живый, сшедший с небес* (Ин. 6, 50), то она повлечет за собой и исполнение заповедей, и добродетельную жизнь.

В ответе юноше Господь перечислил основные заповеди Ветхого Завета. И, видя состояние сердца юноши, сказал: если хочешь быть совершенным, *продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Юноша не понял слов о небесном сокровище. Он почувствовал, что не в состоянии расстаться с теми удовольствиями, которые доставляло ему богатство, и молча отошел, скорбя. Он не сказал ни одного слова в ответ Господу. Ученики, слышавшие все это, удивились и спросили: *Кто же может спастись?* (Мф. 19, 25). Ведь каждый человек стремится к богатству и благополучию. Христос отвечал им, что таково сознание людей, еще не принявших благодати Святого Духа. Когда же они получат дар благодати, то с ее помощью смогут изменить свою греховную природу. Невозможное у человека, возможно у Бога. «Я потому и вас избрал для проповедей Моего учения,— сказал Христос,— что вы смогли все оставить, от всего отказаться и последовать за Мной».

Отвечая юноше, Господь перечислил основные заповеди Ветхого Завета и этим показал, что они сохраняют силу и в Новом Завете. Какие же это заповеди? Первая заповедь — о любви к Богу: *Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель* (Исх. 20, 5) — ревнитель чистоты и твердости нашей веры в Него. Проверим себя, действенна ли наша вера, стараемся ли мы углублять ее и готовы ли защищать? Нередко человек, с детства привыкший ходить в церковь, класть поклоны, поститься, считает, что это и есть вера. Но это не вера, а только благочестивая привычка. Такой человек, придя на исповедь, кается только во внешних нарушениях закона, например в том, что когда-то нарушил пост, а на состояние своего сердца не обращает внимания и очень редко кается в том, что допустил в сердце злобу. Проверьте себя, в сердце вашем — вера или только благочестивая привычка? Истинная вера всегда проявляется в полном подчинении воле Божественной, в исполнении Его заповедей.

Вторая заповедь — о любви к ближнему. Среди ближних Господь особо выделяет отца и мать. Он даже выделил почитание отца и матери в особую заповедь.

Мы не исполняем этой Божией заповеди, не хотим слушать своих родителей, нам кажется, что всегда правы мы, а не они, но очень часто ошибаемся. Заповедь о почитании отца и матери учит нас, что надо не только обеспечивать их в старости, но всегда относиться к ним с любовью и вниманием.

Третью заповедь, *не лжесвидетельствуй,* мы тоже не исполняем. Все наши отношения с людьми пропитаны ложью. Нарушением этой заповеди являются также ложные клятвы. *Господи, научи нас быть честными, искренними, правдивыми.*

Чаще других заповедей мы нарушаем заповедь *не укради.* Тот, кто крадет, показывает нелюбовь к ближнему и неверие в Бога — в то, что Господь напитает каждого, кто живет честно.

Наконец, Господь говорит *не прелюбодействуй,* то есть не нарушай чистоты и святости брачного союза, не разрывай его. Даже если Господь соединил тебя с человеком слабым, неполноценным, то это для того, чтобы ты помог (помогла) ему спастись, и с таким человеком Церковь не благословляет разрывать брачный союз. Благодари Его за все скорби и за все радости твоей супружеской жизни. И тогда Господь, видя твое терпение, не оставит тебя, но дарует, по великой Своей милости, *Жизнь вечную. Аминь.*

Протоиерей Николай ГОЛУБЦОВ
(† 1963)

Из бесед на Евангелие от Матфея (Мф. 24, 1—15)

И изшед Иисус, идяше от церкве: и приступиша к Нему ученицы Его, показати Ему здания церковная. Иисус же рече им: не видите ли вся сия: аминь глаголю вам, не имать остати зде камень на камени, иже не разорится (Мф. 24, 1, 2).

1. Так как Христос сказал: *се оставляется дом ваш пуст* (Мф. 23, 38), и еще прежде всего предвозвестил бесчисленные бедствия, то ученики, услышав это, с удивлением приступили к Нему, указывая на красоту храма и недоумевая, неужели будет уничтожена такая красота, драгоценное вещество и невыразимое разнообразие искусства? Христос не просто уже говорит им о запустении, но предсказывает совершенное уничтожение. *Не видите ли вся сия,*— говорит Он,— *и не удивляетесь и не ужасаетесь ли? Не имать остати камень на камени?* Как же, однако, остался, скажешь? И что бы это значило? И это изречение в этом случае не осталось без исполнения. Спаситель говорил это, указывая или на всеобщее запустение, или на запустение того только места, где Он был, так как части храма до основания разрушены. Притом можно сказать и то, что случившиеся происшествия даже самых упорнейших должны уверить в совершенном уничтожении и остатков. *Седяшу же Ему на горе Елеонстей, приступиша к Нему ученицы наедине, глаголюще: рцы нам, когда сия будут? И что есть знамение Твоего пришествия, и кончина века* (ст. 3)? Они потому приступили наедине, что имели намерение спросить о столь важных предметах. Они нетерпеливо желали узнать о дне Его пришествия, так как сильно желали видеть ту славу, которая будет причиною бесчисленных благ. И двое из них спрашивают Его об этих двух предметах: *когда сия будут,* то есть разрушения храма, *и что есть знамение Твоего пришествия?* Лука свидетельствует, что вопрос был один, и именно о разрушении Иерусалима, так как ученики думали, что тогда будет и пришествие Его. А Марк говорит, что не все они спрашивали о разорении Иерусалима, но только Петр и Иоанн, как имевшие более дерзновения. Что же сказал Господь? *Блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос, и многи прельстят. Услышати же имате брани и слышания бранем. Зрите, не ужасайтеся: подобает бо всем сим быти; но не только есть кончина* (ст. 4—6). Так как ученики слышали о наказании, посылаемом на Иерусалим, как о чуждом для них, и, думая, что сами они будут спокойны, мечтали об одних только благах и надеялись получить их очень скоро, то Спаситель опять предвозвещает им несчастья, побуждая тем к заботливости и сугубой бдительности, чтобы они не увлеклись обманом обольстителей, и не были побеждены силою бедствий, имеющих постигнуть их. Война, говорит Он, будет двоякого рода: со стороны обольстителей и со стороны врагов: но первая будет гораздо более жестока, потому что откроется при обстоятельствах смутных и ужасных, когда люди будут находиться в страхе и смущении. И в самом деле, великое тогда было смятение, когда римляне начинали процветать, города были пленяемы, войска и оружие находились в движении, и когда многие всему легко верили. О войнах же говорит Он тех, которые имели быть в Иерусалиме, а не вне его, во всех местах вселенной. Какая нужда была ученикам до этих последних?

Притом Он ничего бы не сказал нового, если бы говорил о бедствиях всей вселенной, которые всегда случаются, потому что и прежде того бывали войны, возмущения и сражения. Но Он говорит здесь о войнах иудейских, которые вскоре имели последовать, так как иудеев беспокоили уже успехи римлян. А так как и этого уже довольно было для того, чтобы встревожить их, то Христос и предсказывает все это. Потом в удостоверение того, что и сам Он восстанет против иудеев, и будет воевать против них; Он говорит не об одних только битвах, но и о поражениях, гладах,

язвах и землетрясениях, которые Бог пошлет на них, показывая, что Он сам попустит быть войнам и что все это случится не просто, как прежде обыкновенно бывало у людей, но по гневу Божию. Поэтому Он и говорит, что произойдет это не случайно или внезапно, но со знамениями. А чтобы иудеи не говорили, что виновники этих зол уверовавшие тогда, Он открыл им и причину неведения их.

Аминь глаголю вам,— сказал Он выше,— *яко приидут вся сия на род сей* (Мф. 23, 36), вспомнив о гнусном их убийстве. Потом для того, чтобы они, слыша о таком множестве бедствий, не подумали, что предсказание не совсем исполнится, присовокупили: *Зрите, не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти,* то есть всему, что я предсказал, и наступление искушений нимало не воспрепятствует исполнению слов Моих. Хотя будут возмущения и смятения, но они нимало не поколеблют Моих предсказаний. Далее, так как Христос сказал иудеям: *не имате Меня видети отселе, дондеже речете: благословен грядый во имя Господне* (Мф. 23, 39), а ученики думали, что вместе с разрушением Иерусалима будет и скончание мира, то чтобы исправить и это их мнение, сказал: *но не тогда есть кончина.* А что они думали точно так, как я сказал, убедись из их вопроса. В самом деле, о чем они спрашивали? *Когда сия будут?* То есть, когда будет разрушен Иерусалим? *И что есть знамение Твоего пришествия и кончина века?* Но Христос ничего не отвечал тотчас на этот вопрос, а прежде говорит о необходимейшем, и о том, что надлежало узнать прежде. Он не сказал тотчас ни о Иерусалиме, ни о втором пришествии Своем, но о тех несчастиях, которые были при дверях. Поэтому и побуждает учеников к осторожности, говоря: *блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос.* Таким образом, прежде возбудив их внимание к слушанию этого (*блюдите,* говорит Он, *да никтоже вас прельстит),* соделав их заботливыми и бдительными и упомянув о лжехристах, затем говорит и о бедствиях Иерусалима, удостоверяя на основании того, что уже случилось, и в непреложности будущего людей безумных и упорных.

2. Войнами и слухами о войнах, как я и прежде сказал, Он называет смятения, имеющие быть у них. Далее, так как — о чем я и прежде сказал,— ученики думали, что за этой войною последует конец, то смотри, как Спаситель успокаивает их, говоря: но не тогда есть кончина. *Возстанет бо,* говорит, *язык на язык и царство на царство* (ст. 7). Он разумеет начало бедствий иудеев. *Вся же сия начало болезнем* (ст. 8), то есть тем, которые с ними случатся. *Тогда предадят вы в скорби и убиют вы* (ст. 9). Благовременно упомянул Христос ученикам об их собственных бедствиях, которые облегчаются общими несчастьями, и не этим только, но и тем, что присовокупил: *имене Моего ради. Будете,* говорит Он, *ненавидими всеми... имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози, и друг друга предадят. И мнози лжепророцы востанут и прельстят многия. И за умножение беззакония иссякнет любы многих. Претерпевый же до конца, той спасется* (ст. 10—13). Бедствие это становится тем больше, когда присоединяется к нему и междоусобная война, а тогда много было лжебратий. Видишь ли троякую войну — именно с обольстителями, врагами и лжебратьями? Смотри, как и Павел, то же самое оплакивая, говорит: *внеуду брани, внутрьуду боязни,* (2 Кор. 7, 5); и опять: *таковии бо лживи апостоли, делатели льстивии преобразующеся во Апостолы Христовы (*2 Кор. 11, 13). Потом, что всего хуже, ученики и от любви не будут получать утешения. Далее, показывая, что это нисколько не повредит мужественному и терпеливому, Христос говорит: не бойтесь и не смущайтесь. Если вы покажете надлежащее терпение, то несчастья не победят вас.

Ясным доказательством этому служит проповедание Евангелия по всей вселенной, несмотря ни на какие препятствия; таким образом вы будете выше несчастий. А чтобы ученики не сказали: «Как же мы будем жить?» — присовокупил еще более: будете и жить и учить всюду. Поэтому-то и сказал: *и проповестся сие Евангелие по всей вселенной, во свидетельство всем языком, и тогда приидет кончина* (ст. 14) — не мира, а Иерусалима. А что Христос говорил об этом конце и что Евангелие было проповедано прежде взятия Иерусали-

ма, послушай, что говорит Павел: *во всю землю изыде вещание их* (Рим. 10, 18); и опять: *благовествование, проповеданое всей твари поднебесней* (Кол. 1, 23). И ты видишь, как скоро он перешел из Иерусалима в Испанию. Если же один овладел столь великою частью (вселенной), то размысли, сколько сделали и другие. И в другом Послании Павел говорит о Евангелии, что есть *плодоносно и растимо* (Кол. 1, 6) во всей твари поднебесной. Но что значит: *во свидетельство всем языком?* Так как Евангелие всюду было проповедано, но не всюду уверовали в него, Христос говорит: *во свидетельство* будет неуверовавшим, то есть в обличение, в осуждение, *во свидетельство*, то есть уверовавшие будут свидетельствовать против неуверовавших и осудят их. Вот почему уже после проповедания Евангелия по всей вселенной разрушается Иерусалим, чтобы неблагодарные не могли иметь и тени извинения. В самом деле, какое могут иметь извинение люди, видевшие могущество Его, всюду воссиявшее и во мгновение протекшее вселенную, если они остались в той же самой неблагодарности? А что Евангелие всюду было тогда проповедано, послушай, что говорит Павел: *благовествование, проповеданное всей твари поднебесней* (Кол. 1, 23). Это и служит величайшим знамением силы Христовой, что слово Его достигло пределов вселенной в течение двадцати или тридцати лет. Итак, после этого, говорит Христос, придет конец Иерусалима. А что Он указывает именно на это, видно из следующего. В удостоверение разрушения Иерусалима Он привел и пророчество, говоря: *егда убо узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящему на месте святе: иже чтет, да разумеет* (ст. 15), Он указал им на Даниила. А мерзостию называет статую завоевавшего тогда город, которую он, по опустошении города и храма, поставил внутри храма, почему и называет мерзостию запустения. Потом для того, чтобы они знали, что это случится еще при жизни некоторых из них, сказал: *егда узрите мерзость запустения.*

3. Здесь каждый особенно должен подивиться силе Христовой и мужеству апостолов, потому что они проповедовали в такие времена, в которые особенно иудеи были угнетаемы войною, когда на иудеев обращали особенное внимание как на возмутителей, когда кесарь дал повеление всех их изгонять. Это подобно тому, как если бы кто в то время, когда море со всех сторон взволновалось, когда мраком покрывается весь воздух, кораблекрушения следуют за кораблекрушениями, все плывущие на корабле возмущаются, чудовища выплывают на поверхность моря и, вместе с волнами, пожирают плавающих, когда блистают молнии, нападают разбойники, и находящиеся на корабле друг против друга злоумышляют, повелел людям и не искусным в плавании и даже не видавшим море, сесть на корме, управлять кораблем, производить морское сражение и с одним малым судом, при таком, как я сказал, всеобщем беспорядке, брать в плен и истреблять бесчисленный флот, идущий против них с великою силою. И действительно, апостолы и у язычников находились в ненависти, как иудеи, и от иудеев побиваемы были камнями, как противящиеся их законам, и нигде не имели пристанища. Таким образом всюду для них были стремнины, скалы и подводные камни: и в городах, и в селах, и в домах, и каждый восставал против них: и вождь, и начальник, и простолюдин, и все языки, и все народы, и было такое смятение, которого невозможно выразить словами.

Народ иудейский был весьма ненавистен римскому правительству, потому что причинял ему бесчисленные беспокойства. Но это нисколько не повредило проповеди: город был взят, сожжен и жителей постигли тысячи зол, а апостолы, происшедшие из этого города, вводили новые законы и обладали римлянами. О новые и чудные дела! Римляне взяли тогда в плен бесчисленные тысячи иудеев, но не победили двенадцати мужей, которые просто сражались с ними без всякого оружия. Какое слово будет в состоянии изобразить такое чудо? Два условия нужно иметь учащим: пользоваться доверенностью и быть любимыми со стороны учеников, а кроме того, и самое учение должно быть удобоприемлемо, и время свободно от смятения и возмущения. В то же время все было напротив. Апостолы, по-видимому, не заслуживали дове-

рия, а между тем обольщенных отвлекали от таких людей, которые почитались достойными доверия, они не были любимы, даже были ненавидимы, и между тем отклоняли от любимых вещей, от обычаев, от отечества, от законов. Их требования были неудобоисполнимы, а то, от чего они отвращали, было весьма приятно. Как сами они, так и последователи их подвергались многим опасностям, многим смертям, а сверх всего этого, и самое время было весьма трудное, исполнено было войн, смятений, возмущения, так что если бы и ничего из сказанного не было, то оно могло бы все привести в смятение.

Прилично здесь сказать: *кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его* (Пс. 105, 2)? Если единоплеменники, при всех знамениях, не послушали Моисея потому только, что были угнетаемы деланием глины и кирпичей, то тех, которые ежедневно были поражаемы и убиваемы, и которые претерпевали несносные бедствия, кто убедил оставить жизнь спокойную и предпочесть ей жизнь исполненную опасностей, крови и смертей, тогда как проповедующие это были иноплеменники, и во всем были им весьма враждебны? Не говоря уже о племенах, городах, но если даже кто-нибудь и в небольшой дом введет такого человека, которого ненавидят все живущие в нем, и если чрез него они будут стараться отклонять от любимых предметов, от отца, матери, жены и детей, то не растерзают ли его еще прежде, чем он откроет уста? А если в доме будет еще ссора и брань между женою и мужем, то не побьют ли его камнями прежде, нежели он ступит на порог? Если же он будет еще и достоин презрения и станет предписывать что-либо трудное, требовать умеренной жизни от людей, которые гораздо многочисленнее и сильнее его, то не очевидна ли его совершенная погибель? Но при всем том, чего не могло быть в одном доме, то Христос совершил во всей вселенной, проведши врачей ее чрез стремнины, пещи, утесы, скалы, чрез землю и море, обуреваемое войною. Если ты хочешь яснее узнать все это, то есть глады, язвы, землетрясения и другие плачевные события, то прочти об этом историю Иосифа и ты узнаешь все подробно. Потому сам Христос сказал: *не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти;* и: *претерпевый до конца, той спасется;* и: *проповестся сие Евангелие во всем мире.* Так как ученики, устрашившись Его слов, пришли в изнеможение и уныние, то Он и укрепляет их, говоря, что хотя и бесчисленные будут препятствия, однако Евангелие должно быть проповедано по всей вселенной, и тогда приидет кончина.

4. Видишь ли, в каком состоянии находились тогда дела и как многоразлична была война? И это вначале, когда во всяком деле особенно требуется великое спокойствие. В каком же состоянии они находились? Ничто не препятствует опять повторить то же самое. Первая брань была со стороны обольстителей: *приидут,* сказано, *лжепророцы;* вторая — со стороны римлян: *услышати бо имать брани;* третья производила *глады;* четвертая — *пагубы и трусы;* пятая — *предадят вы на смерть;* шестая — *будете ненавидими* всеми; седьмая — *друг друга предадят и возненавидят:* здесь означается междоусобная брань. Потом: *лжехристы и лжебратия;* наконец; *изсякнет любы,* что и будет причиною всех зол. Видишь ли бесчисленные роды браней, новые и необычайные? Но даже и при этих и других гораздо больших бранях (к междоусобной брани присоединялась еще брань между родными) проповедь евангельская возобладала над всею вселенною: *проповестся бо,* говорит Он, *евангелие во всем мире.* Итак, где те, которые владычество природы и круговращение времен противопоставляют учению Церкви? Помнит ли кто-нибудь из них, чтобы явился когда-нибудь другой Христос, чтобы случилось подобное происшествие? И хотя они и рассказывают о других баснях, что, например, будто бы прошло уже сто тысяч лет, но здесь ничего подобного выдумать не могут. Итак, о каком вы скажете круговращении? Ни Содома, ни Гоморры, ни потопа в другой раз не было. До каких пор вам издеваться и говорить о превращении и возникновении? Как же, скажешь ты, сбывается многое из того, что предсказывают? Так как ты сам себя лишил помощи Божией, пренебрег ее и поставил себя вне промысла, то диавол, по своей воле, управляет и располагает

твоими делами. Но он не делает этого со святыми, ни даже с нами, грешными, которые весьма презирают эти предсказания, хотя жизнь наша и худа, но так как мы по благодати Божией весьма твердо держимся догматов истины, то и возвышаемся над кознями диавольскими.

Что же, в самом деле, значит гадание по светилам? Не что иное, как ложь и запутанность, по которым все происходит наудачу, и не только наудачу, но и безрассудно. Но ты скажешь: если светила не имеют влияния на судьбу человека, то почему тот богат, а другой беден? Не знаю; до времени я так буду рассуждать с тобою, чтобы научить тебя, чтобы ты не слишком все испытывал, и потому не думал, что все происходит наудачу и случайно. Потому, что ты не понимаешь этого, ты не должен измышлять того, чего нет. Доброе неведение лучше худого знания. Кто не знает причины, тот скоро может дойти до истинной причины, а кто, не познавши истинной причины, вымышляет ложную, тот нелегко может принять истинную, но много требуется от него труда и пота для того, чтобы уничтожить прежнее. На чистом пергамене всякий удобно может писать, что ему угодно, а на исписанном не так: прежде надобно стереть то, что худо написано. И между врачами тот, который ничего не делает, гораздо лучше того, который делает вред; и тот, кто непрочно строит, хуже того, который совершенно ничего не строит, равно как и земля, на которой нет ничего, гораздо лучше той, которая имеет терние. Итак, не будем спешить узнать все, но будем терпеть, если чего и не знаем, чтобы, когда найдем учителя, не причинить ему сугубого труда. Напротив, многие часто оставались даже в неисцельной болезни, после того как по простоте своей приняли худое учение. Действительно, не одинаково трудно исторгать то, что прежде пустило худые корни, и — сеять и насаждать на чистом поле. Там надобно исторгнуть прежнее, и потом уже посеять другое, а здесь — открытые только уши.

Отчего же, однако, иной богат? Теперь уже я скажу. Одни приобрели богатство по Божию благодеянию; другие же по попущению Божию. Вот краткая и простая причина. Почему же, скажешь ты, Он делает богатым блудника, прелюбодея, сладострастника, и того, который злоупотребляет своим именем? Он не делает богатым, но только попускает быть богатым, а между деланием и попущением великое, даже бесконечное, различие. Почему же, однако, Он попускает? Потому, что не пришло еще время суда, чтобы каждый получил достойное. Что хуже того богача, который не давал даже и крох Лазарю? Но он сделался всех несчастнее, не мог иметь и капли воды, особенно за то, что при своем богатстве был бесчеловечен. Если два нечестивца имели здесь неодинаковую участь, но один из них был богат, а другой беден, то они и там не равно будут наказаны, но который более богат, будет наказан более жестоко.

5. Итак, видишь ли, что и этот богач претерпевает жесточайшие мучения, потому что благоденствовал в этой жизни? Поэтому и ты, если увидишь, что неправедно приобретающий богатство благоденствует, вздохни и пролей слезы: богатство это увеличит его наказание. Как те, которые много грешат и не хотят покаяться, собирают себе сокровище гнева (ср.: Рим. 2,5), так и те, которые здесь не наказываются, а наслаждаются счастьем, подвергнутся большему наказанию. И это, если угодно, я докажу тебе примером не только из будущей, но и из настоящей жизни. Так блаженный Давид, когда соделал известный грех с Вирсавиею и был обличаем пророком, за то особенно весьма жестоко был обвиняем, что совершил такое преступление, несмотря на то, что пользовался полною безопасностью. Послушай, как Бог за это особенно укоряет его: *Я помазал тебя в царя, над Израилем, и Я избавил тебя от руки Саула, и дал тебе дом господина твоего... и дал тебе дом Израилев и Иудин, и этого для тебя мало, прибавил бы тебе еще больше; зачем же пренебрег слово Господа, сделав злое пред очами Его* (2 Цар. 12, 7—9)? Не все грехи одинаково наказываются, но есть многие и различные наказания, смотря по времени, по лицам, по достоинствам, по степени разумения, и по многим другим обстоятельствам. Чтобы яснее были слова мои, укажем здесь на один грех — блуд; и смотри, сколь многоразличные наказания

представлю я, не от себя самого, но из божественных Писаний. Кто любодействовал прежде закона,— иначе наказывается. Это показывает Павел: *елицы бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут*. Кто любодействовал после закона, тот потерпит более жестокое наказание: *елицы в законе согрешиша, говорит Он,* законом *суд приимут* (Рим. 2, 12—13). Кто сделал блуд, будучи священником, тот соответственно своему сану получает величайшее и усиленное наказание. Вот почему другие девы за любодеяние были убиваемы, а дочери священников сожигались, чем законодатель весьма ясно показывает, какие казни угрожают самому священнику за подобный грех. В самом деле, если дочь подвергается большему наказанию потому, что она дочь священника, то гораздо более сам священник. Если какая-либо женщина сделала блуд по принуждению, то она свободна от наказания. Если сделала блуд женщина богатая и женщина бедная, то и здесь опять различие. Это открывается из того, что мы выше сказали о Давиде. Любодействовал ли кто по пришествии Христовом и умрет, не приняв крещения, подвергнется более жестокому наказанию, чем все прежде упомянутые. Сделал ли кто блуд после омытия божественным Крещением,— здесь уже не остается никакого утешения во грехе. И, показывая именно это, Павел сказал: *отвергся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 28, 29)? Если сделал блуд какой-нибудь священник ныне, это особенно уже верх всех зол. Видишь ли, сколько различий у одного и того же греха? Иное грех, совершенный прежде закона, иное — после закона, иное — сделанный священником, иное — богатою и бедною женщиною, иное — грех, учиненный оглашенною и верною, иное — женщиною из рода священнического. Также великое различие происходит и от разумения: *ведевый волю господина своего и не уготовав, ни сотворив, по воли его биен будет много* (Лк. 12, 47). И грех, соделанный после таких и столь многих примеров, получает большее наказание. Поэтому Христос сказал: *вы же видевше, не раскаястеся последи* (Мф. 21, 32), хотя и много были врачуемы. В том же укоряет Он и Иерусалим, говоря: *колькраты восхотех собрати чада твоя... и не восхотесте* (Лк. 13, 34). Относительно тех, которые грешат, живя в роскоши, ты имеешь пример в истории о богаче и Лазаре. Увеличивается еще тяжесть греха и от места, на что сам Христос указывает, говоря: *между церковию и олтарем* (Мф. 23, 53), и от качества самых преступлений: *недивно,* сказано, *аще кто ят будет крадый* (Притч. 6, 30); и опять: *заклала еси сыны твоя и дщери твоя... сие паче всякаго блуда твоего и гнусностей твоих* (Иезек. 16, 20, 22). Также и от лиц: *аще согрешая согрешит кто-либо пред человеком, помолятся о нем; аще же согрешит пред Богом, кто помолится о нем* (1 Цар. 2, 25). Подобным образом, если кто превосходит своею беспечностию самых худших людей, что Бог порицаем и у Иезекииля таким образом: *ниже по судом языческим ты сотворил* (Иезек. 5, 7); и когда кто-либо не исправляется даже примерами других: *оправдала, сказано, сестры твоя во всех беззакониих твоих* (Иезек. 16, 51); когда кто пользуется особенным промышлением: *аще в Тире,* говорит Он, *и Сидоне быша силы были бывшия в вас, древле убо... покаялися быша... Тиру и Сидону отраднее будет... ниже вам* (Мф. 11, 21, 22). Видишь ли совершенную точность и то, что не все за одни и те же грехи получают равное наказание? И мы, если не воспользуемся долготерпением Божиим, подвергнемся большему наказанию. Это показывает и Павел, говоря: *по жестокости же твоей и непокаянному сердцу собираеши себе гнев* (Рим. 2, 5). Итак, зная это, не будем соблазняться и смущаться никакими случаями жизни, не будем обуреваться помыслами, но, предаваясь непостижимому божественному промыслу, будем стараться о добродетели и избегать греха, чтобы получить будущие блага благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. *Аминь.*

Митрополит Волоколамский и Юрьевский ПИТИРИМ

Культурное наследие и современность

Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости...

А. С. Пушкин

Вопрос, имеющий многовековую историю и в наши дни возникший с новой силой,— о взаимоотношении культуры и религии — волнует современное общество не только с познавательной точки зрения, но и при принятии административно-распорядительных решений. В настоящей статье мы не предлагаем каких-либо новых положений. Ее задачу видим в том, чтобы напомнить хорошо и многим известное, памятуя, что нередко новое — это хорошо забытое старое. В связи с этим хотелось бы заметить, что в дни празднования 1000-летия Крещения Руси в Москве и в других странах на встрече с руководителями христианских организаций, издательств и иерархами Церквей сотрудники Издательского отдела Московского Патриархата предложили издать к концу XX века христианской эры серию книг и альбомов, подводящих некоторые итоги развития нашей цивилизации. Силами сотрудников Отдела было предпринято несколько таких изданий в России и за рубежом. В частности, книги-альбомы об иконографической традиции и монастырях Русской Православной Церкви, о современных формах церковной жизни и церковном изобразительном искусстве. Начат выпуск 10-томного издания «Русской Библии». В этом издании воспроизведена факсимильно Новгородская Библия 1499 года, которая стала основой всех последующих славянских рукописных переводов и изданий Библии. Они представлены в маргиналах. Кроме того, это издание представляет собой антологию русского каллиграфического искусства XI—XVII веков.

В мае 1993 года в Риме под эгидой правительства Италии и общественного культурологического центра «Фра-Анджелико» (Флоренция) прошла конференция на тему: «Христианской культуре — две тысячи лет». Можно сказать, что общее движение к уяснению исторического наследия человечества и ну́жды нынешнего дня обязывают обращаться к этой кардинальной теме в контексте общего понимания, что́ есть человек и какова его ответственность при вступлении в XXI век. Пусть не посетует взыскательный читатель на фрагментарность последующего изложения. Это всего только прикосновение к теме и приглашение к сотрудничеству тех, кому — во имя будущего — дорого уходящее и больно за настоящее.

* * *

Изменения, происшедшие в нашей стране за последние годы, привели, в частности, к существенным переменам в отношении к культурному наследию прошлого. Если еще в 70-е годы немногие энтузиасты видели свою задачу в сохранении оставшихся памятников истории и культуры и в просветительской работе, не вдаваясь в вопросы отношения к высшим основаниям человеческого бытия, то в наши дни все более широкие слои общественности осознают религиозные корни культуры и первостепенную роль Церкви в ее создании и развитии. Более того, ширится понимание спасительной миссии духовной культуры как единственного заслона на пути разрушительной цивилизации потребительства, обрекающей человечество на деградацию и гибель. На этой основе происходит сближение наиболее плодотворных и нравственно чистых течений в современной светской культуре с Русской Православной Церковью в общем деле духовного оздоровления народа.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II сразу же после своего избрания провозгласил: «Церковь наша вступает на путь широкого общественного служения. На нее как на хранительницу непреходящих духовных ценностей, исторического и культурного наследия с надеждой взирает все наше общество. Ответить на это — наша историческая задача».

В своем выступлении на торжествах по поводу 600-летия со дня преставления Преподобного Сергия Радонежского Его Святейшество отмечал: «Путь творческого обновления, указанный Преподобным Сергием, создал на плодоносной российской почве великие идеалы и немеркнущие духовные ценности. Была возвращена величественная в своем достоинстве, тонкая по изяществу и одухотворенная по своему содержанию культура России, ее великая иконопись, великая живопись, великая классическая литература и великая религиозная мысль». «Как знак связи Церкви и русской культуры» расценил Алексий II и крестный ход 23 сентября 1990 года из древнего кремлевского Успенского собора в храм «Большое Вознесение», который связан в памяти народа с именем А. С. Пушкина.

Автору этих строк еще в 1988 году, на III международной научной церковной конференции, посвященной 100-летию Крещения Руси, довелось высказать мысль о том, что Крещение Руси в 988 году святым равноапостольным князем Владимиром и начавшееся в связи с этим взаимодействие с византийской и мировой культурой «стало основой для русского народа в расцвете высокого творчества во всех областях человеческого гения».

Это не было открытием, а лишь ознаменовало восстановление когда-то общепринятой в культурном обществе истины. Гении светской русской культуры хорошо понимали первостепенную роль Церкви в жизни русского народа и государства, да и в развитии самой культуры. А. С. Пушкин писал о религии как о «вечном источнике поэзии у всех народов». Он отмечал, что в страшное время ордынского ига «духовенство... одно... питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою беспрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадежности». Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» высказал очень важную мысль о том, что светская культура может помочь в развитии умственных способностей человека, но подлинную мудрость можно обрести только через следование учению Христа. Может быть, лишь в наши дни возможно по-настоящему оценить следующее восклицание нашего великого писателя: «Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России и изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала,— и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь?»

Русские мыслители рубежа XIX—

XX веков напоминали, что само слово «культура» происходит от слова «культ». Священник и богослов Павел Флоренский, глубоко истолковавший связь между этими словами (см. «Богословские труды», сб. 17, М., 1977, с. 117), проследил и исторически взаимодействие этих двух сфер человеческой деятельности.

«Феургия» — как средоточная задача человеческой жизни, как задача полного претворения действительности смыслом и полной реализации в действительности смысла — была во времена древнейшие точкою опоры всех деятельностей жизни; **она была материнским лоном всех наук и всех искусств»** (там же, с. 105; подчеркнуто мной.— *М. П.*).

И действительно, в рамках церковного культа и для удовлетворения его потребностей были созданы величайшие культурные ценности гениальные творения искусства — достаточно назвать древнерусскую иконопись (и ее вершину — икону «Троица» преподобного Андрея Рублева, а также фрески Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря), архитектуру (ансамбль Кижского погоста, храм Покрова на Нерли, московские храмы Покрова (Василия Блаженного) и Христа Спасителя, Успенский собор Московского Кремля, церковь Вознесения в Коломенском и др.), духовные песнопения, ведущие начало от византийских, плативших послов Руси, которые прибыли в Царьград, когда святой равноапостольный великий князь Владимир с боярами и дружиной решали, какую выбрать веру на смену язычеству.

Однако в дальнейшем науки и искусства постепенно отделяются от культа и начинается их самостоятельное развитие, порой вплоть до противостояния вере. Отец Павел Флоренский, называя такое их существование «блудным», подчеркивал, что они, даже и выпавшие из феургии, «все же остаются в существе своем феургическими, то есть священными, иерархическими, духовными» (там же, с. 107). Вместе с тем он указывал на необходимость четкого духовного ориентира при оценке явлений культуры.

Друг и единомышленник отца Павла Флоренского С. Н. Булгаков, уделявший много внимания вопросам философии культуры, сравнивал светскую культуру Нового времени, отделившуюся от Церкви, с евангельским блудным сыном, который, может быть, еще вернется под отчий кров. Сам уход светской культуры из-под опеки Церкви он считал необходимым этапом для Богочеловеческого дела, эпохой свободного развития чисто человеческой стихии. «Не все человечество ушло из дома отца — остался старший брат, и он, верный и строгий в служении, усвоил высокомерное фарисейство к младшему, а тот, хотя и согрешил, но сохранил живую душу. Помирятся ли и поймут ли друг друга оба брата? Вот великий и роковой вопрос, который ставит теперь история».

По мысли С. Н. Булгакова, недостаточно лишь сохранять Церковь согласно Преданию, ибо идеал Церкви — это Церковь творящая. Как учреждение Богочеловеческое Церковь имеет неизменную мистическую основу — Христа, но другая Ее сторона — человеческая стихия. Исторический прогресс Церкви — это введение человечества в Царство Божие. Под Церковью ведь понимается не храм, а человечество. Церковь должна быть всем, и культуре нужно развиваться на духовной почве Церкви. Создание христианской культуры — это всемирно-историческая задача века. «Насколько изменилась бы вся наша жизнь, если б вспыхнуло подлинное пламя христианского творчества и вдохновения, если б в Церкви восстановилась та полнота жизни, которой жаждет современный человек... Ключом бьет жизнь, которой не нашлось место в Церкви... Нужно любовно, без кичливости, но с христианским смирением открыть свое сердце светскому миру, и тогда, может быть, и старший брат вместе с отцом встретит блудного сына». Сходные мысли высказывал Н. А. Бердяев, а еще раньше Н. Ф. Федоров проводил грань между «искусством захоронения» и искусством воскрешения». Уместно привести здесь полные скорби слова Господа Иисуса Христа Своим ученикам, прямо относящиеся к вере, но косвенно приложимые и к общей духовной культуре: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся* (Лк. 12, 49).

Ни отцу Сергию Булгакову, ни Н. А. Бердяеву не довелось развить свои идеи на российской почве (они были высланы за границу в 1922 году) (Н. Ф. Федоров скончался еще до ре-

волюции), а в них, по-видимому, были элементы как предвидения, так и соблазна. С одной стороны, движение светской культуры в сторону Церкви промыслительно и для культуры плодотворно, с другой — есть опасность внесения в жизнь Церкви чуждых ей начал, обмирщения Церкви, что подтверждается и историческим опытом (профессор Московской Духовной Академии А. И. Осипов вообще рассматривает всемирную историю как чередование полос «обмирщения Церкви» и «оцерковления мира»). Однако сама мысль о воссоединении разных сторон прежде нераздельной духовной жизни весьма здрава, в светском варианте она выступает, например, в форме идеи «синтеза искусств».

Ныне эти идеи названных русских мыслителей получают вторую жизнь в нашей стране. После Октябрьской революции воцарилась идеология марксизма, принципиально атеистическая, что разорвало связи между Церковью и создававшейся под покровительством государства новой светской культурой (хотя вне официальных структур продолжалось творчество, порой полуподпольное или даже совсем подпольное, на основе церковных традиций — писались иконы и церковная музыка и пр.). Более того, идеологи Пролеткульта и другие «левые» требовали выбросить «с корабля современности» все созданное гениями культуры прошлого (например, Пушкиным). Ограничусь лишь двумя строками «поэтического манифеста» этих деятелей, показывающими двигавший ими дух вандализма:

> Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля,
> Разрушим музеи, растопчем искусства цветы

Общеизвестно, какие потери понесла отечественная культура во время гонений на Церковь: разрушены тысячи храмов, уничтожено или вывезено за рубеж неисчислимое количество икон, погибли собрания старинных книг и пр., не говоря уж о судьбе носителей культуры, священнослужителей и мирян: гибели одних и вынужденном отказе от свободного творчества других.

В наши дни становится все более очевидным, что и в то тяжелое время культурное творчество не прекращалось; причем не только в собственно церковном искусстве, но и в секулярной культуре проявляла себя религиозная основа. Мир признал наиболее высокие творения этого периода как новое слово, но их разбор потребовал бы особого исследования. Церковные святыни, переданные в музеи, также выполняли миссию проповеди Православия в миру. Уместно вспомнить с благодарностью корифея живописи и реставрации П. Д. Корина с супругой Прасковьей Тихоновной и других, совершавших порой безымянный подвиг сохранения бесценных памятников.

В те годы могли разрабатывать проблемы отношения к культурному наследию прошлого русские мыслители, оказавшиеся за рубежом, в условиях относительной свободы. Особенно существенным стал вклад в их решение И. А. Ильина, показавшего существование наряду с древней традицией, отвергающей мир (который *лежит во зле* — 1 Ин. 5, 19), также христианского учения о благодатной устроенности мира: «В первые века нередко думали, что надо **принять Христа и отвергнуть мир**. «Цивилизованное» человечество наших дней — **принимает мир и отвергает Христа**. А в средние века Запад выдвинул еще иной соблазн: сохранить Имя Христа и приспособить искаженный... дух Его учения к лукаво-изворотливому и властолюбивому приятию не преображенного мира. Верный же исход в том, чтобы **приять мир вследствие приятия Христа** и на этом построить христианскую культуру... чтобы, исходя из духа Христова — благословить и творчески преобразить мир... Это и есть идея **православного христианства**... Русское Православие не мыслит мира внехристианским или «светским». Напротив, христианское просвещение и просветление мира является его прямым заданием. Ему «есть дело до **всего**, чем живут или не живут люди на земле» и притом потому, что оно **имеет в этом мире великую и священную миссию**... Евангелие несет миру не проклятие, а **обетование**, а человеку — не умирание, а **спасение и радость**. Оно учит не бегству из мира, а **христианизации** его... И вот **наука, искусство, государство и хозяйство** суть как бы те духовные руки, которыми человечество творит мир. И задача христианства не в том, чтобы отсечь эти руки, а в том, чтобы пронизать их труд изнутри живым духом, воспринятым от Христа. Христианство имеет в мире свое великое **волевое** задание, которого многие не постигают.

Это задание может быть обозначено как создание **христианской культуры... Все земное, затронутое или проникнутое Духом Христовым, входит в христианскую культуру и в ее историю**, все светит из прошлого в будущее, все учит и ведет людей... и всюду, где человек живет в творческой любви и отдает жизнь свою за других или молится Богу «неизреченными воздыханиями»,— мы чуем духом Дух нашего Учителя и видим вселенское братство во Христе... Мы не думаем, что современная секуляризованная и нехристианская культура подлежит целиком осуждению или отвержению,— ни наука, ни искусство, ни право, ни национальное движение, ни хозяйство, но они подлежат **творческому пересмотру и обновлению в духе христианском...** А Церковь должна оставаться творческой хранительницей, живым и авторитетным источником того **христианского духа**, из которого народ только и может создавать христианскую культуру на земле... Все бытие и вся история народа осмысливаются как самостоятельное и своеобразное служение Богу: приятие даров Святого Духа и введение их в национальную культуру».

Ильин был убежден, что русский народ, получив политическую свободу, «начнет создавать **христианскую науку, христианское искусство, христианское воспитание, христианский труд и христианскую частную собственность**; создавать,— не отвергая доселе созданное, но творчески преображая его из свободной глубины преображенного духа. Светская культура не погибнет в этом, но преобразится в направлении духовности, в свободном созерцании, в духе любви, в духе органической, искренней формы, в воле к объективному совершенству». Впрочем, мыслитель понимал создание христианской культуры как задачу, поставленную перед человечеством две тысячи лет тому назад и им не разрешенную, подлежащую разрешению не одной эпохой, не одним народом или поколением, а путем постепенного охвата духом христианства все новых и новых сфер жизни. Он сделал и важный вывод о правильном отношении к культурному наследию прошлого: «...**духовные облики** людей, стремившихся (к христианизации мира.— *Авт.*) и достигавших, остаются драгоценным и незабываемым достоянием в истории христианской культуры; и **материальные облики вещей**, созданных людьми из этого духа, должны цениться и беречься в назидание потомству так же, как и рожденные из этого духа **законы, установления** и способы совместной жизни».

За то сравнительно короткое время, что Церковь в нашей стране живет в условиях большей, чем прежде, свободы деятельности и взаимодействия с обществом, произошло немало отрадных событий, свидетельствующих о сохранении как в народной душе, так и в среде деятелей культуры живой православной веры. Возвращаются Церкви (чаще в разрушенном состоянии) и восстанавливаются храмы, строятся новые; возрождается искусство иконописи; в Москве уже прошли пять фестивалей православной духовной музыки, привлекшие исполнителей не только со всех концов нашей страны, но и из-за рубежа; ширится сеть как духовных учебных заведений, так и православных школ, лицеев, курсов, лекториев для мирян — детей и взрослых и пр. Появляются произведения светской литературы и искусства, проникнутые духом Православия.

В исследованиях проблемы отношения к культурному наследию прошлого все более полно осознаются следующие важные (новые или восстановленные в своих правах после долгого забвения) положения.

Культура развивается через преемственность и традицию. Человек творит культуру, но и сам созидается ею. Не включенный в традицию, вынужденный заново, путем проб и ошибок, доходить до всего, уже выработанного предшествовавшими поколениями, человек рискует стать дикарем. Переносят испытания лишь «умные» традиции (Д. Д. Благой) — они в состоянии возродиться даже после веков забвения. Традиция — один полюс в отношении к наследию прошлого, новаторство — другой, без творчества культура обречена на топтание на месте. Традиция и сохраняется благодаря обновлению, приспособлению к изменившимся условиям бытия. Как и все в обществе, культура развивается то эволюционно, то революционно, понимание ее специфики может помочь в предотвращении невосполнимых утрат. Классовый, сугубо национальный и другие частные подходы к культуре в известной степени оправданы, но они не должны закрывать

собою ее общечеловеческое содержание и ценности. Культурное наследие прошлого не сводится к мертвой сумме ее достижений, хранящихся в музеях, а существует как творческая деятельность ныне живущих людей (Э. А. Баллер), которая представляет собой «космический акт, продолжение Божественного творения мира» (игумен Иоанн (Экономцев), она есть проявление синергии — взаимодействия Божественной благодати и свободной воли человека. Высочайшим художественным творчеством, материалом для которого является сам человек, стала аскетика — эта «наука наук и художество художеств».

Культура находится в тесной связи со строем души человека и народа. На основе изучения документов показано (И. К. Кучмаева), какое разрушающее влияние на население Русского Севера оказал учиненный в середине XIX века царскими властями разгром Даниловского центра старообрядчества, какое он вызвал опустошение и одичание обширного края, какие чувства озлобления породил в жителях близлежащих селений. Очевидно, что разрушение очагов духовной культуры в XX веке, приобретшее несравненно большие масштабы, оказывало сильнейшее отрицательное влияние на уровень народной нравственности, а насаждение элементов чуждой культуры приводило к тому, что как культура, так и строй души человека и народа утрачивали свою цельность и превращались в некое подобие мозаики, что способствовало размыванию грани между добром и злом. В итоге оказались невосполнимо утраченными не только памятники культуры, но, в большой мере, и «величественно-сдержанный колорит души русского человека, житие как бы вне похвалы человеческой, обладание предельно высоким стилем жизни, благородство, сдержанность, размеренность ритма жизни, свободное и достойное размещение человека в бескрайних просторах русской земли». Как бы ни менялись внешние формы жизни общества, мода и пр., не меняется главное — человеческое благородство, честность, достоинство, не стареют этические ценности, и потому меру прогресса любого общества следует оценивать не только с позиций роста производительных сил и материального благосостояния, расцвета культуры и пр., но и с точки зрения воплощения в жизни идеала человеческого общежития и норм взаимоотношений между людьми, как они определены заповедями блаженства (см. Мф. 5, 3—12) и наставлениями Апостолов (см., например, Рим. 12, 9—21). Овладение культурой позволяет жить достойно высокому человеческому призванию, быть действительно образом и подобием Божиим. Если профессор-эмигрант А. М. Пятигорский прав в том, что «нынешнее увлечение религией в России в значительной мере культурное, это — выработка новых штампов культурного поведения», то правда и то, что наблюдаемая ныне тенденция перехода «от культуры знания к культуре мышления и чувствования» (Э. Савицкая) несомненно приближает наших современников к религиозным истокам культуры. Здесь особенно важна правильная духовная ориентация на Православие, в противном случае реальна опасность впасть в «модернизированное язычество, неомагию» (Е. Ермолин). Важнейшая задача заключается ныне в том, чтобы восстановить христоцентризм русской культуры (И. Есаулов) как основу духовного возрождения человека и народа.

Для русской культуры, символом которой стала икона «Троица» письма́ преподобного Андрея Рублева, характерно стремление к восстановлению гармонического единства Вселенной, единению человечества вокруг Христа по образу совершенного единства Лиц Пресвятой Троицы, единства, о котором молился Сам Спаситель в Гефсиманском саду (см. Ин. 17, 11). По-настоящему русская культура прошлого понимается лишь в связи со Священным Преданием Православной Церкви, «потому что только Правосла́вию дано ви́дение особой, мистической красоты духовного мира — красоты в собственном смысле этого слова, красоты как отражения бесконечных совершенств Творца в тварном мире, как явления славы Божией, наполняющей Вселенную» (архимандрит Аристарх (Станкевич).

Напомнить об этом особенно важно в условиях, когда появляются все новые работы, в которых под видом распространения общечеловеческих культурных ценностей предпринимаются попытки отождествить христианство с йогой, учением Рерихов или другими древними и новейшими псевдоре-

лигиями (см., например, изданные в Новосибирске книги «Христианство в истории и культуре России» и «Знамя Преподобного Сергия»).

Культура — это прежде всего качество, и от творцов ее (как, впрочем, и от «потребителей») требуются предельное напряжение сил и великая ответственность за данный им Богом талант, который грешно и зарывать в землю (см. Мф. 25, 24—30), и расточать без смысла (см. Лк, 12, 48; Лк. 15, 13; Мф. 12, 30; Мф. 12, 36). Человек — существо двух миров — горнего и дольнего, истинное творчество по самой своей природе религиозно, и именно вера придает культуре вертикальную доминанту. Однако общество, обуреваемое страстями (мир, который *лежит во зле* — 1 Ин. 5, 19), толкает творца на путь наименьшего сопротивления, поощряет тенденции в культуре, нацеленные на то, чтобы замкнуть ее в сфере дольнего. Опыт великих предшественников, все духовное в культурном наследии прошлого могут помочь художнику наших дней отличить подлинный успех от мнимого и занять свое место в строю тех, кто подвижнически продолжает служение высшему идеалу, способствуя ближним в отыскании пути от тьмы к свету.

В условиях всестороннего и глобального кризиса, переживаемого человечеством, необходим прорыв к принципиально новым высотам культуры, иной тип взаимосвязи культуры и цивилизации, что становится непременным условием выживания рода людского. «Антикультурная философия жизни», ведущая свое начало от Ф. Ницше, исчерпала себя (Ю. Н. Давыдов); человек, выделившийся из природы и восстанавливающий связь с ней по своему субъективному разумению, подвел планету к экологическому кризису, грозящему самому существованию всего живого. Сегодня необходимо не просто использовать культурное наследие прошлого, но и творчески развить те его стороны, которые не были должным образом раскрыты нашими предшественниками, ответить на новые вопросы, выдвигаемые жизнью. Протоиерей Г. Флоровский давно ставил вопрос о необходимости особого богословия культуры. Равным образом и в светской культуре — от докладов Римского клуба до идей общества «Зеленый крест» — растет понимание необходимости новых ее основ, принципиально иного стиля жизни людей, приоритета духовных ценностей. Здесь открывается необъятное поприще для деятельности, в том числе и для сотрудничества Церкви и светской культуры, в частности по проблемам, связанным с передачей Церкви святынь, еще хранящихся в музеях; как говорит архимандрит Алексий (Фролов), «не только музей может смиренно войти в Церковь, но и Церковь должна прийти в музей..., собственными силами осуществляя здесь миссионерско-катихизаторскую деятельность во имя христианизации самых широких слоев нашего общества».

И все же у православных священнослужителей и богословов есть особая миссия в области культуры, где их вряд ли кто-либо может заменить, поскольку, по словам отца Георгия Флоровского, «наше отношение к культуре определяется не практическим выбором, но прежде всего есть теологическая проблема... Человек был создан Богом для творческих целей и призван действовать в мире как царь, священник и пророк. Падения и поражения человека не уничтожают этой цели или замысла; человек был создан для того, чтобы быть восстановленным в своем прежнем звании и вновь обрести свое значение и роль в Творении. И только таким образом он сможет стать тем, кем он быть предназначен; от него требуется не только повиновение и послушание, но он должен выполнить основную задачу человека, поставленную перед ним Богом. Хотя история всего лишь бледное предвосхищение «будущего века», она тем не менее есть действительно предвосхищение, и культурный процесс в истории имеет отношение к конечному завершению, даже если мы в настоящее время не можем расшифровать, каково это отношение. Следует остерегаться преувеличения человеческих достижений, но следует остерегаться также и преуменьшения творческого призвания человека. Судьба человеческой культуры не безразлична с точки зрения судьбы человека».

В. Н. Лосский, разбирая учение преподобного Максима Исповедника о сотворении мира, указывает, что «первый человек был призван воссоединить в себе всю совокупность тварного бытия; он должен был одновременно достигнуть совершенного единения с Богом и таким образом сообщить состояние обо-

жения всей твари... превратить в рай всю землю». Вот какой, по замыслу Творца, должна быть высшая цель культурного творчества человечества.

Рассматривая ту же задачу применительно к современности, Л. А. Успенский пишет: «Это уже не только проповедь христианства непросвещенным народам, но главным образом противостояние его расцерковленному миру с его разлагающейся культурой... Христианское Откровение несет капитальный переворот в отношения человека с Богом, с одной стороны, и существующим миропорядком — с другой; оно несет восстановление замысла Творца о мире, или иначе — упразднение несоответствия мира божественному о нем замыслу... Христианство несет не отрицание мира, а наоборот: через человека исцеление его, приведение человеком самого себя и окружающего мира к единению с Творцом. Миру зла, насилия и кровавых смут противопоставляется образ мира, преображенного в Человечестве Христовом, иначе — его осмысление в перспективе его конечного назначения... Происходит встреча двух, в корне различных ориентаций человека и его творчества: антропоцентризма секуляризованного, безрелигиозного гуманизма, и антропоцентризма христианского».

Для нашей страны последняя задача особенно важна. Преодоление раскола общества и распада единого государства, восстановление экономической независимости страны возможны лишь при условии сохранения и укрепления единства культурного пространства. В этой связи следует помнить слова отца Георгия Флоровского: «Христиане вовсе не обязаны отвергать культуру как таковую, но они должны критически относиться к любой существующей культурной ситуации и мерить ее мерою Христа. Ибо христиане — сыновья Вечности, то есть будущие граждане Небесного Иерусалима. Однако проблемы и нужды «века сего» ни в коем случае и ни в каком смысле не должны отбрасываться или игнорироваться, так как христиане призваны к труду и служению именно в «этом мире» и «этом веке». Только все эти нужды и проблемы, любая конкретная цель должны рассматриваться в новой и более широкой перспективе, раскрывающейся в христианском откровении и освещаемой его светом». Итак, решать задачи настоящего дня, памятуя о высшем, вечном их смысле,— вот ключ к правильной оценке и творческому развитию культуры прошлого.

В заключение хотелось бы проиллюстрировать сказанное тремя примерами из области русской литературы и литературоведения.

Первый пример касается изменений в отношении наших современников и соотечественников к величайшему русскому поэту А. С. Пушкину. Он и при жизни был известен и любим широким кругом читателей, но главным образом благодаря своей лирике. Что же касается вершин его творчества, то они оставались долго не понятыми и не оцененными. Более того, было широко распространено представление о Пушкине как об атеисте (которое горячо опровергал близко знавший его Гоголь). И лишь в советское время глубинный мировоззренческий, религиозный смысл творчества поэта был раскрыт в таких работах, как «Маленькие трагедии Пушкина» Д. С. Дарского, «Вера в жизни и творчестве Пушкина» Б. Васильева (до сих пор не опубликована), «Поэзия и судьба» и «Пророк» В. С. Непомнящего и др. Благодаря этому современный читатель, который не убоится долгих и терпеливых поисков, может получить представление о том, как поэт, потомок эфиопа по рождению и француз по воспитанию, неустанным духовным трудом не только постиг самые сокровенные глубины русского национального характера, но и стал его достойнейшим воплощением, «первой любовью» России; как он, освобождаясь от влияния вольтерьянства, пройдя через соблазны атеизма и богохульство, поднимался к вершинам православного миро- и жизнепонимания, которых достиг, уже будучи на смертном одре. Показателен в этом отношении вечер памяти поэта, состоявшийся 10 февраля сего года в Москве, в Колонном зале (в доме бывшего Дворянского собрания, в котором Пушкин бывал), в докладе о творческом пути поэта было процитировано, в частности, следующее его высказывание о Евангелии:

«Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для

нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием,— и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее Божественное красноречие».

Второй пример свидетельствует о новом осмыслении творческого наследия другого великого русского писателя — Н. В. Гоголя. За последние десятилетия в отечественном литературоведении к Гоголю относятся как к сатирику, юмористу, основоположнику «натуральной школы», критического реализма, обличителю нравов крепостнической России первой половины XIX века. В действительности же Гоголь был прежде всего певцом прекрасного человека, и в «Авторской исповеди» он писал: «... в мыслях моих чем далее, тем яснее представлялся идеал прекрасного человека, тот благостный образ, каким должен быть на земле человек...» Однако писатель был убежден в том, что нельзя устремить общество, целое поколение к прекрасному, «не показав ему всей глубины его настоящей мерзости». Этим объясняется сатирический характер пьесы «Ревизор» и первого тома «Мертвых душ», по мнению самого Гоголя, так и не понятых его современниками. Гоголь разъяснял основную мысль пьесы: ревизор — не тот чиновник, который в конце приехал из Петербурга и потребовал отчета от городничего и других городских чинов, а Смерть, когда уже поздно исправлять дела и отмаливать грехи (почему комедию и завершает «немая сцена»). И в заключительной главе первого тома «Мертвых душ» он призывал читателей не столько посмеяться над Чичиковым, сколько задуматься над тем, нет ли в их собственных душах частички пороков этого плутоватого героя-«приобретателя».

В том, что читательская публика не так поняла первый том «Мертвых душ», отчасти был виноват сам Гоголь: он не объяснил замысла всего своего произведения (которое он отнес к необычному для прозаического творения жанру «поэмы»). А замысел состоял в том, что поэма должна была состоять из трех томов: в первом писатель хотел произвести своего рода «шоковую терапию», поразить читателя картиной пустоты и пошлости жизни «высшего сословия государства» — мира чичиковых и собакевичей, маниловых и плюшкиных, ноздревых и коробочек; во втором — предполагалось показать, как под влиянием встречи с положительным героем пробуждается к новой, одухотворенной жизни Чичиков; наконец, в третьем — главный герой, объезжая своих прежних знакомых, застает и их возродившимися, причем каждого — в соответствии с его характером и прежней жизнью. Одним словом, поэма Гоголя была задумана как программа духовного возрождения России, да пожалуй, и всего человечества, в суете повседневности забывающего о своем высшем предназначении. Думается, в таком объеме подобной задачи не ставил перед собой ни один писатель за всю историю мировой литературы.

Главная трудность для Гоголя в работе над вторым томом поэмы заключалась в отсутствии прототипа положительного героя (хотя писатель был знаком с наиболее выдающимися современниками — Пушкиным, Жуковским, Чаадаевым, Вяземским и др.). И до сих пор от исследователя его творчества ускользает то обстоятельство, что идеал положительного героя Гоголь нашел не в среде элиты светского общества России, а в лице старца (духовного руководителя) православного монастыря «Оптина пустынь» иеромонаха Макария (Иванова). Пожив в 1850 году некоторое время в Оптиной пустыни, Гоголь по возвращении в Москву быстро написал второй том поэмы, главным героем которого был старец-священник (эту рукопись писатель читал некоторым своим друзьям, но затем, в силу трагического стечения обстоятельств, сжег). Не стану излагать обстоятельств дальнейшей истории «Мертвых душ», а обращу внимание только на то, что полное представление о ней можно получить лишь объединив усилия светских и церковных исследователей (в данном случае — гоголеведов и историков Оптиной пустыни). В итоге представится возможным полнее постичь именно духовный облик великого русского писателя. Замечу попутно, что в последний период своего творчества Гоголь писал «Размышления о Божественной литургии», которые и до сих пор остаются одним из лучших произведений светских авторов об этой центральной и высшей части всего православного богослужения.

Третий пример имеет отношение как к литературе, так и к педагогике. Один из самых больших недостатков нынешнего общественного движения по охране памятников истории и культуры заключается в том, что оно охватывает преимущественно пожилых людей, молодежь же чаще пополняет ряды разрушителей и лишь с возрастом (да и то не всегда) осознает значение наследия прошлого. Этому способствует укоренившаяся постановка преподавания литературы и истории в школе, где долгое время творчество великих русских писателей и вообще деяния славных наших предков изучались прежде всего с позиций классового подхода, а подчас и откровенной вульгарной социальности. Вот почему следует считать отрадным явлением выход в свет (в 1992 году) учебного пособия по русской литературе для 10-го класса средней школы, написанного Ю. В. Лебедевым. Автору удалось отойти от установившихся схем и осветить творчество великих русских писателей второй половины XIX века не только с общественно-политической и чисто эстетической, но и с духовно-нравственной и религиозной точек зрения. При этом он не только показал проявления христианского духа в произведениях русских писателей, по праву считавших себя православными людьми (таких, как И. А. Гончаров или Ф. М. Достоевский), но и выявил истоки духовных поисков тех, кто в зрелом возрасте уже не посещал храмов (как Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, А. П. Чехов) или даже как Л. Н. Толстой, который создавал свою псевдорелигиозную систему мироустройства. Написанная с большой любовью к каждому писателю и к героям великих произведений литературы, эта книга-пособие, без сомнения, поможет широкому кругу учащихся полнее постичь значение культурного наследия.

В целом в понимании проблемы культурного наследия в нашей стране произошли в последние годы отрадные перемены, однако объем того, что предстоит сделать в этой области, неизмеримо больше уже достигнутого. Объединение усилий светских и церковных исследователей поможет успешнее справиться со стоящей перед нами задачей, решение которой будет иметь определяющее значение для судеб человечества в преддверии XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

Алексий II, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Речь на Торжественном акте 8 октября 1992 г. // Московский церковный вестник, 1992, № 16—17.

Пятнадцатый Патриарх // Народный депутат, 1990, № 9, с. 107.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VII. М.: Наука, 1964, с. 306, 312, 470.

Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. М.: Советский писатель, 1983.

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Советская Россия, 1990, с. 65, 86—88.

Золотусский И. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 1979.

Антонов М. Ф. Гоголь и Оптина пустынь. К истории второго тома «Мертвых душ». // Учительская газета, 1990, № 22.

Из богословского наследия священника Павла Флоренского // Богословские труды. Сб. 17. М., 1977.

Флоренский П. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Российский ежегодник-89. Вып. 1. М.: Советская Россия, 1989.

Флоренский П. Иконостас // Богословские труды. Сб. 9. М., 1972.

Булгаков С. Н. Два града. Т. 1—2. М., 1911.

Бердяев Н. А. Философия неравенства.— М.— ИМКА-Пресс, 1990.

Ильин И. А. Основы христианской культуры. Новосибирск, 1990.

Задерацкий В. Культура и цивилизация: искусство и тоталитаризм // Советская музыка, 1990, № 9.

Спиркин А. Г. Человек, культура, традиция // Традиция в истории культуры. М.: Наука, 1978.

Благой Д. Д. О традициях и традиционности. // Там же.

Давыдов Ю. Н. Культура — природа — традиция. // Там же.

Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. М.: Наука, 1987.

Иоанн (Экономцев), игумен. Исихазм и Возрождение (исихазм и проблема творчества) // Златоуст, 1992, № 1.

Кучмаева И. К. Культурное наследие: современные проблемы. М.: Наука, 1987.

Лотман Ю. М. От века к веку. // Беседы о русской культуре, 1992, № 4—6.

Петров А. Утрачиваемые ценности // Народный депутат, 1990, № 8.

Индивид и культура. Интервью с А. М. Пятигорским // Вопросы философии, 1990, № 5.

Савицкая Э. Закономерности формирования «модели культурного человека». // Там же.

Есаулов И. Тотальность и соборность. Два лика русской культуры. // Вопросы литературы, 1992, № 1.

Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. М., 1916.

Алексий (Фролов), архимандрит. Церковь — храм и музей // Святыни и культура. М., 1992, с. 11.

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991, с. 83—84.

Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви, 1989, с. 412—413.

Митрополит Вениамин (Федченков)

На рубеже двух эпох

ЗА ГРАНИЦЕЙ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК

После эвакуации из России мне в течение 23 лет пришлось посетить довольно много стран: Турция, Греция, Болгария, Сербия, Македония, Хорватия, Австрия, Карпатская Русь, Чехословакия, Германия, Франция, Англия, проездом — Швейцария... Северная Америка и Канада прошли мимо моего взора. Кое-что было интересно и в общественном смысле, а также и в церковном.

...После пяти дней спокойного путешествия по Черному морю мы приплыли в знаменитый Константинополь — Царьград, как красиво называли его наши предки. Проехав Босфорский пролив, мы остановились в Мраморном море. Справа на европейской стороне на взгорье высился мировой город, предмет домогательства многих держав в течение более полутора тысяч лет. А на левом, более отлогом, азиатском берегу был провинциальный город. Турки, как известно, звали свою прежнюю столицу «Истамбул». Кажется, это имя является исковерканным словом греческого языка: «Ис-тин-полис», то есть «В город» — все дороги вели «Ис-тин-полис», который турки исковеркали в «Истамбул». А на азиатской стороне был город Кадикей [1], некоторые говорили мне, что почему-то он назван был когда-то «город Судьи», но мне думается, что это слово есть исковерканное имя древнего города Халкидон, где происходил IV Вселенский Собор.

На рейде Мраморного моря остановилось 125 наших больших и малых кораблей со 135 тысячами беженцев. История еще не видела такого нашествия «русов». Но нынешние хозяева-турки и прежние владельцы-греки ничему не удивлялись: теперь война перемешала все. В Царьграде было столпотворение народов. Фактическими господами положения были англичане, могущественный флот которых спокойно и самоуверенно стоял на якорях, поблескивая по ночам сотнями огней. За англичанами — французы, потом итальянцы — союзники-победители немцев. А русские, которые больше всех сделали для этой победы, прибыли теперь сюда бесправными просителями. Позади же нас, там, в далекой и большой Скифии, Советской России, шел шторм революции.

Нас морская полиция не пускала с кораблей, потому что ни одна держава не хотела нас принять к себе, как и предупреждал перед прощанием с Родиной генерал Врангель. Начались хлопоты перед англичанами и французами.

А тем временем вековечная человеческая корысть решила использовать наше бедствие. Со всех сторон, как мухи, окружили нас пароходики, шаланды, лодки, предлагая пищу, фрукты и даже пресную воду. Да... На многих судах уже не хватало ее, и люди готовы были напиться за золото. И, насколько

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1993, № 2—8.

помню, этой водой торговали преимущественно греки. Православные христиане, они — увы! — показали себя нисколько не менее корыстными, чем турки, даже, говоря откровенно, более. Печально это писать, но такова была правда истории. И вообще они оказались более холодными, чем турки. Турки, несмотря на пережитую войну на стороне немцев, были совершенно беззлобны к нам и даже дружественны, ласковы. «Кардаш» — приятель — вот что мы постоянно слышали от них. «Кардаш» — приятель, «карош», то есть хорош. И, вспоминая сейчас давнее прошлое, я решительно не помню ни одного случая огорчения из-за турок. Спасибо им! Они — приятели наши, и, несомненно, мы ближе и приятнее им, чем хитрые, плотоядные немцы, протягивавшие через них свои государственные и экономические щупальца к Багдаду, нефти, к Востоку... Движение на Восток...

Нужно радоваться, что советская власть с первого момента и доселе держится в искренних и в дружественных отношениях с Турцией. Таков исторический путь для этих стран, и его нужно укреплять и дальше.

Что касается греков, то они совершенно потеряли сознание владетелей этого города и превратились в торговый мещанский класс. По крайней мере, рядовые греки, но даже и от выдающихся лиц мне не пришлось слышать иного. Казалось, греки — народ прошлого, а не будущего. Однако нужно сказать о них, что они крепко держат Православие. Ни католическое коварство, ни сектантское движение, ни даже европейское безбожие точно не коснулось их. Конечно, тут большое влияние имела их печальная история, покорение турками. Вера сплелась у них с национализмом, взаимно поддерживая друг друга, так что представители Церкви сделались одновременно защитниками своего народа (этнархами), а миряне активно вошли в жизнь приходов, епископий и высшего церковного управления. Но факт остается фактом: греки и доселе тверды в Православии. Удивительным образом благочестие сплелось у греков с буржуазно-материальными интересами. Впрочем, христианство будучи мироотреченным, аскетическим учением, в глубине своей дает широкий простор для «среднего христианина», у которого сочетаются обычно и вера, и благоустройство быта. В России мы знали целый такой класс — купечество. Известно, что и в Америке греки хорошо устроились экономически: рестораны, кафе, а иногда и банки — дела им знакомые. В то же время у них и большие храмы, и организованные приходы с участием мирян-попечителей. Не нужно очень строго порицать их за такое сочетание. Все же это несравненно лучше европейского безбожия и социалистического материализма.

Правда, греки ведут себя в храмах довольно развязно, вульгарно. Вы можете увидеть, как они иногда входят туда в головных уборах и не сразу снимают их. Бывали примеры, что еще в притворе церковном они начинали уже курить табак, и вообще они чувствуют себя хозяевами в храме. Но это не касается самой глубины сердца. Во время службы они смиренны, сдержанны, внимательны, молитвенны. Мужчины стоят в одном месте, женщины — особо. Во время проповеди, когда им что-нибудь понравится, они шумно кричат: «Хито!» (французское «виват» — «да живет», славянское — «слава!»). Это у них издавна. Еще святой Иоанн Златоуст пытался останавливать их восторженные возгласы и рукоплескания за свои чудные проповеди, но безуспешно... Греки — народ в общем горячий, южный, экспансивный. Только теперь стали смирные, тихие. Но все же материализм внедрился в них глубоко, как увидим это из некоторых фактов.

К России у них глубокое уважение, как к могучей силе и покровительнице Православия, защитнице греков и славян от иноверных. Но они хотят получать, а не давать. Наиболее больным вопросом для них является потеря Константинополя даже в случае могущества России, в частности храма Айя София (то есть Святая София, Премудрость Божия). Лично я думал и думаю: ни в коем случае не нужно никому и нам, русским, отнимать у них этот дорогой Царьград и чудный Собор, построенный Юстинианом Великим в VI веке [2]. Впрочем, все это я говорю по наблюдению над городскими греками. Сельские, как и везде, гораздо смиреннее и духовнее, чем горожане. Я это после наблюдал, когда посещал священников на островах.

Припоминаю сейчас одну группу снимков (если только я не писал о ней

раньше), которую мне пришлось видеть в американском журнале.

На одном из них сфотографирован внутренний вид передней части алтаря. На красивых, солидных, мраморных креслах сидят католические епископы. Они в богатом облачении, высоких митрах, держат себя важно, даже напыщенно. Это — «церковная власть». Такова Католическая Церковь, Церковь непогрешимого папизма, Церковь, «правящая» бесправными пасомыми. Из-за этих правителей не видно даже священного алтаря, где совершается богослужение: Церковь, как правящий класс, заслонила даже веру. Нечего уже говорить, что тут не видно народа, паствы, управляемого стада, оно не имеет силы и в католичестве.

На другом снимке не изображено ни храма, ни алтаря, ни даже народа, а только проповедническая кафедра. Ухватившись за боковые края ее, оратор, в мирском костюме, только с белым круглым воротничком — знак протестантских пасторов — что-то говорит, говорит, говорит. Это — протестантская Церковь, где Таинства не имеют значения, где даже храм является скорее залой для публичных выступлений, где «священник» — тот же непосвященный мирянин, где главным делом его является учительство, проповедничество, где даже самая молитва (легонькие «стишки») сведена больше к морали да еще разве к вере в искупление «дорогим Иисусом» — вот это протестантизм.

Но вот третья фотография. Сзади — горы, голубое небо, благословенная природа Божия. На переднем плане — сельский храм из белого камня, крытый красной черепицей, двери затворены (кончилась служба или еще не начиналась), над ними — икона святого Георгия Победоносца. А ближе всего к зрителю два человека: сельский старенький священник в рясе и греческой камилавке (с расширением наверху), с бородой и длинными волосами, а справа от него — старушка в темном платке и черном платье. Подперши щеку правой рукой, которую поддерживает левая, она сидит на остатке ограды, священник же стоит. Оба смиренно молчат и задумчиво о чем-то размышляют. Тут нет и тени власти, тут никто не стремится учить, да и к чему учить? Разве же совесть христианская, просвещенная двухтысячелетним опытом и церковным преданием, не знает, что нужно делать и чего не нужно? Единственная дума — о будущем небесном царстве. Но и тут нет католического «паспорта» на бесспорный вход туда, нет и самообольщенной уверенности в свою собственную «спасенность» заслугами Христа; здесь — лишь сокрушение о грехах со смиренной надеждою на возможное милосердие Спасителя да на заступление Богородицы и святых мучеников, ходатаев пред Богом. Да и об этом они не думают, а лишь смиренно, кротко глядят в глубь своих душ, но без уныния, без отчаяния.

Вот это — православные. Вот это — действительная религия в душе. Вот это — святой народ. Вот это — действительно истинная Церковь Христова. И пусть немало торгашей среди греков, но не они составляют церковный народ, а эти смиренники сельские около убогого храма. Я увидел потом это истинное благочестие в Константинополе. Но все по порядку.

Через несколько дней нас начали «спускать» с пароходов, но не всех, иначе бы мы наводнили город. Сначала разрешили въезд высшим начальникам, архиереям и т. д. Масса же войск должна была потом отправиться в лагеря на полуостров Галлиполи и на остров Лемнос, а флот был отправлен в Африку, в город Бизерту, который стал теперь известен всеми миру по войне. Но часть военных не захотела идти в лагеря. Кажется, что милостивее всех оказались французы, а потом уже англичане, после сербы с болгарами пошли нам навстречу и взяли несколько тысяч беженцев. А затем французская власть стала принимать их рабочими на заводы и на земледельческие фермы. Этим трем народам, и особенно милым сербам, нужно принести историческую благодарность за нас, несчастных бездомников. Да сохранит их Господь от бед и напастей! Много профессоров и студентов пристроила в университеты Чехословакия, возглавляемая тогда президентом Масариком [3]. Совершенно отказали в приеме итальянцы и вообще католические страны. Они, наоборот, воспользовались нашей нищетой и горячо принялись вылавливать детей русских беженцев, устраивая их в приюты и окатоличивая их там. Уловили, вероятно, несколько десятков взрослых. Но в общем их

пропаганда не имела успеха. Однако наш Синод уполномочил меня войти в переговоры с папским представителем в Константинополе, архиепископом Дольче, чтобы католики не ловили наших детей. Старый любезный итальянец обещал мне это на словах, но едва ли это исполнялось на деле.

Не оказали гостеприимства и союзники румыны, и бывшие враги — немцы, и даже православные греки Эллады. В Турции долгое время ютились кое-где тысячи беженцев, но оттуда их потом переселили в Европу: тогда турки уже вели дружбу с Советами.

А те, которые не захотели отправляться в лагерь, заселились по трущобам Царьграда. Но чем жить?

И вот началась погоня за хлебом насущным. Припоминаю незабываемую картину. Где-то на горном участке города стояли ряды русских генералов, полковников, офицеров и что-то предлагали на продажу или на мену. Даже продавали за ничто романовские деньги, кажется, по копейке, по две за рубль. Тут были и знатные аристократы, и просто казаки. Жалкое это было зрелище: бывшие богачи — теперь нищие просители. Женщины многие пошли на службу в рестораны, кафе, кабаре — лишь бы достать пропитание.

И каким малым довольствовались люди тогда!

Например, прибыли семейные военные в полуразрушенный город Галлиполи. Квартир нет. Иные устраивались между двумя, тремя стенами развалины, и это уже считалось хорошо. Но со всех сторон ветер дует! Был уже декабрь.

Для войск французы дали палатки, и там жизнь наладилась лучше. Но зато там генерал Кутепов ввел суровую дисциплину, за что его прозвали «Кутеп-пашою».

Тогда еще верили, что Белая Армия пригодится для спасения Родины. Однако жизнь в течение ближайших двух-трех лет разочаровала нас. У беженцев явилось мрачное предчувствие, что уже не видать им больше родной земли, а следовательно, нужно так или иначе устраиваться где попало. И куда только не занесло нас, горемычных. Кажется, буквально нет в мире страны, где теперь не оказалось бы русских. Один из моих знакомых шутил: «Теперь русский язык мировой, и нам можно путешествовать без всяких проводников. Приедешь, например, на пароходе в Индию, крикнешь по-русски с корабля: «Эй, кто тут Иван или Степан из России?» И непременно с пристани кто-нибудь откликнется. Не говорю уж о Европе и Северной Америке. А в Азии, Южной Америке, Австралии и даже на некоторых тихоокеанских островах осели целые группы или отдельные лица из беженцев.

Невольно напрашивается вопрос: какой исторический смысл в этом рассеянии нас по миру? Ведь это — повторение еврейского переселения. Там был смысл: подготовка мира к принятию Мессии Христа. А у нас? Если сказать лишь, что мы несем Божие наказание за отпадение от веры, то ведь не такие же мы безбожники! Если, как многие белые думали про себя, мы — соль национальной России и обязаны теперь вести борьбу против большевистского безбожного интернационализма через словесную и печатную пропаганду, то это действовало лишь до критического исторического момента — до войны. Когда же она началась, то вся пропаганда белых разлетелась, как дым. Следовательно, и не в этом смысл беженства. В чем же он? Откровенно сказать: неясно это мне еще.

И разумеется, он не в том, что русский балет при Мечето-Карло славится по миру танцорами и танцовщицами. И не в том, что два-три казацких хора ездят по миру и поют церковные песнопения и светские песни. И уж, конечно, не в том, что мы принесли «безбожной Европе» и «материальной Америке» свет Православия и святую жизнь. Где уж там! Кто будет судить по нам о «Святой Руси», тот быстро разочаруется и в нас, и в России. Так в чем же смысл? А он должен быть и с точки зрения Божественного Провидения, и даже рационально-исторической причинности. Сейчас я воздержусь от ответа.

Может быть, после посещения мною разных стран станут яснее результаты нашей заграничной жизни, и тогда можно попытаться наметить некоторый смысл. Как-никак, а говорят, что всех русских беженцев разных националь-

ностей за границей насчитывается будто бы до двух миллионов. Я не согласен с этой цифрой — возможно, до миллиона или даже до полумиллиона. Не случайная же мы щепка в мировом океане?! Но подождем делать выводы...

Вернемся к описанию беженской жизни. Вот выпустили меня с моей канцелярией военного архиерея. Нас, епископов, устраивали на русских афонских монастырских подворьях, ютившихся в нижней части города, в так называемой Галате [4]. Я получил малюсенькую комнатенку в три шага длины и два ширины на Троицком подворье. Тут нас помещалось пять человек. На единственной койке спал я, двое других на полу между мною и стеною, четвертый у нас в ногах, а пятый уже за дверью в коридорчике. Но и так мы были рады! О, как рады! Подумайте, живем без страха. Не нападут большевики, не повезут ночью на расстрел, не посадят в чрезвычайку.

Разве это не счастье для беженца? А тут еще и роскошное питание. В Крыму даже я, архиерей, не мог достаточно получать хлеба, чтобы наесться им; сахар был заменен противным химическим сахарином, который я отказался употреблять; и вообще вся жизнь начала замирать: не хватало электрической тяги для городских трамваев, угля для отопления и т. п. И вдруг вижу, что в «дикой» Турции, в огромном Константинополе исправно плавают пароходы, горит ярко электричество и... трамваи ходят. Я так от этого отвык, что мне искренне казалось: ну, вероятно, это уже последний день. Или — сижу в трамвае и боюсь: вот-вот он сейчас остановится посреди улицы и не сможет дальше везти. Когда же он двигался спокойно дальше и не думал останавливаться, я удивлялся: как же так? Тут все в порядке. Разве еще может быть во всем мире строй и довольство, если в России ничего нет и все в хаосе?

То же и о пище. Купили мы белейшего хлеба, сколько хотели, селедки, чаю, сахара и еще ореховой халвы. Какими блаженными считали мы себя! Истинно, и цари не ели с таким наслаждением, как теперь мы.

Мало-помалу рассосались куда-то и другие беженцы. Ушли в Бизерту моряки, уплыли на Лемнос казаки, а в Галлиполи — «цветные» дивизии [5], как называли добровольцев из-за различного цвета погонов и околышей. И снова началась мирная жизнь. Человек, как ласточка после разорения старого гнезда, начинает опять лепить свою жизнь.

Общую картину я нарисовал. Теперь мне о Турции нужно рассказать несколько отдельных эпизодов, запечатлевшихся в моей памяти и характерных для этого исторического момента.

Для общей организации беженской жизни, а также продолжения политической работы за границей генерал Врангель создал вместо прежнего Совета министров Русский Совет из представителей разных общественных кругов. Заместителем его самого был известный профессор Московского университета хирург Иван Павлович Алексинский. Он и потом долго еще верил в поражение и разложение большевиков в России, выпуская даже какой-то журнал или газету в этом смысле, а при встрече в Ницце в 1926 году, когда я уже отошел от армии и политики, он пытался убедить меня в своей правоте: вот-вот еще несколько месяцев — и *они* падут... С тех пор прошло 17 лет, но надежды его не сбылись. Блестящий хирург, сделавший на [протяжении] своей жизни до тридцати тысяч операций, из коих до шести тысяч аппендицитных, он был самым обыкновенным обывателем в политике и, думаю, не своим делом занялся тут. Да и вообще, как и на юге России, не оказалось за границей мудрых и прозорливых политиков, по-прежнему мы шли в хвосте истории, а не провидели ее будущего.

Эмиграции, как почти всякой эмиграции, пришлось доживать свою жизнь за границей, умирать на чужбине. Правда, бывали исключения, как, например, возвращение Бурбонов во Францию после 25 лет изгнания. Но там были особые причины общенародного или общеполитического характера, а нам, беженцам, не на что было надеяться. За нами не было народных масс, наоборот, они были враждебны нам, а у иностранцев мы даже не имели друзей, оставалось ждать «случая», но это — плохая политика. Поэтому в эмиграции начала расти сразу «тяга домой». И некоторым группам казаков постепенно удалось кое-как пробраться назад, но большинству суждено было работать

за границей да утешаться несбыточными мечтами.

Наш Русский Совет, в сущности, был мертворожденным детищем. От всех наших заседаний мне запомнилось лишь одно: протест против помощи голодавшей России на Генуэзской конференции. Там, конечно, писалось, что поддержка питанием нашей Родины есть лишь помощь большевистскому хаосу. Но, разумеется, на нас в Генуе не обратили ни малейшего внимания, а комиссар Чичерин был там почетной персоной [6]. Белое движение для заграницы умерло. А скоро уничтожился и бесполезный Русский Совет. Вместо него образовался какой-то иной «центр», уже позабыл его имя, куда уже не был приглашен представитель от Церкви.

По этому поводу у меня с Врангелем произошло резкое столкновение. Запишу его, потому что был затронут общий вопрос об отношениях гражданской и церковной властей.

Посетив его по какому-то делу в здании посольства, где он принимал посетителей, я открыто сказал ему по поводу неприглашения представителя Церкви следующее:

— Эх, Ваше Превосходительство! Когда Церковь нужна была вам в Крыму, вы знали нас. А теперь, когда мы стали ненадобны, вы обошлись без нас.

Он мгновенно вспылил, поднялся во весь свой рост и с раздражением ответил:

— Кто вам позволил так разговаривать со мной?!

И ушел, не простившись, в соседнюю комнату, сильно хлопнув дверью. Я почувствовал себя очень скверно и через полминуты ушел из посольства, размышляя над инцидентом. Винил я не его, а себя.

В самом деле, разве генерал *о себе* думал, когда принимал командование в Крыму? Не о нас ли всех? Не о Родине ли? Не ему ли мы обязаны были и самой эвакуацией, может быть, и жизнью? Не мы ли, я и другой архиерей, советовали ему принимать тяжелый крест в день выборов его в вожди остатков Белого движения? Какое же тут могло быть место для упреков? Не должен ли был я постоянно хранить чувство благодарности, если б даже и случилась какая-нибудь неприятность? Конечно. Кроме того, отношение Церкви ко всякой государственной власти должно всегда покоиться на почитании ее и на весьма осторожном отношении к ней.

Православие, в противоположность мирскому католицизму, не должно господствовать над государством. Наоборот, оно должно бережно хранить права светской власти. Этого требует и суть христианства, и учение слова Божия о самобытности и божественном происхождении светской власти. Простая мудрая деликатность: всякая власть ревнива к своим правам, с этим нужно серьезно считаться, иначе легко можно порвать нити добрых взаимоотношений, в которых должна жить для общей пользы государства и Церковь.

В общем Православная Церковь вела такую правильную линию, если же когда-нибудь она соскальзывала с нее, то в первую очередь было худо для самой же Церкви — для веры, а потом — и для государства, которое тогда начинало опасаться вмешательства непрошеного гостя.

И вспоминалась мне печальнейшая история столкновения между царем Алексеем Михайловичем и Патриархом Никоном в XVII веке. Патриарх забрал слишком большую государственную власть и влияние над царем. Алексей Михайлович был, по давнему моему убеждению, совершенно прав, начав борьбу против бывшего «собинного друга» своего. История кончилась печально: низложением на Церковном Соборе Патриарха и недоверием к церковной власти вообще. А у сына Алексея Михайловича, Петра Великого, вылилось это недоверие в отмену Патриаршества, в учреждение коллегиального Синода, подчиненного царю. На 200 лет ослабли сердечные узы между государством и Церковью, поэтому даже революционное «отделение Церкви от государства» явилось не новостью, а продолжением и углублением давней надорванности этих взаимных связей.

Я понял, что в случае с генералом Врангелем был неправ и по существу, и тактически. Дня через два я намеренно пошел к нему, прося содействия в отправке части духовенства в Болгарию и Сербию. Он вышел ко мне обычно любезным.

— Вы на меня не сердитесь? — спросил я.— Простите меня!

— Ну, что вы! — спокойно, но холодновато-сдержанно ответил он, приглашая меня жестом садиться.

Просьба моя была исполнена быстро. После у нас отношения совершенно восстановились. Но я, наученный горьким опытом, стал осторожней, и до самой его смерти у нас никогда уже не было ни малейших столкновений.

Да и вообще [в отношении] к человеку нужно быть деликатнее и осторожнее. Как легко иногда надломить самые дружеские отношения и как трудно (а иногда уже и невозможно) бывает восстановить их!

Теперь, за границей, вспоминая этот случай, стараюсь держаться правильной позиции, а то бывали прорехи не один раз. А виновен опять я.

Подобным образом в обращении к безрелигиозным отдельным людям или целым общественным группам и организациям нужно быть тоже очень терпимым, тактичным и кротким. Если еще что-нибудь можно сделать, то лишь этим путем, иначе повредишь и им, и себе, и вере. Недавно мне пришлось услышать один хороший совет, чтобы я не допускал даже по отношению к церковным отделившимся кругам огорчительных слов.

Верно! Верно! Всегда помни не только о себе, но и о других... И лучше будет... А огорчения покрой своей любовью и попроси даже прощения. Будет чудо возобновления единства и взаимной любви.

Еще из жизни генерала Врангеля нужно вспомнить гибель его, специально им занимаемого, маленького парохода «Лукулл», где он жил по приезде в Константинополь. Эта территория в Босфорском проливе была как бы «независимой» и давала мираж «державности». Но вот однажды итальянский океанский пароходище, маневрируя в этом проливе, раздавил, как скорлупу, «Лукулл». Все спаслись, но будто помнится, что капитан корабля, по морской традиции, пошел с ним ко дну. Между спасенными вещами была и та святая старинная икона, которой был нами благословлен генерал Врангель на командование в Крыму. После я видел ее в здании посольства, куда вынужден был переехать на постоянное житье.

Еще вспоминается присутствие генералов на открытии Русского церковного собрания в Константинополе[7], но об этом событии, имевшем потом большие последствия, надо говорить особо.

Когда мы прибыли в Турцию, тотчас же поднялся вопрос о самостоятельной организации дальнейшей церковной жизни. Одним из главных защитников этой идеи был я, еще не изживший своей энергии. Так же думали и другие архиереи. Лишь один митрополит Киевский Антоний, махнув рукой, сказал небрежно:

— Ну, какая тут самостоятельная организация? Раз мы оказались на территории другой Православной Церкви, то по законам должны ей и повиноваться.

Но все прочие думали иначе. Митрополит Антоний уступил, и притом довольно легко. Очевидно, каноны не очень удерживали его. И после я видел не раз, что хотя он хорошо знал их, но когда ему хотелось, он руководился не ими, а собственными рассуждениями.

Так воссоздался наш Крымский Синод. В нем были следующие члены: митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Платон (Рождественский), архимандрит Феофан (Быстров), архимандрит Анастасий (Грибановский) и я. Все мы не только кончили академии, но и служили в них: первые трое были даже ректорами, Анастасий — помощником инспектора Московской Духовной Академии, а я — преподавателем в Санкт-Петербургской [Академии].

Из нашей деятельности теперь я могу отметить три наиболее значительных факта.

Прежде всего установление взаимоотношений с Греческой Патриархией, в область которой мы попали. Строго по канонам греки могли бы потребовать от нас подчинения им и не разрешать самостоятельного управления. Но имя России, русских, так было велико и сильно даже в лице нас, эмигрантов, что Патриархия пошла нам навстречу и написала довольно пространный «томос» (указ), которым мы признавались как часть Русской Церкви и могли самоуправляться во внутренней своей жизни. Но вот тут

опять сказалась их греческая психология, они не дали нам права расторгать браки. Причина тому была совершенно простая: процедура разводов приносила довольно значительный доход, и греки не хотели передавать его нам, а потому оставили ее за своей Патриархией.

Конечно, это было мелким шагом с их стороны. Уж если бы они хотели быть канонически принципиальными, так тогда нужно было им ограничить наши общие, административные, права, как более важные, а не интересоваться какими-то жалкими сотнями или тысячами турецких лир за такую невозвышенную материю, как расторжение брака.

Тут же я упомяну и об общем, довольно холодном отношении их даже к нам, архиереям. Мы учим и проповедуем, что вся Православная Церковь есть единое тело, единый духовный организм. Но когда мы оказались в пределах нашей *Матери* — Церкви Греческой, то с ее стороны нам не было оказано буквально никакого привета. Никто из их архиереев не посетил нас на кораблях: не дали нам даже никакого приюта; не поинтересовались, чем мы живем и даже как питаемся; никто не спросил нас, что делается у *Русской Сестры* — Церкви на родине. И только лишь когда мы сами обратились к ним в Патриархию (в так называемый Фанар), они увидели нас, а потом ограничились формальными «отношениями» на бумаге.

Все огорчало нас. И однажды я в беседе с заместителем усопшего Патриарха митрополитом Николаем высказал ему горечь нашу: — Вот мы повторяем в Символе веры: «Во Едину Святую... Церковь», а где же это единение?

— А как же? — спокойно возразил мне митрополит Николай,— в вере, в Таинствах, в Молитвах.

Мне это понравилось. Значит, человек верует в духовное, благодатное общение и считает его первейшим делом.

— Да, это суть,— ответил я.— Но Апостол Павел говорил еще: «Общения и благотворения не забывайте», «страннолюбия держитесь»[8].

— А в чем же оно могло бы выразиться? — спросил он в недоумении.

— Да хотя бы пригласили нас, архиереев, в Патриархию посидеть, потом вместе напиться чаю. Мало ли чего можно придумать при желании и при любви.

Он смиренно промолчал.

А я подумал и сейчас думаю: действительно ослабела любовь между нами, Православными Церквами, настоящего сердечного единства не чувствуется. Живем — точно чужие. Это ненормально. И нужно всем Церквам задуматься над такой болезнью нашей. Кажется, проще всего нужно было бы устраивать нам Соборы с приглашением других Церквей, оставлять своих представителей при Патриархиях. Устраивать беседы по разным вопросам (богословским, школьным, инославным, общественным). Издавать бы единый печатный орган. Поминать друг друга в молитвах на открытых богослужениях при архиереях и даже во всех церквах приходских. Конечно, это все второстепенные внешние средства, а главное — в благодати Единого Святого Духа, обитающего в сердцах наших. Но все же не нужно пренебрегать другими путями. А потом нужно созвать следующий Вселенский Собор. Некоторые думают, что будто их было семь, а больше быть не может. Но ясно, что это мертвая идея, Церковью же руководит Животворящий Дух Святой. Была недавно такая попытка — созвать Вселенский Собор на Афоне. Но она не удалась потому, что Русская Патриархия отказалась послать своих канонических представителей вместе с незаконными «живоцерковниками», которых признает Греческая Патриархия и коих она пригласила на предполагавшийся Афонский Собор. Вслед за Русской Церковью отказался и покойный Сербский Патриарх Варнава. Так дело и расстроилось. Не на единстве и любви созданное — разъединением и кончилось. А одним из условий сохранения единства и любви является соблюдение церковных канонов как запечатленных форм этого единства, как пути сохранения любви и истины. Но, увы! После и архиереи, и Патриархи перестали дорожить этими «узами любви», этими опорами пребывания в единстве. И потому стали разрушаться и последние остатки любовного общения.

Греческая Патриархия за годы революции в России сделала много фальшивых шагов, которые едва не привели к разрыву между ней и Русской Патриархией: признание «живой церкви» наряду с истинной Церковью (Патриаршей), что не отменено и доселе; оправдание откола православных епархий в Польше, Латвии, Эстонии, Финляндии и даже в эмиграции — митрополита Евлогия (Георгиевского); участие в этих расколах... Совершенно справедливо писал митрополит Сергий (Страгородский), что Русская Церковь и русский народ начали терять веру в Греческую Патриархию как представительницу канонической правды.

В то же время, вне всякого сомнения, что у нас на Руси, особенно со времен правления митрополита Сергия, церковная жизнь поставлена на благоразумные и строгие пути канонов. И это возвышает ее значение в глазах всего мира.

А если предположить, что эта мировая война кончится победой русских и изгнанием немцев с Балкан и славяне и греки будут обязаны им и союзникам нашим, тогда нетрудно будет понять огромное политическое значение Москвы; а обычно, как показывала вся история Церкви, с ростом государства растет и сила Церкви.

Но воротимся к работам нашего Синода.

Вторым запечатлевшимся в моей памяти вопросом была попытка установления отношений уже не с православными, а инославными церквами: католиками в первую очередь, а также англиканами и др.

Нужно сказать, что католики оказались внешне гораздо более любезными, чем греки. Не говоря уже о том, что они дали приют детям. Их представитель, архиерей Дольче, папский легат на Ближнем Востоке, в сопровождении свиты сделал визиты русским архиереям. Я тогда был опасно болен (воспалением кишок), и они навестили меня в болгарской больнице, при этом привезли мне около пяти фунтов шоколада и бутылок 15—20 разных прекрасных вин. И вообще жизнь поставила нас в более близкие отношения.

А так как в России мы жили обособленно друг от друга и законы охраняли эту ограду между нами, то нам тут пришлось впервые жизненно, а не в теории, столкнуться с вопросом, как относиться к инославным. Тем более что греки, без согласования с другими Церквами, вошли в довольно тесное общение с англичанами, чуть не признавая их вполне православными. Эта дружба началась давно, давно. Она нужна была обеим сторонам: греки нуждались в англичанах для освобождения от турецкого ига, а англичанам нужен был Константинополь и признание их иерархии, оторвавшейся от Папы законного. И увы! Опять нужно сказать, что греки и тут встали не столько на догматико-каноническую позицию, сколько на политическо-практическую. Русская же Церковь держалась очень осторожного отношения к Английской Церкви. Было несколько попыток к выяснению вопроса об объединении, но все они кончались бесплодно. Но вот в Синоде поднялся этот вопрос: как нам быть дальше? Наши беженцы стали разъезжаться из Турции и во Францию, и в Германию, и в Сербию. Митрополиту Платону, как уже узнавшему инославную Америку в течение семилетнего его архиерейства там, предложено было изготовить доклад к следующему заседанию.

Он приготовил. Митрополит Антоний, как председатель по старшинству, сначала пропустил на рассмотрение какие-то другие вопросы. Потом на повестке был доклад митрополита Платона.

— Что там дальше? — спросил митрополит Антоний секретаря Синода Т. А. Аметистова.

— Вопрос об отношении к инославным.

— Ну, чего же тут рассуждать? — пренебрежительно, с видом знатока сказал он.— А что там дальше?

Секретарь хотел докладывать дальше, но мы все были ошеломлены таким оборотом дела. Ведь он же сам в прошлом заседании согласился на рассмотрение этого вопроса! Иначе бы он не был поставлен на повестку. Сконфуженный митрополит Платон мучительно молчал, Анастатий и Феофан — тоже.

— Владыка,— обратился я к митрополиту Антонию.— Прошу слова.

— О чем?

— Да уж я знаю о чем: о повестке нынешнего заседания!

— Ну, что? — раздраженно спрашивает он.

— Скажите, пожалуйста, зачем вы как председатель созываете нас, членов Синода, на собрание?

— Как зачем? Что за вопрос? — все больше волновался он.

— Если вы хотите проводить лишь свои воззрения, тогда уж проще поступить так, как иногда, говорят, делали обер-прокуроры с прежним Синодом: они рассылали для подписки членам его заготовленные решения.

— Как вы смеете так говорить! — потеряв терпение, закричал митрополит Антоний.

Но я давно перестал бояться в душе своей.

— Да, смею, осмелился. Я почти двадцать лет собирался сказать вам об этом, да все боялся...

— Вы-то боялись?

— Да, боялся!

— Да вы хоть Патриарха не побоитесь!

— Может быть, и не побоюсь. Но сейчас дело идет о Синоде. Мы все на прошлом собрании постановили обсудить этот вопрос. Поручили митрополиту заготовить доклад. Он это сделал. Мы все, кроме вас, ждем с интересом заслушания его. Если вам все ясно, то не ясно нам. Вы же не удостаиваете даже сказать митрополиту...

Я хотел продолжать свою речь дальше. Но митрополит Антоний с гневом закрыл собрание Синода. А меня взял под руку, отвел в сторону и почти с шипеньем сказал мне вполголоса:

— Вы знаете, что сделали бы вам за такой скандал старые архиереи?

— Не знаю. Но только тогда позвольте и мне сказать вам. Вы, как никто другой, считаетесь противником католицизма и папизма. Но я не знаю еще иного архиерея, который бы был в душе таким самоуверенным папистом, как вы!

Мы разошлись. Но заседание не закончилось, и поставленный вопрос так и не обсуждался после. Сам митрополит Антоний иногда говорил, что и язычники, и магометане благочестивей католических и протестантских христиан, потому что у тех будто бы воззрения более аскетичны, чем у этих сект, желающих оправдаться без подвигов.

Увы! Позже, всего через шесть лет, тот же митрополит Антоний принимал участие в торжественных заседаниях и стоял за службами в англиканских храмах в Лондоне по случаю 1600-летия Первого Вселенского Собора[9], участвовал в торжественном банкете у Сербского Патриарха Димитрия по случаю чествования католического архиерея, приехавшего с визитом в Карловцы. Но, правда, в душе оставался непримиримым противником католицизма.

Так этот вопрос и остался невыясненным, и каждый из нас решал его уже потом на свой риск.

Третье дело, уже одобренное Синодом, был вопрос о подготовке Всезаграничного Церковного Собора. Эта идея больше всех принадлежала мне. Я же был назначен и председателем подготовительной комиссии. С несколькими сотрудниками мы разработали обширный план и напечатали его в особой брошюре, которую разослали по всем местам русского беженства. А Синод распорядился, чтобы в главных центрах рассеяния нашего были устроены предварительные собрания с выработкой предложений. В Константинополе такое собрание было под моим руководством в течение двух недель и прошло прекрасно: одушевленно, единодушно, мирно.

Это было и остается одним из лучших моих воспоминаний о церковной жизни за границей. Между прочим, сначала устроено было торжественное богослужение, а потом и собрание, где присутствовал наш главнокомандующий. Ему было устроено блестящее торжество с речами и рукоплесканиями.

— Вот если бы все так поддерживали! — сказал он мне после наедине.

Увы! Это было для него последнее торжество.

Не буду описывать подробности нашего собрания, о нем осталась где-нибудь изданная нами брошюра.

От греков был назначен представителем викарный епископ Фотий. Нам показалось это обидным, и мы (это было неделикатно с нашей стороны) попросили

прислать более высокое лицо. Патриархия заменила его митрополитом... Какая же судьба! После сего викарный епископ Фотий был избран Патриархом Константинопольским (под именем Фотия Второго). Сначала, еще молодым, его место занял теперешний Патриарх Вениамин, глубокий старец.

Между прочим, некоторые политические, правые члены нашего собрания, хотели воспользоваться им для политических резолюций о монархии и т. п. Но мною эти попытки были оборваны сразу, и тогда все пошло мирно и церковно. Не то произойдет дальше, на общем Соборе.

Митрополит Антоний в это время уже переехал в Югославию в город Карловцы, к Патриарху Сербскому Димитрию. А архимандрит Анастасий был отправлен с ревизионной целью в Палестину. Митрополит Платон, вероятно, уехал в Болгарию. По славянским странам, в основном в Сербию, разъехались и другие архиереи. Нас за границей было около 15—17 человек.

Продолжение этого дела будет в ноябре 1921 года в Сремских Карловцах; там Синод с разрешения Сербской Церкви назначил быть заграничному Собору, который и прозван был Карловацким. Но это уж вопрос жизни эмиграции в Сербии, до коей скоро дойдет речь.

А пока прошу читателя проехать со мною в Галлиполи, на остров Лемнос и в греческие Салоники. Как епископ армии, я мог и хотел посетить места скопления наших войск.

Главная масса их, добровольцев, была в Галлиполи довольно хорошо устроена в палатках. Соблюдалась воинская дисциплина. Как водится, устроен был парад. Я говорил ободряющие какие-то речи... Ну о чем я мог тогда говорить? Теперь и сам стыжусь вспоминать... Да и не помню... Мы все еще во что-то верили... А тут случилось Кронштадтское восстание против большевиков. И у нас уже поспешили напечатать в газетах: «Лед тронулся»... Но слишком рано мы увидели весну, это была запоздалая зима старого. Беженцев между тремя голыми стенами я уже не видел: как-то устроились. Французы доставляли необходимое. Кажется, за все это они потом присвоили себе флот, ушедший в Бизерту. Вспоминается одна комическая подробность. Нашим войскам предоставили для пользования большие котлы с двойными днищами. Наши повара-солдаты никак не могли варить в них пищу, сколько ни разжигали дров. Оказалось, нужно было между двумя днами налить не то воды, не то масла, а они не знали этого. Ну потом кто-то научил их. Греки, кроме архиерея, и тут относились [к русским] холодновато.

На острове Лемносе поселили казаков. Чтобы они не скучали, французский генерал дал им работу: устраивать шоссе. Вероятно, и доселе пользуются казачьими трудами. На этом вот острове мне пришлось посетить дом и семью сельского священника. Какие были смиренные и батюшка, и матушка. На редкость! Посетил епископа, но он оказался малогостеприимным.

С Лемноса отправился в Грецию, в Салоники. Город нес еще следы разрушения от недавнего землетрясения. Поклонился я останкам мученика святого Димитрия (под спудом)[10], а потом пошел к архиерею. Кажется, собор в Салониках, очень красивый, был посвящен имени знаменитого богослова и Солунского святителя Григория Паламы[11]. Теперешний архиерей, видимо образованный, отнесся [ко мне] тоже сухо. Что было, то было...

От него я поехал в лагерь военнопленных. Ими были наши белые... За проволочными решетками в военных бараках, оставшихся от союзников, уныло стояли наши бывшие герои. Меня внутрь даже не пропустили, а некоторые из них (помню скромного генерала Писарева) подошли к решетке. И я через нее им опять о чем-то говорил. Утешал ли? Обличал ли? Не помню...

Нигде я не видел такого обращения с нашими войсками, как в этих греческих Салониках — за проволокой. Кажется, после эти войска были перевезены в Сербию, где уже жили без решеток.

Оттуда я снова воротился в Константинополь. Тут вспомню еще раз о католиках. Я заболел. Русские доктора лечили меня от малярии — не помогло. Перевезли в болгарскую больницу, там тоже лечили от малярии — напрасно. Перевели во французский госпиталь имени генерала д'Эспере. И тут лечили от малярии. Доктор нашел особый тип ее.

Оказалось же, в конце концов, у меня воспаление кишок. Едва не залечили. Но организм вынес. Между прочим, католики предлагали повозить меня по Европе

и показать свои монастыри. [В госпитале] навестил меня митрополит Антоний. Он, по-видимому, забыл обиду и попросил не ехать к католикам.

— Не дай Бог вы (я) там где-нибудь умрете, а они соврут и раззвонят, что православный архиерей соединился с Римом.

Я не стал спорить и отказался от готовившейся поездки. Сказать правду, католики — большие любители обращать чужих в свою веру. И тот же архиерей Дольче во время моих визитов иногда полушутя говорил мне, указывая на портрет Папы, висевший за его креслом:

— Пойдем!

— Никогда! — отвечал я ему.

А однажды он сказал мне любезно:

— Я вас люблю.

— Почему? — спрашиваю его.

— Потому, что вы имеете веру!

Меня это не удивило. Конечно, это не значит, что католический архиерей не имел веры или был безбожником. Но, вероятно, наша русская непосредственность веры и сердечность ее показались западному уму, источенному сомнениями и рационализмом, неожиданным и отрадным явлением.

— Я познакомился с вашими архиереями,— продолжал он,— и написал Папе, что все русские архиереи очень благочестивы.

Выходил смешной каламбур: «Очень благочестиво» — по-французски trés pieux — «трепье», а мы, по бедности своей и выброшенности за границу, теперь были действительно как бы тряпьем.

Нужно сказать, что этот монсеньор Дольче относился ко мне очень дружественно и мило. По годам он годился мне в отцы. Понюхивая табачок и без особой чистоплотности смахивая остатки его на грудь своего подрясника, он почти все время улыбался мне. Конечно, ни в какой переход мой в католичество он не верил, а просто был по натуре своей симпатичным итальянцем. Его помощник — архимандрит, очень красивый брюнет, с выхоленной бородкой, тоже был любезен, но более из-за дипломатического такта, а не по сердцу. Однако и ему нужно принести благодарность. Еще я познакомился с двумя монахами иезуитского ордена: один происходил из известного русского польского рода графов Т. Он занимался со мною французским языком, без которого на Востоке невозможно обходиться иностранцу: и греки, и турки более или менее владеют им. Граф Т... был искренним, убежденным католиком-папистом. Он без колебаний верил, что спасти душу без веры в Папу решительно невозможно. И когда я на французском уроке выразился критически по этому вопросу (в чем я уверен и сейчас), то он крайне расстроился и простился со мною раздражительно. Нам, православным, очень трудно понять абсолютную приверженность католиков к догмату о Папе. А другой иезуит, француз, был ровен, симпатичен вообще. Французы-католики много легче других исповедников папизма: поляков, баварцев, австрийцев и бельгийцев.

После моей болезни мне пришлось познакомиться с целым католическим монастырем. По просьбе одного знакомого мне лица, через того же графа Т. католики предоставили мне в Кадике (Халкидоне) «епископскую комнату». Но в ней не было ничего особенного, кроме спальной кровати. Она была под балдахином, и на ней лежали, вероятно, три огромные перины, в которых можно было утонуть. Зачем это? Не думаю, чтобы так спали святые апостолы-рыбаки... Впрочем, и мы, русские архиереи, жили до революции в покоях не хуже губернаторских. Но, как беженцу, мне эта гора перин и подушек показалась неприличной для епископа.

В этом монастыре жили монахи ордена ассумпционионистов (в честь Успения Божией Матери) — отделения общего ордена августинцев,— в память блаженного Августина Карфагенского. Их делом было обучение в школах, потому другое их название — «братья христианских школ». Их жило тут до 25 человек. Все они где-то учили: рядом была школа да еще куда-то ходили. Личная жизнь их проходила в келиях, куда не допускался посторонний глаз. А общая, показная сторона была вся подчинена правилам дисциплины: в ночное время они вставали, молились. Даже получасовой отдых после обеда и ужина был для каждого обязателен. Для этого они уходили в читальню, где могли разговаривать между собою дважды в день, а потом (кажется, даже по звонку) быстро исчезали по келиям. За обедом один читал какие-то религиозные рассуждения на французском языке. Большинство из них были французы, другие понимали этот язык; в русских монасты-

рях читали «Жития святых», это проще и легче для [восприятия во время] обеда. В большие праздники, например в честь Фомы Аквинского, подавалось больше кушаний, в заключение даже раздавались папиросы для курения, и все должны были дымить. Было смешно. Питание у них было прекрасное, разнообразное, но не обильное. На столе стояло кислое вино. Во всем монастыре не было ни одного толстого инока. И вообще, я обязан сказать, что, прожив у них больше месяца, не увидел ничего дурного или смущающего. Это были церковные работники. В огромной двухцветной зале у них была большая библиотека до десяти тысяч томов. Все это было неплохо. Но вот что всегда удивляло меня: от них и вообще от всего их монастырского уклада жизни веяло холодом. Говорили ли мы, не было интересно: все — от ума, а сердца не слышно. Стоял ли я у них на богослужении в огромном храме, все казалось мертвым. Слушал ли я проповедь, она была похожа на школьный урок. Скучно... Скучно...

Ко мне они были любезны, но это казалось простой благовоспитанностью и расчетом. Но на русских они смотрели, по-видимому, иначе. Однажды кто-то из них сказал мне:

— Нам совершенно не интересны ни сербы, ни болгары (а у них было человек пять послушников из болгар), важней вы, русские.

— Почему? — спрашиваю.

— Потому что у вас сердечная вера.

Опять повторились слова Дольче о вере. Да, у них больше дисциплины, у нас сердца. Припоминаю, например, такой случай. В храме нужно было совершить выход из алтаря. Служитель должен был идти вперед со свечой. Но он забыл вовремя зажечь ее, а между тем священнослужитель уже торжественно шествовал за ним. Ну, что бы было у нас, русских, в подобном случае? Разумеется, церковник бросился бы исправить свою оплошность и зажечь свечу, а батюшка подождал бы эти десять — пятнадцать секунд. Но у них иначе: остановиться было уже нельзя, так как это нарушило бы дисциплину и чин, потому служитель пронес свечу незажженной. Маленький случай, но характерен для католицизма.

Совсем другое впечатление производила на меня служба православных греков. В том же Халкидоне у них был огромный собор в честь Святой Троицы. Языка греческого я почти не понимал (так же как и латинского у католиков, хотя учили мы их по десяти лет в духовных школах), но совершенно иной дух ощущался в храме. Это не оттого, что я был заранее не расположен к католикам, наоборот, даже старался искать у них тепло веры и жизни и не находил, к моему сожалению. А тут, у греков, помимо моей воли и рассуждения, от всего шла именно радующая теплота, я скажу — Благодать Божия.

Познакомился я и с настоятелем собора архимандритом Алексием. Это был старец очень высокого роста с длинной седой бородой, строгим серьезным лицом, но при этом совершенно простой и искренний. Тип Святителя Василия Великого. Он сразу высказал удивление и огорчение от имени греков, видевших, что православный архиерей живет у католиков. Я объяснил ему, что мне, после перенесенной опасной болезни кишок, нужна особенно нежная диета, и католики предоставили ее мне. А вот греки не проявили ни к одному из архиереев внимания и никого не устроили.

Он не мог спорить, но все же оставался при своем убеждении, что я совершаю измену Православию.

— А как же вы, греки, дружите с англиканами, хотя они — протестанты и дальше по вере от нас, православных?

— О-о! — с радостным лицом возразил он.— Англикане совсем иное дело, они наши крепкие друзья.

Напрасно было спорить о различии во многих пунктах веры и духовной жизни между англиканами и нами: у греков давно утвердилась взаимная симпатия с ними. Я и не спорил. Но от этого высокого архимандрита я вынес, несмотря на его строгость, прекрасное впечатление, как от столпа Православия, молитвенника и духовного подвижника. Отрадное впечатление вынес я от веры и молитвы мирян: сердечно молятся (дай Бог и нам всем так молиться). И уезжая из Константинополя, я увез несомненное впечатление: греки как народ твердо хранят святую православную веру, но от высших их представителей мне хотелось бы видеть больше любви и сердечности, однако и они держатся за Православие без колебания. У них почти нет переходов в католицизм или в секты. Слава Богу! А это — самое главное.

Из русских, как я уже говорил, католики уловили очень немного жертв. Между прочим, в этом монастыре я нашел двух молодых людей, соблазненных ими: один, Н-в, был сыном правого члена Думы от Саратова; другой, Л-в, был увлекающимся сентиментальным юношей. Оба они старались оправдать себя передо мною, но это им не удавалось, а я не настаивал. После Н-в ушел от католиков в масоны, но, кажется, разочаровался и ими. А Л-в вел переписку со мною из Бельгии, тоже разочарованный. Конца их не знаю.

И еще нужно вспомнить мысли самих католиков о прозелитизме у русских (среди других народов). Для упражнения во французском языке граф-иезуит, между прочим, принес мне календарь-ежегодник, страниц до 700, издаваемый в Париже под редакцией ученого-архиерея Бодрийяра. Там среди огромного материала встретил много интересного: что католики смотрели на нас, православных, как на раскольников, что на всех отступников от католицизма наложена соборная анафема. Кто не признает, что Апостол Петр был князь апостолов, а не первый среди равных, тому анафема! Кто не верит, что Папа — наместник Христа на земле — анафема! Кто не признает непогрешимости его — анафема!

Когда я показал эти определения отцу иезуиту Т., он даже смутился. Видимо, сам не знал всех деталей календаря или забыл о них.

— Ну, скажите: какое же тут может быть единение, если мы все под вашей анафемой!

Ему трудно было оправдаться.

Но зато в том же календаре признавалось, что по строгости аскетической жизни православные выше католиков. Но тут же бросается нам упрек, что хвалиться этим — фарисейство.

Сами же они действительно большие виртуозы в изобретении всякого рода компромиссов. Например, путешествующий перед затруднением: можно ли есть мясо, когда на пароходах не подают иной пищи? По-православному, не обратили бы особого внимания на эту мелочь. Ну, уж если согрешил этим, то покайся на исповеди: не хранил-де постов. Но у католиков все должно быть дисциплинированно, аргументированно, разрешено официально, чтобы совесть уже не мучила. И вот вопрос отправляется на обсуждение в какой-то отдел Папской консистории в Риме. Оттуда дается ответ приблизительно такой: «Хотя посты надлежало бы хранить, по крайней мере монахам и монахиням, но, принимая во внимание то и то... дозволяется при путешествии есть и мясо». И совесть католиков уже теперь спокойна...

Интересны следующие сведения. Всего католиков по миру официально что-то около 350 миллионов, больше, чем представителей иных исповеданий. Но их беспокоит прогрессивный рост протестантов, которых теперь уже тоже около 300 миллионов. А что касается православных славян, в частности русских, то они не отличаются усердием в деле обращения других в свою веру. Но зато, говорится в календаре, у русских есть два опасных свойства: первое то, что они умеют обращать в свою веру народы там, где ступала их нога, без особой миссионерской пропаганды, а влиянием духа своего; второе же то, что Православие множится быстро через естественный прирост.

Понятно поэтому, что католики ревниво борются против всякого расширения русских территорий: будь это при царях или при советской власти. Об этом мы еще раз услышим из книги одного бывшего итальянского министра, напечатанной в Америке.

Вспоминая все это, я могу сказать, что католики суть христиане, верные папизму, но довольно холодные, тепла от них я не видел. После, во Франции, история подтвердит это мое впечатление еще больше.

В заключение поделюсь впечатлением от посещения Айя (святой) Софии, этого чудного памятника византийского церковного творчества, теперь мусульманской мечети. Не буду говорить о величии, роскоши, красоте, свете этого храма. Но вот что остановило мое внимание при входе в самый храм. У задней стены его, на циновке, по мусульманскому обычаю, без обуви сидел на корточках какой-то турок и, медленно раскачиваясь телом, молился, закрыв очи и не обращая ни малейшего внимания на любопытствующих посетителей храма. И вдруг мне пришла мысль: почему Господь позволил отнять такую святыню от православных и отдать ее «нехристям»?

Неужели греки духовно ослабели за пятнадцать веков христианства настолько, что им нужна была катастрофа для дальнейшего сохранения Православия? Вот этот турок сидит, качается и молится по-своему, а ведь, пожалуй, сейчас во всем великом городе не найдешь грека, так смиренно молящегося где-нибудь в храме. Все они заняты «делами», а о Боге вспоминают лишь по праздникам... О русских беженцах и говорить не стоит! Даже немыслимо представить кого-либо из нас, архиереев ли, генералов ли, солдат, казаков, интеллигентов, вот так публично и сосредоточенно молящимися. Не терпим ли мы, и греки, и русские, наказание Божие за то, что продаем свое первородство христианской Истины за чечевичную похлебку материальной привязанности, как прочие, неверующие?

Христианство прекрасно, высоко, но не плохими ли мы стали христианами в мире? И вспоминается мне, как в России свои, русские — большевики оскверняли наши православные святыни: закрывали храмы, обращали их в клубы, иногда разрушали, как великолепный московский собор Христа Спасителя, вскрывали мощи, свозили их в музеи, ставили наряду с ними мумии и окаменевших крыс. За что? Для чего? Заслужили, видно, мы это. А может быть, через эти катастрофы и кощунства Господь хочет возвратить и нас, и самих безбожников к вере? Ведь допустил же Отец, чтобы евреи распяли его Сына, а потом поклонились Ему.

Не знаю судеб Божиих. Но перед глазами налицо очевидный факт: государство греческое пало, Айя София в плену у иноверных, но вера греков тверда. И это вот уже без десяти годов 500 лет, а если считать с первых нашествий магометан, то будет уже почти втрое больше. Но греки живут, а туречество разваливается. Что-то будет с нашей Русью дальше... Еще не ясно, не ясно...

Но поедем с читателем дальше по Ближнему Востоку — в Болгарию.

Для «делания белой политики» мы, бывшие члены Русского Совета, должны были разъехаться по разным странам. Мне и одному инженеру, симпатичному интеллигентному семьянину, назначена была Болгария. Туда я и отправился. Но перед этим посетил греческого Патриарха Мелетия (до этого жившего в Афинах) и спросил его: «Что я мог бы передать болгарскому Синоду от греческой Патриархии по поводу шестидесятилетней распри между ними?» С шестидесятых годов эти две нации разорвали церковное общение, причины к тому были национально-политические. В частности, болгары посягали на владение Константинополем и имели своего болгарского экзарха там. В настоящее время это место было вакантным. Греки осудили болгар и порвали с ними. Но Русская Церковь не признала этого акта и продолжала иметь общение и с болгарами, и с греками. Патриарх Мелетий в мирном тоне сообщил мне, что и Греческая Церковь желает мира, при этом он указал минимум своих условий.

Приехав в столицу Болгарии, в Софию, я на заседании их Синода сообщил о своей беседе с Патриархом. Архиереи выслушали меня, поблагодарили, и тем все кончилось.

Что сказать вообще об этой стране? Внешне будто все близко и похоже на Россию, включая военную форму. Но народные массы оставили во мне впечатление довольно дикого народа. Достаточно, например, послушать их ожесточенные споры в вагонах на политические темы: Боже, какой это кошмарный кавардак! Тогда у них было целых восемнадцать партий на семь миллионов народа. И каждый болгарин непременно орал, доказывая преимущество своей партии перед другими семнадцатью.

В вагоне стоял шум, как в пьяном кабаке.

Европейская конституция туго переваривалась в болгарской, недавно еще рабской, голове, но они не хотели отставать от культурных стран в своей политической кухне. Главной партией тогда была земледельческая, социалистическая. Не знаю уж, в каком именно виде социализм. Во главе ее стоял бывший сельский учитель Стамболийский[12]. Он отрицательно смотрел на белых, живших в Болгарии, и одно время грозило даже военное столкновение с ними. Но потом Стамболийский был убит, и совершился один из многочисленных военных переворотов. Мне казалось, что болгарам это даже нравилось как особый вид политической игры: подпольные организации, заговоры, покушения, убийства, уличные демонстрации, вооруженная борьба, уличная стрельба, свержения министерств, победа партии № 11, потом опять сначала.

Нерадостно было жить у них. Царь Борис — загадочный и хитрый человек[13]. Немец по происхождению, он, конечно, тянулся к Германии и был противником Советской России, но едва ли он был и другом царского режима. Дворец его был в центре города, но обнесен высокой стеной, точно это был не отец своего народа (да и какой же он был родственник славянам?), а завоеватель, постоянно боявшийся своих подданных.

Была ли любовь к России у народных масс? Откровенно скажу, не чувствовал я ее ни в чем. Буквально не могу припомнить ни одного отрадного факта в этом смысле. Единственным исключением пожалуй, можно назвать митрополита Софийского Стефана. В первую мировую войну, когда болгары оказались на стороне немцев, он убежал в Швейцарию, не желая участвовать в борьбе против России, освободительницы от турок.

Есть основания предполагать, что и в эту войну он не на стороне оккупантов-немцев, почему и подвергается каким-то притеснениям.

Но вообще болгарский народ неуравновешенный, и не неожиданно, что он уже дважды стоял против России на стороне немцев. Пусть это делается не вполне добровольно, под угрозой насилия, но ведь и сербы были в подобном же положении, однако же сохранили верность «Майке России».

Однажды, в 1942 году, в городе Монреале, в Канаде, мне пришлось встретиться с видным и опытным болгарским политическим деятелем, Костой (Константином) Тодоровым. Он старался оправдать болгарский народ, противопоставляя ему царя Бориса и прогитлеровскую клику его. Будто бы десятки тысяч верных России болгар томятся в концентрационных лагерях, многие за это даже убиты и т. д. Но я не особенно верил этому, что и высказал. Бывший тут собеседник, болгарский евангелический проповедник К., скорее согласился со мной, чем со своим соотечественником. Кажется мне, что болгарский народ нуждается не столько в раздельной конституции, сколько еще в сильном контроле над ним.

Впрочем, не забудем и того, что Болгария, вопреки фактическому господству в ней всесильных там немцев, доселе не объявила войны России, как это сделали католические страны Венгрия и Словакия и православная Румыния. Очевидно, царь Борис боится восстания своего народа, если не может сделать того, чего, несомненно, хотел бы, как немец. Может быть, и болгарское правительство не верило в победу Гитлера в борьбе против России, Англии, Америки и других союзников? Вероятно, обе причины сливаются воедино. Недаром же в Крыму хвалился мне болгарский офицер: «Мы — реальные политики»... Больше мне и сказать нечего о Болгарии.

Несравненно лучшее впечатление произвела на меня Югославия, точнее, часть ее — Сербия, и сербы, потому что словенцев и хорватов я мало наблюдал.

Сербы — народ геройский и прямой. После родной России и Карпатской Руси я любил и люблю больше всех народов сербов. Народ честный, трудолюбивый, терпеливый, выносливый, мужественный. Россию они любили искренно и сердечно. Я говорю это прежде всего о народных массах. Но и духовенство — особенно сельское, не тронутое Европой, прекрасно относилось к нам.

Потому в пору беженства нигде не оказали нам столько приюта, как в Сербии. Главная часть Белой Армии перекочевала сначала туда. Устроены были разные школы для молодежи и детей. Архиереям предоставлены роскошные, по беженскому масштабу, условия жизни в богатых монастырях. Многим выходцам из знатных родов, и в частности архиереям, выдавалась ежемесячная субсидия (архиереям по 500 динар), поддерживали наших писателей. Дали работу и военным. Профессоров приняли в высшие учебные заведения. Молодежь со средним образованием принимали в университеты. Дали право торговли желающим. Для руководства русскими организациями создана была особая «Державная комиссия» с русскими чиновниками в ней.

Патриархия в Сремских Карловцах приютила митрополита Антония с Синодом и канцелярией. Разрешила управлять русскими церквами по всей стране, сама не вмешивалась в наши дела. И наконец, содействовала устройству нашего «Всезаграничного Церковного Собора» в Карловцах осенью 1921 года.

И все это делалось не потому, что мы были белые, а просто потому, что мы русские. Правда, главные руководители русской эмиграции оказались там из крайне правого лагеря, но это уже свойство антисоветской политической

и военной психологии белых, а не давление сербов и даже их правительства. Конечно, король Александр[14] не сочувствовал коммунизму, но и не боролся с Советским Союзом, а лишь долго воздерживался от признания его. Почему? Слишком многим обязана была Сербия царскому правительству в прошлом, за освобождение от турок, а особенно за защиту ее от немцев после известного убийства в Сараеве австрийского престолонаследника Фердинанда.

В сущности, Россия положила себя на жертвенник прежде всего ради сербов. И царь Николай II искренне был готов защищать их. Поэтому не случайно, что в одном из храмов Южной Сербии бывший русский император изображен в виде мученика со святым ореолом вокруг главы его.

Конечно, связывала оба правительственных режима и одна форма правления — монархическая. Только в Сербии она была несравненно более демократическая. Тут всякий серб мог смело протягивать руку своему королю, любовно называя его на «ты».

Связывало даже и родство правящих дом. Сестра короля Елена была замужем за одним из сыновей великого князя Константина Константиновича. Сам Александр получил воспитание в русской школе.

Многие сербы учились в наших академиях. Будущий Патриарх Варнава (уже умерший) был лишь курсом старше меня в Санкт-Петербургской Духовной Академии.

Все это связывало оба народа.

Но особенно близкими считали нас, русских, в народных массах. Оба народа — глубоко демократичны.

В храм сербы ходили редко: на Пасху («Ускрс»), на Рождество («Божие») да на свою «славу» (это — ежегодное воспоминание дня, когда их предки принимали христианство тысячу лет назад). Но они дорожат своим Православием крепче, чем болгары, и не слабее греков, своеобразно. Вот такова общая характеристика этого славного народа.

Теперь мне нужно рассказать о главном событии эмигрантской жизни, случившемся в Сербии, на Карловацком Церковном Соборе 1921 года, который имел большое значение не только для судеб эмиграции за границей, но даже для жизни Церкви в Советском Союзе. И доселе влияние этого события все еще продолжается как в Европе, так и в других странах Америки, Азии — по всей эмиграции.

Я напишу здесь о его общественно-церковном значении, а о чисто церковной стороне можно узнать из протоколов этого Собора (неугодное большинству скрывалось от общественного взора). Цель Собора была церковная. Но политические деятели эмиграции превратили его в партийный съезд. Случилось это так.

Правые группы по всей Европе, руководимые центром из Германии, где работали такие «крайные» люди, как члены Думы Марков, Крупенский[15] и др., привели на Собор своих партийцев. Впрочем, это и не трудно было, так как эмиграция вообще была правая. А левые или даже умеренные группы, как кадеты, не интересовались церковными делами вообще или же не надеялись провести своих кандидатов. Таким образом, большинство из мирян оказались из лагеря правых или так называемых «черносотенцев». Кроме названного лица, можно упомянуть следующие имена: Трепов, бывший премьер-министр; граф Апраксин, бывший Таврический губернатор, а потом член Московского Собора; профессор Локоть, генерал Батюшин (из жандармов) и др. Архиереи сначала были умеренными, но под давлением большинства повернули потом в их сторону. А такой вождь, как митрополит Антоний, и сам был единодушен с ними.

Духовенство среднее было в большинстве весьма благоразумно. Учитывая это, я еще на Константинопольском собрании провел интересное, по моему мнению, предложение: выделить духовенство в особую группу. По наказу Московского Церковного Собора работа Карловацкого Собора состояла из двух этапов: сначала вопросы решались общим голосованием епископов, духовенства и мирян. А потом всякое решение проходило еще через «Совещание епископов» и, в случае согласия их, вступало уже в силу.

Таким образом, среднее духовенство выбрасывалось в среду мирян, между тем, по догматическому и каноническому смыслу, оно, наоборот, является сотрудником и руками архиереев, потому ему надлежало бы быть с ними вместе. Но, помимо этого, история собрания в Константинополе показала, что священники в об-

щем были более церковны и благоразумны, чем мирские люди, нередко запутанные в политические страсти. То же самое оказалось и в Карловцах.

Ввиду всего этого, чтобы смягчить удар правых политиканов на Соборе, мы в Константинополе и приняли такой порядок: сначала голосуют все вместе, но потом всякое решение поступает на обсуждение духовенства и уже с его мнением представляется на окончательное решение Совещания епископов. Такой проект на заседании Архиерейского Синода в Карловцах был вполне одобрен всеми епископами, включая и митрополита Антония, и передан на Собор.

Когда же он был предложен там, то против него поднялись правые делегаты. Начал критику граф Апраксин. Он стал в позицию защитника Московского Собора, как ни в чем не подлежащего дополнениям или изменениям. Между тем самим Собором этим было постановлено, что епархиальные собрания могут вносить новые предложения на обсуждение будущего Собора, да и по самому существу дела могли всегда возникать новые вопросы и дополнения.

Конечно, правые понимали это, и один из их партии, Н. Т., даже дерзнул заикнуться о резонности такого проекта. Но на него свои зацыкали так, что он, не успев еще разогнуть своей спины по окончании речи, трусливо сел. Тут я уже ясно увидел, какое организованное насилие творят правые не только над своими членами, но и над Собором.

Но, конечно, не по каноническим соображениям — Апраксин был адвокатом Московского Собора,— а по простым политическим мотивам: правые большинством подавили бы духовенство, но, предоставив ему право особого мнения, оно своим голосом могло бы для Совещания епископов быть опорой в случае, если бы политиканы слишком заврались. Увы! Архиереи, прежде единодушно одобрившие этот проект, быстро изменили свое решение и пошли на поводу у правых.

Другой факт. В числе членов Собора оказался бывший председатель Государственной Думы Родзянко[16]. Он вел себя очень скромно и сдержанно. Но те же правые делегаты подняли против него неистовую агитацию, как будто против главного виновника всей революции. Я выступил с речью в его защиту, но это не помогло. И митрополит Антоний после личной беседы с Родзянко заявил Собору, что тот добровольно, ради мира, слагает свои полномочия и уходит. Так предал председатель Собора члена, ничем не опороченного церковно. В этом опять проявилось засилие и насилие правых.

Такое же насилие проявилось еще и перед заседаниями Собора. Правые сразу же подняли вопрос: служить ли панихиду по убитом царе и его семье. Это совершенно не входило в обязанности церковного собрания, не было предусмотрено наказом наших епископов, не требовалось самими архиереями и духовенством и было исключительно политической демонстрацией правых. И увы! Опять архиереи пошли на уступки и отправились в Патриарший собор на служение. Я возмутился (и сейчас возмущаюсь) таким насилием и даже, в сущности, кощунственным использованием святой молитвы для политических целей и отказался идти на панихиду.

Да, думаю и сейчас эмигранты винят большевиков в давлении на Церковь, но если бы правые политики получили в свои руки власть, то они командовали бы ею без зазрения совести.

На дальнейших заседаниях Собора они систематически и диктаторски проводили свои монархические идеи. Правда, большинство соборян были еще монархистами, но мы не хотели из Собора делать политическое собрание. Однако правые продолжали давить, в первую очередь поставив вопрос о монархии, и непременно о династии Романовых. На этот последний пункт они особенно напирали. Напрасно более умеренные члены старались отвести вопрос, который мог бы расколоть наш Собор, те большинством задавили и провели все свои, заранее ими предрешенные на частных собраниях пункты.

Некоторые с нашей умеренной стороны объясняли, что такое поведение наше за границей может угрожать Церкви в России. Правые были неумолимы: мы-де за них здесь должны говорить правду.

Так под знаком политического насилия правых и прошел весь Собор. Меньшинство, а из среднего духовенства большинство, подчинилось.

И только один из нас, русский профессор физики во Франкфуртском университете, Февицкий, прекрасный христианин и настоящий ученый (после, в 1925—1926 годах, испанское правительство вызывало его в Барселону организовать

физический факультет в университете, оттуда проездом он посетил меня в Париже и говорил на тему необычной сжимаемости материи), не вынес этого насилия и подал просьбу о сложении своих полномочий. Но, конечно, председатель митрополит Антоний провел этот скандальный факт незаметно. Однако о нем потом узнали даже в Москве. Да будет помянуто добром имя этого человека, честного и достойного! Иногда и я жалел: почему не ушел сразу с этого обманного собрания...

Написали также обращение к генералу Врангелю и Белой Армии; это было, естественно, поручено мне. Но правые не любили Врангеля, зная широту его воззрений, и потому провели этот вопрос с еле скрываемым недоброжелательством. А представитель генерала Врангеля, генерал Никольский (кажется, из жандармов), вопреки умеренному направлению своего начальника, всецело подчинился захватнической воле правых. За это, как я слышал позже, он получил выговор от Врангеля.

Видя во мне противника, вождь правых — Марков, Локоть и кто-то третий посетили меня специально, пытаясь привлечь на свою сторону. Разговор вели о монархии, я что-то возражал им спокойно, потом спросил их:

— Но ведь наследственный государь может оказаться и малоспособным?

— Да разве он будет править? Мы за ним будем стоять!

Я удивился такой политической развязности, а лучше сказать — наглости.

— Как?! Монархисты, вы можете такие вещи говорить про монархов?

Но им ничуть не было стыдно. И я еще больше оттолкнулся от них: какое лицемерие!

Конечно, во всех постановлениях Собора сквозила идея борьбы против большевиков.

Из политических вопросов затронули и социализм. На этом особенно настаивал я, наученный горьким опытом малопринципиальности Белого движения. Но, к моему удивлению, эти политики совершенно не интересовались таким общим и важнейшим идеологическим вопросом исторического момента. И даже доселе не могу понять этого их равнодушия, хотя тот же профессор Локоть — раньше или после — выпустил брошюру под заглавием «Завоевание революции». Наскоро состряпали все же маленькую комиссию, и я предложил на собрании семь или восемь пунктов, конечно, против социализма. Они без интереса и обсуждения были приняты Собором и напечатаны в протоколах. Насколько помню сейчас (все пишу по памяти, без документов), наши возражения против социализма покоились не на социал-экономической несостоятельности его, а на психологической трудности для эгоистического человечества провести его в жизнь, так как этим отнимается собственнический интерес, этот двигатель человеческой энергии. Но, разумеется, говорилось и о материалистической базе и антирелигиозности его, и кажется, уничтожении семьи... Уж не помню всего теперь.

Что касается чисто церковных наставлений, то в первую очередь было торжественно определено, что Собор всецело подчиняется Патриарху Тихону и ему будут направлены на утверждение постановления нашего Собора. Но это потом оказалось великою ложью! Карловчане (так стали звать последователей этого Собора и приверженцев митрополита Антония и Карловацкого Синода) в следующем же году пошли открыто против Патриарха, о чем будет написано дальше.

Устроили Высшее Церковное Управление за границей, с участием никогда не приезжавшего на собрания из далеких Афин протоиерея Крахмалева и генерала Батюшина — человека с жестким диктаторским нравом.

Постановлено было написать несколько посланий общеморального характера и, между прочим, против свободной жизни эмигрантских женщин (а разве мужчины были чище?), но особенно важно, хотя и без конкретных последствий, было то, что от имени Собора митрополит Антоний разослал послания правительствам разных стран о советском правительстве, прося бороться против него.

Перед окончанием, по предложению члена Собора Н-ва, мне, как главному инициатору Собора, пропели многолетие... Но я глубоко раскаивался, что создавал его... Конечно, самая идея была совершенно правильна и необходима, но ее испортили политические страсти людей. Государственное насилие, которым грешила власть в России, перебросилось теперь на политиков и за границу... Нелегко

выветривается историческое наследие... Невольно задумываешься: не было ли благим делом Промысла, что все эти «бывшие люди» удалились за границу и оставили Церковь, ее свободу и самостоятельность. Думаю, так! И есть одно конкретное основание к этому. Одному архиерею архиепископу Т-му Г-му удалось говорить с Патриархом Тихоном, и в беседе с ним Патриарх высказал такую мысль:

— Еще следует думать да думать: нужно ли восстановление монархии?

Может быть, он в другой форме выразился: полезна ли для Церкви была монархия? Теперь уж не помню точно — прошло 22 года. Но суть та же. Эти слова дошли до заграницы, и я их повторил в своей проповеди в церкви русской колонии в городе Земуне, в предместье Белграда. Присутствовавший тогда на службе генерал Батюшин тотчас же донес на меня митрополиту Антонию, и мне предложено было «впредь не касаться политических вопросов в проповедях». А Собор был политическим, это можно... Но факт остается фактом: если уж Патриарх, да при таком режиме как советская безрелигиозная власть нашел возможным выразиться так о монархии, то значит, не особенно жалел об уходе прошлого. А он ли не знал тогда настоящего?

Политические отзвуки этого Собора загремели далеко. В России советская власть усмотрела, и совершенно верно, в таком поведении Карловацкого Собора борьбу против нее, и начались притеснения. И Патриарх, и архиереи возмущались действиями этого Собора. Об этом написано в книге профессора русской истории Казанского университета Стратонова «Церковная смута» на основании его собственных впечатлений, наблюдений и бесед с архиереями в России.

Но гораздо большее значение этот Собор имел за границей... Когда мы, архиереи, обсуждали на заседании Карловацкого Синода наше константинопольское предложение об именовании «Собор», то митрополит Антоний не хотел принимать этого, а рекомендовал назвать его лишь Собранием. Но когда дело благодаря правым делегатам повернулось в пользу монархических идей, тот же митрополит Антоний желал, чтобы этому Собранию присвоить имя «Собор» (да еще «заграничный»), а своему имени прибавить значительности. Он оказал влияние на все центры русского рассеяния: на Европу, на Азию (Китай, Япония), на обе Америки. Везде взяли верх в конце концов «карловчане», то есть группа митрополита Антония. Сначала еще боролись против него митрополит Платон в Америке, митрополит Сергий (Тихомиров) в Японии и отчасти Евлогий в Европе, но мало-помалу возобладали карловчане.

Митрополит Сергий, несмотря на то что являлся японским гражданином, был японским правительством удален со своего поста главы Японской Церкви и заменен японцем, рукоположенным русскими архиереями карловацкого толка.

Преемник отколовшегося американского митрополита Платона, митрополит Феофил, добровольно подчинился митрополиту Антонию, а теперь и Анастасию, преемнику его. Кажется, в Европе сдался (не вполне) и митрополит Евлогий.

Причиною этого являются не церковные каноны, а политическая ситуация. Та правая, ярая антисоветская монархическая политика, какую взял Карловацкий Собор 1921 года, отвечала и японской, и немецкой (в Европе), а отчасти американской (а особенно в Южно-Латинской Америке) ориентации правительств, которые были тоже настроены против Советской России. Отсюда станет понятным, почему Карловацкий центр стал и стоит на прогитлеровской позиции, это союзники по общим убеждениям вражды к Союзу нашей Родины.

К ним теперь (уже года четыре назад) присоединились и американско-русские архиереи («феофиловцы»).

Вот в этом и доселе заключается немалое и зловредное последствие Карловацкого Собора 1921 года.

Разумеется, Патриарх Тихон не мог оставить без внимания такое вмешательство заграничного Собора в жизнь Русской Церкви. Да и советское правительство (насколько помню) само указало ему на антисоветскую деятельность карловчан. И Патриарх Тихон в августе следующего, 1922 года прислал за границу указ, осуждающий политическую деятельность заграничной части Русской Церкви. Зная, что во главе этого движения стоит митрополит Антоний, приказывал ему устраниться от дел, а управление европейскими

приходами передавал митрополиту Евлогию, который прежде жил в Берлине, а теперь приехал в Париж. Этот архиерей, по свойству своего характера, всегда отличался способностью к компромиссным мерам, стараясь занимать срединное «умеренное» положение. Будучи членом Государственной Думы, он был правым, но не очень, а где-то между октябристами и националистами. В частных отношениях всегда старался быть любезным, чтобы всем угодить, и т. д. Разумеется, он старался угождать и своей пастве, состоявшей преимущественно из антибольшевистских эмигрантов, но и тут он не становился на сторону крайних партий, а занимал центр «большинства». В беседах со мной он не раз повторял любимую им сентенцию из Ветхого Завета, данную ему каким-то старцем: «Не будь вельми правдив», то есть не будь очень прям в действиях своих. И это отвечало его характеру. Но нужно знать, что он отнюдь не был слабым по природе. Наоборот, при случае он мог быть и властным, и настойчивым и даже мог давить на других, но только скрывал это, когда то казалось ему выгодным и практичным. Зная это его свойство умеренности, Патриарх Тихон и поручил ему управление Церковью за границей. Митрополит Антоний, наоборот, отличался резкостью и торопливостью суждений и очень верил в себя как умнейшего человека, не нуждающегося в советах. Но в действительности иногда поддавался влияниям.

Когда получили этот указ Патриарха, то первым движением митрополита Антония было желание исполнить его в точности. Он дал в Париж телеграмму на французском языке: «Волю Патриарха нужно исполнить». Но потом пошли визиты политиков, письма от партий, и он изменил своему естественному и правильному решению. В Карловцах был созван съезд епископов, большинство его стояло на антониевской позиции, только митрополит Евлогий и я оставались на дисциплинарном каноническом повиновении ясному указу Патриарха. Но так как мы были в ничтожном меньшинстве (двое против восьми или девяти), то ушли с заседания, оставаясь при своем мнении. Тогда большинство прислало делегацию с каким-то компромиссным предложением, но с оставлением митрополита Антония и Карловацкого Синода на прежнем месте, только с непременным участием в важных делах и митрополита Евлогия. Последний согласился на это, добавив еще что-то. Я же один остался верным патриаршей воле. Когда делегация ушла, то митрополит Евлогий рассказал мне об отрадном случае, как он, единственный из членов Санкт-Петербургского Синода, запротестовал против незаконного брака великих князей (два брата женились на двух сестрах). И добавил:

— И вы (я) всю жизнь будете с удовлетворением вспоминать нынешнюю вашу твердость. А вот я не смог так.

И он виновато, но без всякого мучения совести улыбнулся.

Я же подал митрополиту Антонию письменное заявление с протестом и обещал признавать митрополита Евлогия. Но сей последний написал мне, что он-де просит меня не нарушать мира и т. д. И с этих пор началась борьба двух заграничных течений: правого и умеренного. В сущности, последнее отличалось от первого лишь степенью, а не в корне: оба были противосоветские и самочинные. Та верность Патриарху, о которой было торжественно заявлено на Карловацком Соборе, испарилась мгновенно при первом же столкновении двух воль — эмигрантской и российской.

При определении по поводу названного указа Патриарха изобретена была, однако, иезуитская лицемерная формула:

— Указ Патриарха принять, но, учитывая его неосведомленность в заграничных делах (какая дисциплина повиновения!) и невозможность остаться всей Заграничной Церкви без центрального высшего органа, а также несвободу волеизъявления Церкви в России и т. д., и т. д... Результат — не послушались Патриарха.

Стали архиереи выбирать новый состав Синода. Я, доселе непременный член как епископ армии, которая составляла основную массу заграничных приходов, разумеется, был обойден. За меня подано было лишь два голоса (митрополит Евлогия и архимандрита Анастасия). Утешая меня, они оба выражали сожаление, что нет теперь «оппозиции в Синоде», но я ответил им:

— Сейчас за границей время Антония, потом будет — ваше, а после вас — наступит мое!

То есть направление жизни за границей сначала было крайне правым, потом будет более умеренным, а кончится моим — единственно с Матерью-Церковью. Жизнь это оправдала. Пока еще у власти Анастасий, Евлогий и Феофил, но история их закатывается. Современная война быстро подвигает к концу это направление «умеренной борьбы», и мы уже накануне повиновения заграницы общей Патриархии.

Но для изживания карловацкого наследия потребовались двадцать лет и жесточайшая война Родины с немцами.

Через некоторое время митрополит Антоний при встрече со мной в карловацком патриаршем саду обратился осторожно с предложением:

— Мы, архиереи, сделали секретное постановление: впредь не принимать приказов Патриарха, если они нам покажутся несвободными. Вы согласны с этим?

Я ужасно, в сердце, возмутился такой развязностью митрополита Антония и других архиереев:

— Боже меня сохрани от этого! — ответил я ему.

Такие бунтарские, неканонические предложения делал митрополит Антоний, постоянно ссылавшийся на каноны! Недаром я часто говорил и говорю: эти архиереи — в сущности, революционеры, только справа. Как монархисты заявили мне, что они будут править монархом, так тут же ужасную самочинность предлагает мне и митрополит Антоний. Не каноны, а своя воля правила ими. И от этого, как учит история, происходили все ереси и расколы в Церкви.

Еще те же архиереи приняли другое секретное решение: поддерживать главенство за границей великого князя Николая Николаевича[17]. Я и от этого отказался. Кажется, они боялись «бонапартизма» Врангеля.

После такого поворота церковных дел я решил уйти от центральных учреждений, оставив за собой обязанности епископа армии, и ушел в сербский монастырь, собрав там до тридцати русских монахов и послушников. Между ними оказался брат Владимир Курганов, с которым мы ехали вместе с большевиками в одном купе из Крыма. После он был настоятелем монастыря в Пожаревецкой епархии и скончался еще молодым от туберкулеза: в груди его была неизвлеченная пуля, и она привела к этой болезни.

Из значительных событий во время моего пребывания в Сербии нужно отметить совершенно неожиданную смерть генерала Врангеля. Из Сербии (он одно время тоже жил в Карловцах) он переехал в Бельгию. Там у него открылась какая-то быстротечная («миллионная») чахотка. В несколько дней он сгорел от нее. Разнеслись слухи, будто его отравили большевики через близких людей — денщика или кого-то еще. Но это совершенная фантазия. Когда тело его привезли на погребение (почему, не знаю) в Белград, я виделся с женой его, Ольгой Михайловной, и она лично заявила мне, что муж ее умер от болезни.

Смерть его произвела на меня очень сильное впечатление, точно что-то рухнуло за границей. А бывший ближайший его сотрудник и друг, генерал «Паша» Шатилов, по этому поводу произнес глубокую по смыслу и верную фразу: «Умерла душа Белой Армии».

Да, можно сказать, что с Врангелем умерло Белое дело. Генерал Деникин, хотя жил во Франции, но был точно забыт. Еще при жизни Врангеля возглавление всего дела борьбы было, по настоянию все тех же правых, передано Николаю Николаевичу. Но это не принесло ни малейшей пользы, несмотря на титул и принадлежность к династии Романовых. И когда он скончался (после Врангеля), то это было принято эмиграцией тоже прохладно. Тело его похоронено было в подвальном этаже русского храма в городе Каннах, на берегу Ривьеры. Также не произвела впечатления и смерть старицы-матери царицы Марии Федоровны.

Мне приходилось слышать, что мать все еще не верила в смерть царя и его семьи, хотя и не имела особых оснований к тому, кроме слухов и легенд. Конечно, всякой матери болезненна смерть сына или внуков... Жила она в стороне от политиче-

ской борьбы, в родном датском королевском доме. У нее была домовая православная церковь и духовник-священник (протоиерей Л. Колчев). Тихо закончила она в глубокой старости свои дни. Много горя видела. Царство ей небесное!

Кстати, упомяну уже и о других членах династии Романовых, которых пришлось видеть или от других слышать.

Сестра государя, Ксения Александровна[18], однажды посетила годичный акт нашего Парижского Богословского института. Еще не старая, с очень приятным мягким выражением лица и даже с застенчивостью, она слушала отчет и философский скучнейший доклад (все о его «Софии») профессора С. Н. Булгакова. И ей ужасно хотелось дремать, так что она с необыкновенным усилием сдерживала свои веки, чтобы не закрылись, а иногда прикрывала рот от зевоты. Хорошее скромное впечатление осталось от нее. Вероятно, она со всем примирилась, не верила и в то, что брат ее жив. Говорят, что и личный, и семейный крест свой она несла смиренно.

Простое и скромное впечатление производил и князь Гавриил Константинович[19]. Очень высокий, как все Константиновичи, некрасивый, но с добрым лицом, он пользовался симпатиями и ничем не проявлял своего династического происхождения. Был очень прост. Усердный богомолец, он посещал храм, где был митрополит Евлогий. Но сестра его жены, бывшей балерины, весьма симпатичная женщина (тоже, кажется, бывшая балерина, по мужу Ч.) посещала нашу Патриаршую церковь в Париже. Отсюда можно сделать предположение, что и родственник ее — князь — не был против лояльного направления Матери Церкви.

Еще мне пришлось познакомиться с князем Андреем Владимировичем[20] и с его женой, бывшей балериной Кшесинской[21], а потом и с сыном их. И они были просты и тоже не величались династией. Она занималась балетным преподаванием и выглядела значительно моложе своих пожилых лет.

Был однажды с архимандритом Владимиром у княгини Милицы Николаевны, жены Петра Николаевича[22], дочери князя Николая Черногорского. Она очень пополнела; угощала нас чаем, была весьма тактична и сдержанна. Я неумело напомнил о ее бывшем духовнике, архимандрите Феофане, имя которого было связано с Григорием Распутиным и первым его знакомством с династией именно через Милицу Николаевну. Но она дала мне понять, что ей нежелательно трогать старые больные раны.

Слышал и знал о переписке княгини Ольги Александровны[23] с Н. Н. Эта будто верила в то, что бывший царь жив. Была талантливой акварельной художницей.

Еще слышал о княгине Татьяне Константиновне[24], сестре Гавриила. Она жила с детьми в Швейцарии и занималась фермой: доила коров, разводила огород, вела свое хозяйство одна, без прислуг. Однажды посетил ее митрополит Евлогий. Он рассказал, что после обеда маленькие дети ее начали чисто вылизывать тарелки. Удивленный, он спросил, зачем они делают это?

— Мамочке будет потом легче мыть посуду,— просто объяснили они.

Доходили слухи и о князе Кирилле Владимировиче[25], который сначала объявил себя старшим в роде Романовых, блюстителем императорского дома и кандидатом на русский престол, а впоследствии заявил и о своем императорстве. Но это произвело среди массы эмиграции впечатление пустого выстрела. Не только в России, но даже и за границей никто этим не загорелся. Даже Карловацкий Синод не осмелился стать открыто на его сторону, продолжая считать его лишь великим князем. Но защитникам его императорства не запрещалось служить молебны о нем как об императоре. За него целиком стала младоросская партия. Но Церковью руководители партии признавали потом нашу Патриаршую Церковь. О них скажу еще после. Правые не очень любили князя Кирилла, вспоминая тот факт, когда он во главе морского экипажа, с красным знаменем и бантом приветствовал революционную Думу.

Вся эта история с императорством более походила на пробную попытку бросить идею в Россию в надежде на ненависть в народе к советской власти. И политика эта потерпела жестокое крушение. Ясно было, что в России не думают о восстановлении монархии вообще и династии Романовых в частности.

Пришлось еще видеть дочь Кирилла, Киру Кирилловну[26], в Париже, где я крестил

ребенка, она была крестной матерью. Впечатление осталось не в ее пользу, было жалко ее. После она вышла замуж за одного из Гогенцоллернов, внука императора Вильгельма II. Говорят, будто перед этим их родные запросили Гитлера: хорошо ли, что состоится этот брак? Он одобрил. Слухи шли о том, что ему нужен был немец, женатый на русской принцессе как кандидат на русский престол после покорения России немцами. Все это более занятно, чем серьезно.

История теперь так не делается. Нужно заработать свое положение, а не ждать его на золотом блюдце. К сожалению, за это время революции не выдвинулось ни одного сильного имени из династии Романовых; будто бы иссякла в них трехсотлетняя сила. И напрасно надеялись некоторые эмигранты на имена: есть Всеволод — ему владеть; есть Тихон (названный в честь святителя Тихона) — на нем покоются надежды. Но сами Романовы, кажется, гораздо скромнее о себе думают, чем другие о них. Это — честь им!

И теперешний хранитель династии Романовых, сын Кирилла, Владимир Кириллович, смотрит на будущее без фантазии и нашел лучшим пойти рабочим на английский завод, чем играть в императорство не принадлежавшей ему короны и империи. Писали в газетах, будто Гитлер предлагал ему примкнуть к борьбе против большевиков, но Владимир, к чести и уму его, решительно отказался, как и огромное большинство русской, прежде антисоветской, эмиграции. Родители его оба умерли...

Заканчивая обозрение сербского периода, я упомяну об одном общественном наблюдении. Как сказано выше, после бунта архиереев против Патриарха Тихона я ушел в монастырь. В наше распоряжение было дано огромное имение: около 800 гектаров леса, 150 полевой земли, 10 десятин садов, виноградник, скотина, птица и проч.; всего около 1000 десятин. И я неожиданно сделался «богатым человеком», хотя и не собственником. О, сколько я намучился с этим имуществом и с людьми! Скажу, что более тяжелого периода жизни я не имел ни до, ни после. Самую последнюю бедность мне приходилось переносить легче, чем владение этим богатством. Сколько забот, хлопот, столкновений, мук. То околевают свиньи, то заболел породистый телок, то бесчисленные крысы уничтожили цыплят и гусят, то сгнивает зерно, то крадут яблоки, но главное — воруют и воруют лес. Два лесных сторожа из русских интеллигентов охраняли его с ружьями. Но где же укараулить 800 десятин! А если поймают воров, еще хуже мне. Я знаю, что у бедных селяков своего леса нет, а как жить без него? Правда, мы им сдавали его на льготных условиях, но все же как удержишься от соблазна? И я делаю им выговоры, кричу на них, подаю (это была моя невольная обязанность как настоятеля) в суд, а сам тайком прошу судью не строго наказывать. Зарекся я от той поры быть богатым (хотя и не был им). Богатство, его заботы мне показались духовно мучительнее нищеты! И доселе с тяжестью вспоминаю о том времени и не желаю себе богатства: оно отягощает, привязывает к себе, портит души и взаимоотношения людей. И... раздражает бедняков. Тогда и после я видел, что в сердцах селяков-сербов назревает революционный дух отнять у монастырей и других владельцев богатые имения. И сейчас не отказываюсь от этого впечатления. Вероятно, после этой войны будут перемены. К тому же монастыри там безлюдные: один-два монаха, работники, лесники, кухарка и все... И сотни десятин. Ненормально даже и с христианской точки зрения... Об этих монастырях у меня осталась особая рукописная книга: что представляют они из себя... К счастью, я недолго «владел» этим богатством, в 1923 году мне пришлось уехать епископом в Карпатскую Русь. Но это я отнесу уже к разделу «Европа».

Еще вспоминаю, как после возвращения из Карпатской Руси опять в Сербию мне пришлось быть законоучителем в двух военных «кадетских» корпусах: в Донском в городе Билеча, около Черногории, и в «Русском» в городе Бела Церква, в Банате. В Донском, имени генерала Каледина (который застрелился в начале большевизации Дона), было много лучше. Кадеты-казаки и их преподаватели были проще, демократичнее, цельнее и не играли в реставрацию. Но в «русском» корпусе эта сторона была гораздо сильнее, это было труднее переносить... Вечная игра в царский режим... И здесь были люди хорошие, и корпорация учителей хорошая. Но дух «старого режима» тяготел над всеми нами. Однако я уживался со всеми. Храню хорошую память о юношах и детях, особенно много милого осталось в душе от Донского корпуса. Я не ушел бы оттуда, но меня митрополит Евлогий вызвал инспектором в Парижский Богословский институт. Помню, когда автомобиль увозил меня от этих милых юношей, один из них бежал за мною шагов триста, точно

ему хотелось удержать меня. А сколько я видел чудных душ на исповеди! Счастливые воспоминания! Но это — уже духовного свойства, а не общественного... Вспоминаю еще, как мой отказ служить литургию за самоубийцу генерала Каледина (в училище его имени) спас одного полковника, преподавателя корпуса. Он пришел ко мне и спросил:

— Почему не служили?

Я объяснил ему церковную точку зрения на страшный грех самоубийства и прямое запрещение канонов молиться за самоубийц, за исключением лишь случая удостоверенного ненормального состояния... Он внимательно выслушал и сказал:

— Спасибо. А я хотел нынче покончить с собой самоубийством.

И после мы продолжали работать вместе. Начальник корпуса хотел даже пожаловаться на меня митрополиту Антонию за отказ служить панихиду по Каледину, но потом, когда я сказал ему: «Жалуйтесь», раздумал.

Провожали меня в Парижский институт очень дружно и учителя, и кадеты. Иначе через два года провожали меня из «русского» корпуса в Белой Церкви после того, как я заявил о своей лояльности к советской власти. Но об этом расскажу в главе о лояльности.

На этом кончаю повесть о Ближнем Востоке. К сожалению, мне не удалось побывать ни в Румынии, ни в Палестине, ни на Афоне. На последний не пускали греки по стародавней боязни конкуренции с русскими монахами. Турки оказались любезнее к русским, чем свои, православные. Некоторых беженцев-послушников они даже выселили потом.

Но святые подвижники и вообще хорошие монахи не исчезли и в наше время. С двумя из них я буду переписываться по вопросу о лояльности, а третьего, истинно святого, я чтил и чту глубоко. От него у меня остались замечательные письма (которые я переслал потом для напечатания К. Шевичу, в монашестве — отцу Сергию, человеку из аристократической семьи, весьма прекрасному).

Был в Македонии. Там в мое время еще жили разбойники, почти официально признаваемые, как своего рода герои. Был и в Хорватии, и в Словении. Там те же самые сербы по крови и языку. Но за 100 лет католической культуры они значительно стали отличаться по духу от сербов: католицизм превратил их в послушных и мягкотелых рабов, врагов сербов-братьев. Эта рознь не уничтожилась даже и тогда, когда все три ветви соединились в одно государство Югославия. Теперь, во время нашествия Гитлера на Балканы, это проявилось открыто: словены, особенно хорваты, оказались в немецком лагере против сербов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кадикей-Скутари (Искюдар)* — малоазийская часть Константинополя, лежит на восточном берегу Босфора на месте древних Хрисополя и Халкидона. IV Вселенский Собор состоялся в 451 году.

[2] *Юстиниан* Великий (527—565) на месте сгоревшего в 532 году храма возвел величественный знаменитый храм Святой Софии.

[3] *Масарик Томаш* (1850—1937) — президент Чехословакии в 1918—1935 годах. Один из организаторов действовавшего в 1918 году в Сибири и Поволжье Чехословацкого корпуса.

[4] *Галата и Пери* — бывшие предместья Константинополя на противоположной от города стороне бухты Золотой Рог.

[5] Марковская, Корниловская и Дроздовская дивизии.

[6] Генуэзская конференция проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 года. Участвовало 28 государств, в том числе РСФСР.

Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936) — советский государственный и партийный деятель. Дипломат. Возглавил советскую делегацию на Генуэзской конференции.

[7] Это собрание было одной из ступеней на пути подготовки Всезарубежного Собора, состоявшегося в 1921 году в Сремских Карловцах.

[8] Евр. 13, 2; Евр. 13, 16.

[9] В 1925 году в Лондоне торжественно отмечалось 1600-летие I Вселенского Собора, проходившего в 325 году в Никее.

[10] Святой великомученик Димитрий Солунский пострадал около 306 года.

[11] *Святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалонитский* († около 1360 года), разработал учение о Божественных энергиях, о природе Фаворского света.

[12] *Стамболийский Александр Стоянов* (1879—1923) — болгарский политический и государственный деятель. В 1918—1920 и в 1920—1923 годах — глава правительства. При нем Болгария установила дипломатические отношения с СССР. Убит во время переворота в 1923 году.

[13] *Борис III* (1894—1943) — царь Болгарии (1918—1943).

[14] *Александр I Карагеоргиевич* (1888—1934) — с 1921 года король Югославии (до 1929 года — Королевства сербов, хорватов и словенцев). Убит хорватскими националистами-усташами.

[15] *Крупенский Павел Николаевич* — монархист, член II Государственной Думы. После октября 1917 года — эмигрант. Член Высшего монархического совета.

[16] *Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924) — октябрист, председательствовал в III и IV Государственных Думах.

[17] *Николай Николаевич* (1856—1929) — великий князь, внук Николая I, генерал от кавалерии. В 1914—1915 годах — Верховный главнокомандующий. В 1915—1917 годах — главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Эмигрант.

[18] *Ксения Александровна* (1875—1960) — супруга великого князя Александра Михайловича (1866—1933).

[19] *Гавриил Константинович* (1887—1955) — великий князь.

[20] *Андрей Владимирович* (1879—1956) — великий князь, сын великого князя Владимира Александровича.

[21] *Кшесинская Мария (Матильда) Феликсовна* (1872—1971) — балерина, была артисткой Мариинского театра в Петербурге.

[22] Петр Николаевич (1864—1931) — великий князь.

Милица Николаевна (1866—1951).

[23] *Ольга Александровна* (1882—1960) — великая княгиня, дочь императора Александра III, супруга Петра Александровича, принца Ольденбургского.

[24] *Татьяна Константиновна* (1890—1970) — великая княгиня, супруга князя К. Багратиона-Мухранского.

[25] *Кирилл Владимирович* (1876—1938) — великий князь, в эмиграции провозгласивший себя главой Дома Романовых.

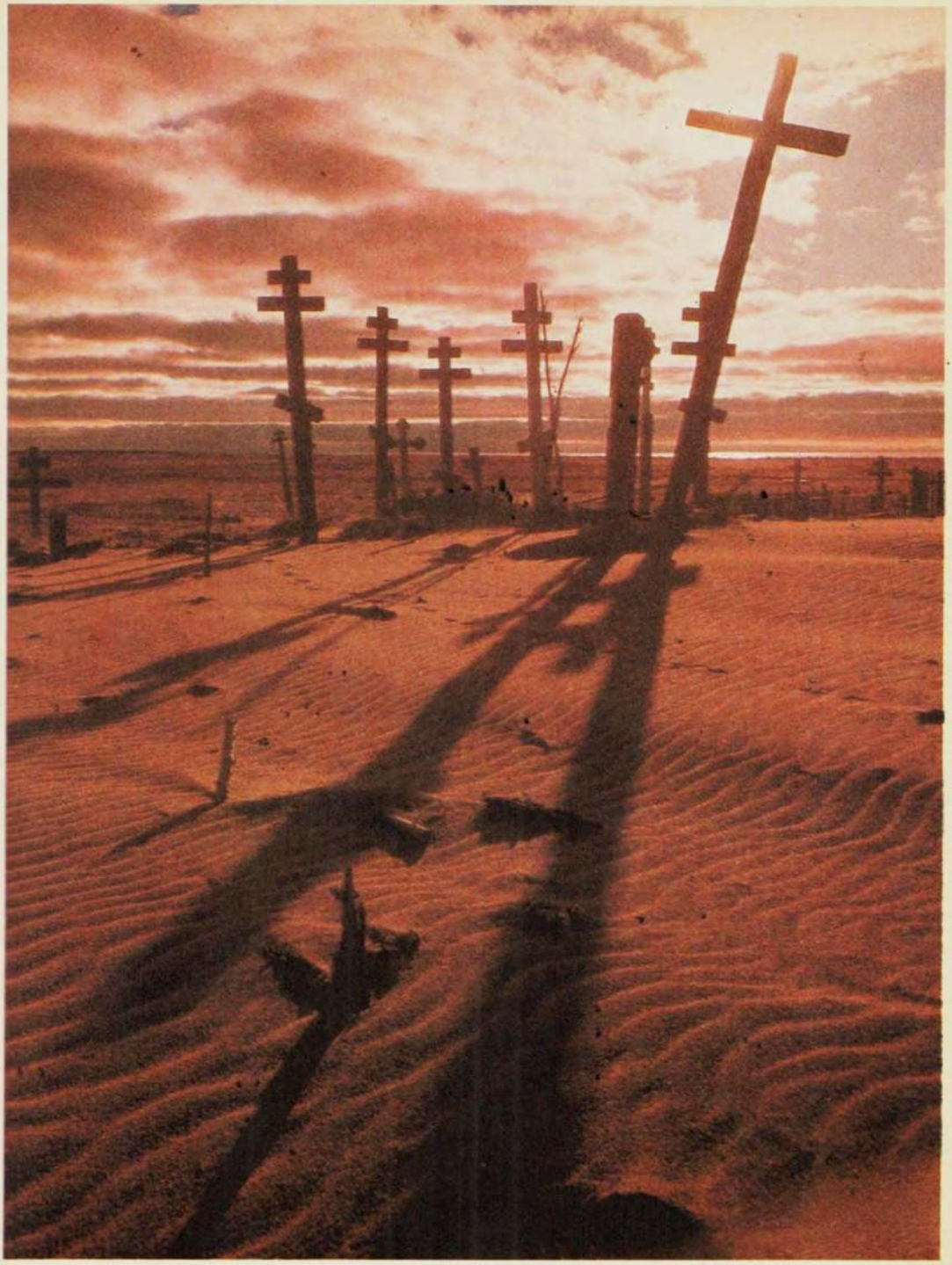
[26] *Кира Кирилловна* (1909—1967) — великая княгиня.

(Окончание следует)

Сдано в набор 07.07.93. Подписано в печать 20.08.93. Заказ 1017. Индекс 71157

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат

Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

КРЕСТЫ РОССИИ

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ